РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»

С.Д. Морозов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897–1917 ГГ.: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Утверждено к печати Институтом Российской истории РАН

12

Обязательный
бесплатный
экземпляр

Москва
ИРИ РАН

Пенза
ПГУАС

2011

УДК 94(470):316.3
ББК 63.3(2)527+60.7
М80

Ответственный редактор: Руководитель группы «Население России в XX веке» Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник В.Б. Жиромская

Рецензенты: проректор по научной работе Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор С.В. Стариков;

заведующий кафедрой Отечественной истории и археологии Самарского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор А.И. Репинецкий

Морозов С.Д.

М80 Центральная Россия в 1897–1917 гг.: Социально-демографическая история: моногр. / С.Д. Морозов. – М.: Институт Российской истории РАН; Пенза: ПГУАС, 2011. – 240 с.

ISBN 978-5-9282-0699-4

Впервые комплексно исследуется социально-демографическое развитие Центральной России в 1897–1917 гг. Рассматривается расположение крупнейшего региона, численность и размещение населения, его возрастно-половой состав, естественное движение, а также миграционные процессы и занятия.

Монография подготовлена на кафедре истории ПГУАС и предназначена для научных работников, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей России.

ISBN 978-5-9282-0699-4

© Институт Российской истории РАН, 2011
© Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2011
© Морозов С.Д, 2011

ВВЕДЕНИЕ

В истории России рубеж XIX–XX вв. и первые десятилетия XX столетия занимают особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических и политических событий. Катаклизмы (неурожай и голод в конце XIX – начале XX в., Русско-японская война, Первая мировая война, революции, смена общественного и государственного строя, массовая эмиграция из страны и т.д.) повлекли за собой глубинные изменения в социальном и демографическом развитии населения, его численности и размещении. Эти перемены имели долгосрочные последствия и определили особенности социально-демографических процессов вплоть до нашего времени.

Неудивительно, что вопросы социально-демографического развития населения, особенно проблема людских потерь в эти годы, стали сегодня центром внимания исторической науки и усиленно дискутируются у нас в стране в связи с неблагоприятной социальной и демографической ситуацией, сложившейся в России в 1990-х гг., корни которой уходят в прошлое, в том числе и в самое начало XX столетия. Использование в последние десятилетия многих ранее недоступных источников информации и свобода в выборе направлений и содержания исследования создали возможность глубокого изучения одного из значимых периодов в демографической истории страны.

Между тем социальные и демографические процессы российского общества первых десятилетий XX в. все еще недостаточно изучены.

Научные исследования начала XX в. и 1920-х гг., а также возобновившийся интерес к демографической истории в 1950–1990-х гг. и немногочисленные опубликованные тогда работы не исчерпывают проблему. В них авторы чаще всего касаются изменений в численности, а также приводят данные о потерях населения в 1900–1910-х гг. Комплексного исследования социально-демографического развития населения по широкому спектру параметров на протяжении двух десятилетий начала XX в. еще не создано.

В первые два десятилетия XX столетия в России развернулся процесс модернизации общества. Проявлением и одновременно следствием этого процесса стала урбанизация «сердца» России – ее Центрального региона. Этому способствовали начинавшийся демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Кроме того, происходили значительные изменения в рождаемости и смертности, в миграционных процессах. На природу и ход модернизации в условиях российской действительности повлияли факторы экзогенного порядка. Это позволяет проследить демографическое развитие населения в условиях резких социально-экономических и политических потрясений.

Сформировавшаяся в тот период социально-демографическая структура населения и стереотипы демографического поведения до сих пор проявляются в жизни общества. Это обстоятельство раскрывает причины внимания ученых различных специальностей к демографическим процессам 1900–1910-х гг., которые лежат в основе многих экономических, геополитических, национальных, конфессиональных и других проблем нашего времени.

Проблема, актуальная сегодня, остается малоизученной, а по многим вопросам – дискуссионной. Все это определило выбор темы настоящего исследования.

Предметом изучения явилось население Центральной России в 1897–1917 гг. и его основные социально-демографические параметры. Объектом исследования стала социальная и демографическая история региона: динамика численности населения, его размещение, естественное движение, рождаемость, смертность, брачность, миграции и занятия населения.

Хронологически исследование охватывает двадцатилетний период – с 1897 по 1917 гг. Изучено население Центральной России – от времени проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. и до начала Гражданской войны.

Исследование проводилось по материалам 23 губерний Центральной России, входивших в четыре географических района – Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, Северо-Западный (Озерный) и Поволжский. Собственно центральные губернии, включенные в два района (Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий), составляли ядро всего региона. Северо-западные и юго-восточные губернии, образовывавшие два других района (Северо-Западный (Озерный) и Поволжский), дали уникальную возможность провести количественный и качественный анализ, сравнить и сопоставить общее и особенное в социально-демографическом развитии всего региона.

При выделении для исследования совокупности этих губерний и районов был учтен комплекс главных критериев – факторов районирования: экономико-географические, культурные, национально-этнические связи и др. В основу районирования был положен принцип, предложенный П.П. и В.П.Семеновыми-Тян-Шанскими[1].

Важность и многоплановость проблемы привели к тому, что ее отдельные стороны неоднократно привлекали внимание исследователей.

О демографическом и социальном развитии России на рубеже XIX–XX вв. имеется немало работ. Но в большинстве своем они написаны современниками тех лет и посвящены отдельным проблемам – переселенческому движению, смертности, продолжительности жизни, занятиям населения. В конце XIX в. и в 1920-х гг. соответствующие исследования проводили С.А. Новосельский, Л.С. Каминский, П.И. Куркин, А.И. Чупров,

Н.В. Турчанинов, С.А. Глебовский, В.И. Гребенщиков, М.В. Птуха, М.К. Любавский, О.А. Квиткин, Л.И. Лубны-Герцык, Е.З. Волков и др.[2]

В 1930-х гг. демографические исследования резко сократились, а проблемы истории населения практически не обсуждались на страницах научной печати. И только с 1950-х гг. начинается новый этап в исследовании этой проблематики. Начиная с этого времени, до первой половины 1980-х гг. был опубликован ряд работ ученых различных специальностей, в которых рассматривались общие и отдельные проблемы социальной и демографической истории страны и отдельных регионов конца XIX – первых десятилетий XX в.

В работах А.Г. Рашина, И.Ю. Писарева, Б.Ц. Урланиса, В.К. Яцунского, В.М. Кабузана[3] рассматриваются численность населения, его размещение по стране в целом и в отдельных регионах и губерниях, демографическое развитие.

Подведение итогов изучения социально-демографической истории нашей страны и постановки новых задач в конце 1980-х гг. была посвящена коллективная монография «Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи» с участием Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, Д.К. Шелестова, В.З. Дробижева, В.В. Минаева, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана, С.И. Брука и др.[4]. Эта публикация исследует разные аспекты социально-демографического развития России в XIX–XX вв. и придает новый импульс дальнейшей разработке этой проблематики.

По мере открытия источников информации во второй половине 1980 – начале 2000-х гг. в нашей стране стали появляться исследования, в которых основное внимание уделялось ранее «закрытым» страницам отечественной социальной и демографической истории, в том числе давались оценки потерь населения в XX в.

Монографии Б.В. Тихонова и В.М. Кабузана, а также цикл статей Я.Е. Водарского, С.И. Брука и В.М. Кабузана[5] с привлечением архивных и опубликованных источников освещают миграционные потоки, в частности, переселение крестьян из центральных губерний за Урал, распределение народностей на территории России и другие вопросы.

В ряде публикаций и монографии Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)»[6] освещаются основные демографические процессы.

В книгах Д.К. Шелестова, в сборниках с участием А.Г. Вишневского, М.С. Тольца, Р.И. Сифман и других анализируются многие социальной и демографические показатели развития населения страны[7].

В начале 1990-х гг. вышел сборник статей, посвященный вопросам комплексного изучения социальной структуры и демографических процессов в России[8].

Особенно значимы для данного исследования своими новыми концептуальными подходами, а также подсчетами численности и потерь населения в годы Первой мировой и Гражданской войн[9] труды академика РАН Ю.А. Полякова. Посвященные главным образом 1920-м гг., они содержат ретроспективные экскурсы в начало XX в.

В монографиях и статьях В.Б. Жиромской анализируются: численность, потери населения, демографические процессы в городе и селе в начале 1920-х гг.[10]. Исследования В.Б. Жиромской содержат ретроспективные «выходы» в первые десятилетия XX в., в них введены в научный оборот многие закрытые ранее архивные документы.

В работах О.М. Вербицкой и Н.А. Араловец, посвященных сельскому и городскому населению первой половины XX в., изучаются социальные и демографические трансформации сельской и городской семьи, содержатся также данные по городам, губерниям и районам Центральной России[11].

В работах А.С. Сенявского и В.В. Минаева представлена целостная картина развития городского общества в XX в., показана роль урбанизации в российском историческом процессе, выявлены закономерности и национальная специфика российской урбанизации, проанализировано влияние урбанизации на социально-демографические процессы[12].

Монографии А.И. Репинецкого, посвященные социально-демографической характеристике профессиональной группы работников промышленности Поволжья, содержат интересный материал по численности, возрастно-половому составу, образованности рабочих в первые десятилетия XX в.[13].

Комплексному изучению проблем населения России посвящена коллективная монография «Население России в XX веке» (Т.1), подготовленная учеными Института Российской истории РАН (ответственный редактор издания – академик Ю.А. Поляков, ответственный редактор тома – В.Б. Жиромская)[14], где дается общая характеристика населения России на рубеже XIX–XX вв., анализируются городская и сельская семьи с конца XIX в. по 1920-е гг., приводятся новые подсчеты людских потерь в годы Первой мировой и Гражданской войн, показаны численность и расселение российской эмиграции, беженцев и военнопленных.

Блок историко-демографических работ завершает коллективная монография «Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование» под редакцией Г.Ф. Кривошеева, которая является дополненным и уточненным вариантом книги «Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР»[15]. В новом издании представляет большой научный интерес статистика и новые подсчеты авторами людских потерь в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и в Первой мировой войне 1914–1918 гг., выделенные ими из общих демографических потерь российской армии безвозвратных

боевых и безвозвратных небоевых потерь, а также подсчет баланса использования людских ресурсов в ходе военных действий.

Таким образом, в российской историографии сделано немало в области изучения социально-демографических вопросов. В целом новейшая историография характеризуется интенсификацией исследований, углублением проблематики, расширением круга источников, совершенствованием методов их обработки.

Однако до сих пор нет целостного, единого, обобщающего труда, освещающего комплексно проблему социального и демографического развития и охватывающего весь регион Центральной России.

Целью настоящей работы является комплексная характеристика населения Центральной России в 1897–1917 гг. по всем параметрам социально-демографического развития; показ его общей картины и выявление основных тенденций общего и особенного в развитии региона.

Постановка темы, ее хронологические и территориальные рамки определили основные конкретно-исторические задачи: показать в динамике демографическое развитие населения региона на рубеже XIX–XX вв. и вплоть до 1917 г. Для этого необходимо изучить численность и возрастно-половой состав населения; естественное движение населения в городах и селах (рождаемость, смертность, брачность и пр.); определить численность и направления миграционных потоков; исследовать кардинальные изменения в составе населения региона в годы Первой мировой войны (проанализировать численность и потери населения, демографическую ситуацию; деформацию возрастно-половой структуры; миграции населения): проанализировать распределение населения по отраслям экономики и занятиям.

Решение этих задач в совокупности послужит повышению уровня разработанности и обобщения одной из важнейших проблем отечественной исторической науки.

Основу источниковой базы исследования составили статистические материалы – опубликованные и архивные.

Для создания более полной общей картины численности и состава населения автором изучен значительный массив опубликованных источников как общероссийского, так и регионального характера.

Полезным источником явились специальные издания, содержащие общие сведения по всей России, количественные данные о движении населения. К этому комплексу относятся прежде всего публикации материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также «Адресные», «Справочные книги» и «Календари», ежегодные статистические сборники Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД), Министерства финансов и некоторые другие[16].

Первая всеобщая перепись населения России проводилась по состоянию на 28 января 1897 г. В основе ее организации и программы – проект П.П. Семенова-Тян-Шанского. Материалы переписи показали не только общую численность населения и его размещение по территории страны, ее регионам и губерниям, но и его структуры по широкому кругу показателей: по полу, возрасту, брачному состоянию, семейному положению, занятиям.

Материалы переписи и других официальных изданий позволяют достаточно полно осветить социальное и демографическое развитие России в конце XIX – начале XX в.

Из общероссийских официальных материалов, содержащих сельскохозяйственную статистику по центральным губерниям, необходимо выделить следующие сборники: «Статистика землевладения 1905 г.», «Материалы по статистике движения землевладения в России», «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России» в двух томах, сборники материалов сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. и некоторые другие[17].

Помимо официальной сельскохозяйственной статистики, ценные сведения по теме можно найти в «Земских подворных переписях»[18].

Региональные материалы по сельскому хозяйству представлены, прежде всего, статистическими сборниками губернских земств. Это «Сельскохозяйственные обзоры» центральных губерний, статистические сборники и ежегодники земств, специальные выпуски, оценочно-статические исследования губернских статистических комитетов, содержащие подробные сведения сплошных и выборочных подворных переписей[19].

Особую ценность в них представляют материалы о миграциях и занятиях населения в годы столыпинской аграрной реформы и Первой мировой войны.

Разнообразную социально-демографическую информацию содержат общие «Обзоры губерний», а также губернские справочные издания, именовавшиеся в разные годы «Адрес-календари», «Памятные» или «Справочные книжки»[20]. Но к их данным следует относиться сугубо критически, так как они являлись приложениями к ежегодным официальным «всеподданнейшим отчетам» губернаторов. Некоторые показатели в них либо завышались, либо занижались в интересах губернской администрации.

Определенный круг источников представлен материалами центральных и местных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Республики Татарстан (ЦГА РТ), Государственного

архива Пензенской области (ГАПО), Государственного архива Самарской области (ГАСамО), Государственного архива Саратовской области (ГАСарО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Кроме того, были использованы некоторые материалы рукописных отделов библиотек: Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и Отдела рукописных фондов Института Российской истории РАН (ОРФ ИРИ РАН).

Материалы статистики центральных архивов позволяют проанализировать численность городского и сельского населения по губерниям, динамику населения губернских центров, состав населения по занятиям[21].

Архивные материалы государственной статистики Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, губернских статкомитетов, а также канцелярий губернаторов содержат социальную и демографическую статистику и ежегодные отчеты с мест о движении населения, естественном приросте и миграциях[22].

Сведения о городском и сельском населении существенно дополняют материалы ведомственной статистики: фонды Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия, заводоуправлений и др.[23]. О движении сельского населения, социальной дифференциации крестьянства приводятся материалы в следующих источниках: Земском отделе МВД, Земских управах центральных губерний[24].

Использованные документы названных архивов отражают социально-демографическое развитие Центральной России.

В монографии использованы законодательные акты Российской империи рубежа XIX–XX вв. и первых лет Советской власти, определявшие правовое положение разных сословий, социальных слоев и групп, а также юридическую ответственность в сфере воспроизводства населения. К ним относятся «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР» (СУ); «Судебные уставы» и «Декреты Советской власти» (Т.I)[25].

Существенное значение для комплексного изучения социально-демографического развития Центральной России имеет разносторонняя информация прессы, центральных и губернских журналов и газет. В данной работе использована некоторая информация периодической печати России, выходившей в конце XIX – начале XX в., в 1920-х гг., а также научных и научно-популярных изданий 1950–1990-х гг.[26].

К литературным и публицистическим источникам, фрагменты которых приведены в работе, можно отнести воспоминания и размышления Н.Д. Телешова[27].

Разнообразные опубликованные документы, архивные материалы, периодические издания, привлеченные к исследованию, способствовали объективному освещению изучаемых проблем и позволили раскрыть содержание темы. В целом источниковая база является достаточно широкой и

представительной. Особенность корпуса источников состоит в том, что в нем главное место занимает статистика.

В исследовании социально-демографических изменений общества особенно важен принцип историзма. Основными принципами изучения материала являются сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-социологический, историко-системный, проблемно-хронологический, статистический и др.

При выборе методов статистического анализа автор опирался на опыт, накопленный исторической наукой[28]. В работе широко использовался контент-анализ. При обработке источников применялись некоторые математико-статистические методы: определялся коэффициент роста (скорость), подсчитывались относительные показатели, определялись показатели основных социальных и демографических параметров. Их использование позволило выявить основные закономерности и особенности социально- демографического состава изучаемого региона. Ведущим при этом, особенно в выявлении общего и специфического в демографическом и социальном развитии крупнейшего региона Европейской России, был принят сравнительно-исторический метод.

Научная новизна исследования определяется тем, что это – работа социально-демографического плана, в которой дается комплексная характеристика населения Центральной России в 1897–1917 гг. В ней впервые последовательно прослеживаются изменения в его численности, размещении, возрастно-половом составе, занятиях населения на протяжении всего двадцатилетия. Выясняется специфический характер этих параметров и их изменений в разных губерниях и районах исследуемого региона. Введен в научный оборот некоторый круг новых источников, произведено сравнение с подсчетами других авторов и уточнение ряда статистических данных. Работа характеризуется новым осмыслением материала, уже накопленного исторической наукой.

1. НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. Размещение населения

Центральная Россия в конце XIX – начале XX в. занимала третью часть территории всей Европейской России и включала в себя почти половину ее губерний. Географически она располагалась с северо-запада на юго-восток. Три района из четырех имели примерно одинаковую площадь: Северо-Западный (Озерный) – 293,6 тыс. кв. верст, Центрально-Промышленный – 306,2 тыс. кв. верст, Центрально-Земледельческий – 296,5 тыс. кв. верст и только Поволжский превосходил каждый из них в 1,6–1,7 раза. Этот район был расположен на площади в 513,6 тыс. кв. верст. Вся территория Центральной России составляла 1409,9 тыс. кв. верст. Губернии незначительно отличались по величине территорий и только некоторые из них занимали площадь в 3–4 раза больше других. В Северо-Западном районе (в Новгородской и Олонецкой губерниях) – соответственно 104,2 и 112,3 тыс. кв. верст, в Центрально-Промышленном (в Костромской) – 73,8 тыс. кв. верст, в Центрально-Земледельческом (в Тамбовской и Воронежской) – соответственно 58,5 тыс. и 57,9 тыс. кв. верст, в Поволжском (в Самарской и Астраханской) – соответственно 132,7 и 207,2 тыс. кв. верст[1].

Количество уездов также колебалось по районам и губерниям: в Северо-Западном – 34 (от 7 до 11), в Центрально-Промышленном – 82 (от 10 до 13), в Центрально-Земледельческом – 85 (от 10 до 15) и в Поволжском – 44 (от 7 до 12). Правда, количество городов превосходило количество уездов за счет наличия в них помимо уездных еще и заштатных. Однако в ряде губерний имелись лишь уездные города, а в Астраханской количество уездов превосходило число уездных городов – соответственно 7 и 5 – за счет двух своеобразных административных территорий, таких, как Калмыцкая и Киргизская степь (Орда)[2].

В трех районах Центральной России имелось 19 посадов, за исключением Центрально-Земледельческого, однако в ряде «посадских» районов некоторые губернии их не имели. В Северо-Западном районе насчитывалось 5 посадов в двух губерниях, кроме Петербургской и Олонецкой; в Центрально-Промышленном – 9 посадов в пяти губерниях, кроме Калужской и Ниже-городской; в Поволжском – 5 посадов в четырех губерниях, кроме Астраханской. Основными поселениями во всех губерниях и районах были села и деревни (их насчитывалось 167,7 тыс.), которые объединялись в сельские общества (68 тыс.)[3].

Статистические данные и оценки динамики численности населения этого региона свидетельствуют о том, что к концу XIX в. здесь наметились важные перемены. Так, если в первой половине XIX в. население возросло

на 46 %, то во второй половине – почти вдвое. Соответственно увеличился среднегодовой коэффициент прироста населения – с 7,8 % до 13,9 %, а среднегодовой темп роста населения в 1867–1897 гг. составил 1,1 %, обнаружив некоторые колебания в четырех районах региона Центральной России – от 0,7 % в Центрально-Промышленном до 1,6 % в Северо-Западном, тогда как в Европейской России этот показатель равнялся 1,3 %. В Центрально-Земледельческом районе этот показатель составил 0,8 %, а в Поволжском – 1,2 %[4]. Если в начале XIX в. в Центральной России проживал каждый пятый житель Европы, то в начале XX столетия – уже каждый четвертый.

Этот ускоренный рост свидетельствовал о том, что к концу XIX в. на значительной части территории Европейской России начались демографические изменения, основу которых составил процесс модернизации общества. Правда, в России, в отличие от стран Западной Европы, модернизация проявилась значительно позже (точкой отсчета можно считать реформы 1860–1870-х гг.) и осуществлялась медленно и противоречиво. Существенные изменения в темпах индустриализации, развитии предпринимательства, товарно-денежных отношений, в росте уровня образования, развитии сельского хозяйства и т.д. и, как следствие этого, – в характере процессов смертности, рождаемости, миграций обнаружились только в конце XIX в. Значительная территориальная и социальная дифференциация по экономическим, сословным, национально-этническим, конфессиональным и другим признакам обусловила неодновременность начала и различия в темпах демографических и иных изменений в отдельных социальных слоях, районах и губерниях Центральной и всей Европейской России.

В стране при ее огромной и сравнительно слабозаселенной территории у громадной части сельского населения земли не хватало ни для полноценного приложения труда, ни для получения необходимых продуктов. Со времени реформ 1860–1870-х гг. земельная недостаточность быстро нарастала. Острота положения все сильнее давала о себе знать в связи с заметной технической отсталостью сельского хозяйства, повторяющимися недородами, усилением эксплуатации крестьянства в условиях аграрного кризиса, ростом повинностей.

По данным правительственной комиссии, к 1901 г. в губерниях Центральной России в среднем на одного сельского жителя от надельной земли получалось по 16,6 пуд. продовольственного хлеба (к нему причислен и картофель в пропорции 1:3)[5]. В эпоху развитого товарного хозяйства, в век растущего промышленного и железнодорожного строительства, которое в конечном счете обеспечивалось поборами с деревенского населения, обеспеченность продуктами составляла уже не очень значительную часть общего прожиточного минимума. Поэтому наиболее часто встречающаяся в литературе и источниках продовольственная норма в

20 пуд. на человека в год весьма неточно обозначала действительную потребность сельского населения в зерне и картофеле. Сельскохозяйственная продукция, исчисленная на одно хозяйство или на одну душу сельского населения, значительна не в своем натуральном выражении, а как эквивалент в целом всех материальных благ, получаемых крестьянами от земли. Только часть этой продукции потреблялась в натуре, остальное надо было продать, чтобы приобрести необходимые продовольственные и промышленные товары, оплатить денежные повинности и т.д.

Условия аграрного кризиса конца XIX в. понизили доходность крестьянского земледелия. Недостаток у крестьян земли, к которой они могли бы приложить свой труд, несоответствие ее размеров трудовым ресурсам деревни и необеспеченность жизненных потребностей основной массы крестьян от надельной земли – несомненные признаки аграрного перенаселения, которое в конце XIX в. в Европейской и Центральной России проявилось с особой силой. Наличие аграрного перенаселения – факт несомненный. Встает вопрос о его характере и социальной природе.

Феодальное происхождение аграрного перенаселения отнюдь не являлось особенностью России: подобное имело место и в других европейских странах. Речь может идти лишь о том, в какой степени крупное землевладение в пореформенной России сохраняло в себе черты феодально-крепостнической эпохи. Этот вопрос достаточно разрешен: Россия относилась к числу тех европейских стран, в которых феодальные пережитки давали о себе знать в наибольшей степени, преобладающая часть помещичьих хозяйств на исходе XIX в. находилась в переходном периоде от полукрепостнического к капиталистическому[6].

Феодальные истоки аграрного перенаселения в Центральной России проявлялись в наибольшей степени. Сложнее доказать его капиталистическую природу, поскольку в пореформенное время зависимость крестьян от землевладельцев оставалась очень большой и приемы эксплуатации крестьян помещиками по форме были близки к феодальным. Отработочная и издольная система на рубеже XIX–XX вв. напоминали порядки крепостной эпохи. Однако повсюду феодальные по форме способы эксплуатации крестьян крупными землевладельцами не исчезали; наполненные новым содержанием экономического принуждения, они практиковались в капиталистическую эпоху.

Аграрное перенаселение – существенный фактор процесса урбанизации. Оно стимулировало крестьян к выходу из деревни и способствовало установлению различных форм их связи с городом. Обычно крестьяне уходили в город, оставаясь в старом сословном звании, как бы на временную отбывку. Проживание в городе иногда длилось долго, а порой постоянно. Многие кадровые рабочие городских крупных предприятий «по паспорту» числились крестьянами.

В известной мере можно считать, что переход крестьян в город в качестве отходников, то есть временных его обитателей, был основным способом градообразования, поскольку по численности этот переход, сочетавшийся с переменой сословной принадлежности, превосходил иные поступления людей в город. Временное отбытие в город легче оформлялось документально и не обусловливалось непременной сдачей надела и ликвидацией всего деревенского хозяйства. Последнее в какой-то мере страховало крестьянина на случай неудач в городе и облегчало, если возникала необходимость, его возвращение в деревню.

Критическое положение крестьянского хозяйства совпало с кризисом крестьянской мелкой промышленности. В губерниях Центрально-Промышленного района сельские жители издавна привыкли получать средства к существованию от разного рода промыслов. Но на рубеже XIX–XX вв. крестьянская промышленность перестраивалась и постепенно свертывалась. В связи с этим большая часть крестьян, ранее занятых в ней, теряла работу. В меньшей степени это коснулось сельских кустарей и ремесленников Центрально-Земледельческого, Северо-Западного и Поволжского районов. Однако в двух последних районах в связи с развитием железнодорожной сети уменьшился спрос на работников судоходства. Местные промыслы сменялись дальними, «отхожими». В свою очередь, эти промыслы замещались постоянной работой, что связывалось с фактическим отрывом работников от сельского хозяйства, переходом их в другие сословия, социальные слои и группы и изменением социальной структуры региона в целом. Кроме того, интенсифицировались миграционные процессы. Синхронность коренных изменений в обеих частях сельской экономики – в крестьянском сельском хозяйстве и в крестьянской промышленности – создавала особые трудности для крестьян.

Все это являлось теми социально-экономическими условиями, в которых протекали демографические процессы, росли численность населения и его концентрация в крупнейшем регионе Европейской России (прил. 1).

Общая численность населения Центральной России к началу XX в. составила 40491,8 тыс. чел., включая 5754,9 тыс. чел. городского и 34736,9 тыс. чел. сельского населения. При этом колебания численности населения по районам и губерниям достигали порой значительных показателей. Самым малонаселенным районом был Северо-Западный – 5003,8 тыс. чел., включая 1609,1 тыс. чел. городского и 3394,7 тыс. чел. сельского населения.

Среди губерний этого района первое место по общей численности занимала столичная Петербургская губерния: 2107,7 тыс. чел. за счет Петербурга; городское население здесь преобладало по той же причине, его численность равнялась 1423,4 тыс. чел., сельское составляло всего 684,3 тыс. чел. В остальных губерниях района доминировало сельское на-

селение, причем весьма существенно. Последнее место по численности занимала Олонецкая губерния, где общая численность населения была всего 366,7 тыс. чел., в том числе городского – 25,6 тыс. чел., сельского – 341,1 тыс. чел.

За Северо-Западным районом следовал Поволжский, численность населения которого равнялась 9918,8 тыс. чел., включая 910,1 тыс. чел. городского и 9008,7 тыс. чел. сельского, что свидетельствовало об аграрном характере этого района. Большая численность населения наблюдалась в это время в Самарской губернии – 2763,5 тыс. чел., в том числе 159,5 тыс. чел. городского и 2604 тыс. чел. сельского населения. Самой малонаселенной губернией района была Астраханская – общая численность 994,8 тыс. чел., городского – 134,5 тыс. чел., сельского – 860,3 тыс. чел., хотя по площади эта административно-территориальная единица занимала первое место не только в Поволжском районе, но и среди 23 губерний Центральной России. Это объяснялось нахождением на территории губернии двух обширных и почти пустынных территорий – Калмыцкой степи и Киргизской орды, а также самой низкой в регионе плотностью населения.

Самыми крупными по численности населения были Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий районы, насчитывавшие соответственно 11104,6 и 14464,6 тыс. чел., из них 1950,2 и 1285,5 тыс. чел. городского населения и 9154,4 и 13179,1 тыс. чел. сельского населения.

В Центрально-Промышленном районе наибольшей численностью населения отличалась Московская губерния с примерно равным количеством городского и сельского населения за счет высокого показателя Москвы. Здесь общая численность населения достигала 2433,4 тыс. чел., в том числе 1128 тыс. чел. городского и 1305,4 тыс. чел. сельского. В других губерниях района сильно преобладало сельское население, а самой малонаселенной губернией была Ярославская с общей численностью в 1072,5 тыс. чел., включая 144,5 тыс. чел. городского и 928 тыс. чел. сельского населения.

В Центрально-Земледельческом районе значительно преобладало сельское население, мало отвлекавшееся отходничеством, фабрично-заводской промышленностью и занятое преимущественно сельским хозяйством. Самой многочисленной губернией района была Тамбовская – 2715,5 тыс. чел., в том числе 229,4 тыс. чел. городского и 2486,1 тыс. чел. сельского населения. Наименьшей численностью отличалась Тульская губерния с 1432,7 тыс. чел. населения, включая 168 тыс. чел. городского и 1264,7 тыс. чел. сельского населения.

При сравнении отдельных губерний и районов Центральной России с 50 губерниями Европейской России видно значительное сходство в распределении населения по селам и городам. В Европейской России в 1897 г. насчитывалось 94215,4 тыс. чел., в том числе 12027 тыс. чел. городского и 82188,4 тыс. чел. сельского населения.

Наряду с общими данными о численности городского населения Центральной России и ее отдельных районов и губерний, интересны показатели численности населения 9 губернских центров, которые, по данным 1897 г., вошли в число 28 наиболее крупных городов России. Общая численность этих 9 городов (куда вошли и обе столицы) составила 3049,9 тыс. чел. или более половины всего населения 28 городов (5515,1 тыс. чел.). Конечно, в этой «девятке» ведущее место занимали Петербург и Москва с численностью населения соответственно 1264,9 и 1038,6 тыс. чел., являясь крупнейшими центрами промышленности и торговли не только в регионе, но и в целом в стране.

Ряд губернских городов региона с довольно развитой промышленностью и торговлей – Казань, Саратов, Самара – с численностью населения соответственно 130; 137,1; 90 тыс. чел. также вошли в число крупных российских центров. Не случайно Самару современники называли «купчихой первой гильдии», а иностранцы – «русским Чикаго». Крупными городами были также Тула (114,7 тыс. чел.), Астрахань (112,9 тыс. чел.), Нижний Новгород (90,1 тыс. чел.), Ярославль (71,6 тыс. чел.)[7].

Для пореформенного периода весьма характерным оказался высокий прирост населения пригородов крупных центров Центральной России и особенно Петербурга. Население пригородов, как правило, было тесно связано в своей трудовой деятельности с экономикой самого города. Удельный вес численности населения пригородов в отношении к общей численности населения Петербурга непрерывно возрастал и за указанный период увеличился более чем вдвое. Быстрый рост населения Петербурга происходил в результате массового притока рабочих на заработки. Рост численности населения Петербурга шел довольно интенсивно. Подсчитанный естественный прирост населения Петербурга по пятилетиям выглядел так: 1890–1894 гг. – 27,2 тыс. чел.; 1895–1899 гг. – 26,7 тыс. чел.; 1900–1904 гг. – 45,3 тыс. чел.[8]. Хотя естественный прирост населения Петербурга в течение рассматриваемого периода значительно увеличивался, все же, в основном, рост численности населения столицы происходил за счет притока извне.

Этот вывод подтверждают также показатели распределения населения Москвы по месту рождения и продолжительности пребывания в столице (по данным на 1902 г.). Пришлое население здесь составляло абсолютное большинство – 72,4 %, в то время как доля родившихся во «второй» столице была всего лишь 27,6 %. Сословная структура родившихся в Москве и за ее пределами показывает абсолютное и относительное большинство в числе пришлых крестьян, лиц, не указавших сословия; несколько меньше дворян и духовенства. Вместе с тем, более половины в числе коренных москвичей составляли почетные граждане, купцы, мещане и цеховые (прил. 2, 3).

Вопрос о размещении населения Центральной России на рубеже XIX–XX вв. тесно связан с вопросами людности селений, близости их друг к другу, размещения населения по жилищам. Губернии региона по числу жителей на одно селение располагались в следующем порядке: Астраханская – 622 чел., Самарская – 621, Пензенская – 483, Воронежская – 469, Саратовская – 443, Симбирская – 412, Тамбовская – 404, Казанская – 342, Курская – 332, Рязанская – 316, Нижегородская – 305, Орловская – 246, Тульская – 211, Московская – 171, Калужская – 171, Владимирская – 167, Тверская – 142, Петербургская – 113, Новгородская – 112, Костромская – 95, Олонецкая – 87, Ярославская – 85, Псковская – 61[9].

По занимаемой территории и близости селений друг к другу губернии Центральной России занимали следующие площади: Псковская – 2,2 кв. верст, Ярославская – 2,9, Московская – 3,8, Калужская – 4,3, Тульская – 4,5, Тверская – 4,9, Владимирская – 5,2, Костромская – 5,3, Орловская – 5,5, Курская – 6,2, Петербургская – 6,5, Рязанская – 7, Новгородская – 8,9, Нижегородская – 9,4, Тамбовская – 9,5, Казанская – 9,5, Воронежская – 11, Пензенская – 12, Симбирская – 12, Саратовская – 15, Олонецкая – 28, Самарская – 32, Астраханская – 169[10].

В течение второй половины XIX в. людность селений возросла лишь в немногих губерниях, в большинстве же она сократилась, то есть население расселилось, а именно: в Астраханской и Воронежской – более чем на 50 %, в Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Орловской, Тульской и Московской – от 25 до 50 % и, наконец, в Пензенской и Нижегородской губерниях – менее чем на 25 %. К концу XIX в. селения были многолюднее в Центрально-Земледельческом районе. Вследствие однообразия почвенных условий и отчасти степного характера этого ареала, население группировалось здесь крупными поселками по берегам рек или балкам. Чем плотнее заселялась местность, тем больше дробились селения. Центрально-Промышленный район, напротив, характеризовался малыми селениями. В целом, близость селений друг к другу находилась в обратном отношении к их людности. Исключение составляла обширная, пустынная губерния Северо-Западного района (Олонецкая)[11].

Данные переписи 1897 г., переписи некоторых городов и земские подворные статистические обследования дают прекрасный материал по вопросу размещения населения по жилищам, на основании которого была произведена группировка губерний Центральной России: 1) губернии с 300–400 тыс. дворов; 2) губернии с 200–300 тыс. дворов; 3) губернии с 100–200 тыс. дворов; 4) губернии с 100 тыс. дворов и менее. К последней группе принадлежали губернии Астраханская (61,8 тыс. дворов) и Олонецкая (52,1 тыс. дворов); остальные губернии занимали первые 3 группы. К первым двум группам относилось большинство губерний Центрально-

Промышленного и Центрально-Земледельческого районов; к последним двум – большинство территорий Северо-Западного и Поволжского районов.

В среднем на один двор в Центральной России приходилось по 3,2 чел. мужского пола, а так как в названном регионе число женщин превышало число мужчин на 5 %, то на 1 тыс. дворов приходилось 65,6 % населения, в том числе 32 % мужчин и 33,6 % женщин.

В конце XIX в. в губерниях Центральной России на 1 кв. версту в среднем приходилось по 2,5 жилых строения. Это соотношение в плотно заселенных полосах гораздо выше, чем в редкозаселенных. Так, в Московской губернии на 1 кв. версту приходилось по 8 жилищ, в Тульской и Орловской – по 6, в Олонецкой – 3.

Среднее число жителей на один дом в 23 губерниях Центральной России составляло 6,6 чел. По отдельным губерниям число жителей на один дом колебалось между 4,5 и 12,2 чел. Наиболее высокие показатели были обнаружены в следующих губерниях: Астраханской – 12,2 чел., Петербургской – 10,4, Московской – 8,4; наименьшие: в Псковской – 5,4, Владимирской– 5,3, Ярославской – 5,2, Костромской – 5,1, Тверской – 4,7 и Новгородской – 4,5. В остальных 14 губерниях на одно жилье приходилось от 5,5 до 8 чел.[12].

Наибольшее число жителей на один дом приходилось в столичных губерниях, за ними следовали плотно заселенные губернии Центрально-Земледельческого района; несколько ниже была плотность населения в черноземной степной полосе; еще ниже – в Центрально-Промышленном районе. Наибольшим простором жилищ пользовались жители лесных губерний Северо-Западного района.

Среднее число жителей на один дом в сельском населении Центральной России к началу XX в. уменьшалось преимущественно под влиянием семейных разделов, влиявших на демографическое развитие данного района или губернии. Кроме того, существовали различия между просторными избами Центрально-Промышленного района и тесными – Центрально Земледельческого. Плотно заселенная черноземная полоса уступала промышленной и в размерах построек.

В больших городах Центральной России плотность заселения была выше, нежели в таких же городах Западной Европы. Так, в Петербурге на каждый дом приходилось по 106 жителей, тогда как среднее число населения одного дома в Берлине – 61 чел., в Вене – 53, в Париже – 33, в Лондоне – 8 чел. В Москве было 48,5 жителей на один дом. Там же на средний дом приходилось 6 квартир разного рода, в том числе 5 жилых; в среднем петербургском доме было 16 квартир, в том числе 14 жилых. Примерно такое же число квартир насчитывалось в домах Парижа и Берлина.

Средняя московская квартира имела 4,3 комнаты, петербургская – 3,6, берлинская – 2,3, венская – 2. В Москве квартир в одну комнату было 15 %

от всего числа квартир, в Петербурге – 23,8 %, в Берлине – 51 %. Но среднее число комнат на одну квартиру не всегда являлось признаком большего или меньшего простора. Так, на 10 комнат приходилось в среднем в Москве 21, в Петербурге – 16, в Берлине – 19, в Вене – 13 жильцов. По данным на конец XX в. в Москве насчитывалось 7,2 тыс. подвальных жилищ или 7,5 % всех квартир столицы, в которых помещалось 58,9 тыс. чел., то есть 7,8 % всего населения. Из числа 96,7 тыс. московских квартир 2 тыс. или 29,5 % имели всего по одной комнате и вмещали в себя 11,9 тыс. чел., то есть по 58 жильцов на 10 комнат. Из общего числа жилых подвалов были значительно углублены в землю более 3 тыс. квартир с более чем 26,5 тыс. жильцов.

В Петербурге в то же время оказалось 73 тыс. подвальных квартир, или 7,3 % от всего их числа; в них 12,2 тыс. комнат с 49,6 тыс. жильцов (в среднем по 4 жильца на одну комнату), составляющих более 5 % всего населения Петербурга. Квартир, расположенные в верхних этажах и занятые по причине их неудобства преимущественно малообеспеченными слоями населения, в большом количестве имелись только в Петербурге: для жилья на 4 этаже – 11 тыс. (или 11 %), на 5 – 4 тыс. (или 4 %), в мансардах и мезонинах – 873 (или 0,8 %). В Москве количество квартир на 4 и 5 этажах составляли лишь 0,5 % от их общего числа[13].

Размещение населения по районам и губерниям дополняет и конкретизирует вопрос о распределении людей по типам поселений. Доля городского населения в Центрально-Промышленном районе доходила до 21,8 %; она заметно превышала показатель по Европейской России в целом – 13 %. Однако, если исключить из расчета столичный город, удельный вес горожан в названном районе будет равен 9,6 %, то есть он окажется ниже соответствующего по Европейской России[14]. Такое резкое снижение доли горожан при исключении из расчета населения одного города отражало последствия значительных миграций людей в этот город, которые сдерживали рост прочих городов в Центрально-Промышленном районе и в некоторых губерниях других районов исследуемого региона. Таковы главные районы концентрации горожан. Жители негородских промышленно-торговых центров реже распределялись по территории региона, чем горожане. Само количество этих поселений более всего зависело от структуры капиталистического предпринимательства, которая в разных его отраслях с неодинаковой силой территориально концентрировала производство.

Сравнительно мало негородских торгово-промышленных центров было в Центрально-Промышленном районе и, наоборот, их количество было резко увеличено в степном Поволжье и Заволжье. Это зависело не только от несовпадения отраслевой структуры крупной промышленности в двух указанных частях Центральной России (в Центрально-Промышленном районе большой удельный вес легкой, а в некоторых губерниях Поволжья –

тяжелой промышленности), но также и от существенного различия направлений их промышленного развития.

Среднее количество жителей города Центральной России в этот период составляло 19,2 тыс. чел. (без столичных губерний – 15,9 тыс. чел.), средняя численность населения крупного негородского промышленно-торгового центра (села, посада, слободы) равнялась 3,2 тыс. чел. По нашим подсчетам классификация городов региона по количеству жителей выглядит следующим образом: 1) более 100 тыс. чел. – 2,2 % городов, в которых проживало 36,2 % человек; 2) 50–100 тыс. чел. – 4,6 % и 15,9 % соответственно; 3) 25–50 тыс. чел. – 7 % и 12,9 %; 4) 11–25 тыс. чел. – 24,9 % и 19,7 %; 5) менее 11 тыс. чел. – 61,3 % и 15,3 %. Здесь ясно видна очень резкая неоднородность городов по числу жителей в них. Возьмем полярные данные: более трети (36 %) городских жителей находилось в 2,2 % городов Центральной России, а в более половине городов (61,3 %) проживало только 15,3 % чел.

К первой группе городов (св. 100 тыс. жителей) относились только 6 городов: Петербург (1264,9 тыс. чел.), Москва (1038,6 тыс. чел.), Саратов (137,1 тыс. чел.), Казань (130 тыс. чел.), Тула (114,7 тыс. чел.), Астрахань (112,9 тыс. чел.)[15]. Большинство этих городов являлись главными общероссийскими центрами передового экономического развития в ту эпоху: основные пункты индустриализации и центры торговли.

В этой первой группе городов Центрально-Промышленный район представлен «вторым» столичным городом; Центрально-Земледельческий также отмечен одним городом; характерно, что в эту высшую категорию городов больше не попал никакой другой город Центрально-Земледельческой группы губерний. Вся огромная Поволжская группа губерний была представлена тремя городами, располагавшимися на ее периферии: у границы с Центрально-Промышленным районом, по волжскому пути. Совсем мало в первой группе было городов из Северо-Западного района – один столичный центр.

Во второй группе городов (50–100 тыс. чел.) встречалось много губернских административных центров, большинство из которых отмечены оживленной хозяйственной жизнью. Таковы Нижний Новгород (90,1 тыс. чел.), Ярославль (71,6 тыс. чел.), Воронеж (80,6 тыс. чел.), Курск (75,7 тыс. чел.), Самара (90 тыс. чел.). Ряд губернских центров имел 50–70 тыс. жителей: Пенза, Орел, Тверь. Во вторую группу входили и особые города: Кронштадт Петербургской губернии (59,5 тыс. чел.), а также ряд значительных уездных городов с 50–70 тыс. населения, в том числе Царицын Саратовской губернии. Как исключение, в группу крупных городов входил и заштатный город Иваново-Вознесенск Владимирской губернии (54,2 тыс. чел.)[16].

Крупные города, составлявшие первую и вторую группы, находились во всех губерниях Центральной России. Категорию же средних по размеру

городов (25–50 тыс. чел.) образовывали некрупные городские административные центры губерний; с ними успешно конкурировали некоторые города – центры уездного управления.

На облике городов и на их соотношении с периферией отражалась утвердившаяся в Российской империи единая экономическая система с распределением отраслевой специализации по отдельным регионам. На становлении сети городов отрицательно сказывались угнетавшие всю экономическую, общественную, административную и политическую жизнь устаревшие формы и структуры. Влияние их давало о себе знать слабостью развития городов в Центрально-Земледельческом и в большей части Северо-Западного районов.

Величина негородских населенных пунктов несоизмерима с размерами городов: по численности населения они были значительно мельче. В Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах находилось ок. 470 таких пунктов, из них 4 имели св. 10 тыс. жителей: Орехово-Зуево Покровского уезда Владимирской губернии (33,1 тыс. чел.), Колпино Царскосельского уезда Петербургской губернии (12,2 тыс. чел.), Гусь-Мальцевский Меленковского уезда Владимирской губернии (12 тыс. чел.) и Озеры Коломенского уезда Московской губернии (11,2 тыс. чел.).

В десяти пунктах проживало по 5–10 тыс. чел. Среди них известные промышленные центры: Глухово Богородского уезда Московской губернии, Тейково Шуйского уезда Владимирской губернии, Людиново и Песочня Жиздринского уезда Калужской губернии, Кимры Корчевского уезда Тверской губернии. Остальные негородские пункты Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов имели не более 5 тыс. жителей. Фактически большая часть их располагала ок. 1 тыс. чел. Это примерно столько же, сколько обычно имелось на одном крупном промышленном предприятии.

В Центрально-Земледельческом районе поселения были крупнее, в связи с этим число жителей в негородских пунктах было больше, чем в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах. Свыше 10 тыс. чел. проживало в 16, а от 5 до 10 тыс. чел. – в 143 пунктах[17]. Однако на 992 пункта, имевшихся в этой части Центральной России, это было совсем немного. Несколько выше доля крупных промышленных негородских поселений была в Поволжье, особенно в степных уездах заволжских губерний – Самарской и Саратовской.

Распределение городов по их размеру приводит к следующим выводам. Наблюдалась большая дифференциация городов по числу жителей: наличие среди массы мелких городов крупных и крупнейших, с преимущественным стягиванием этих значительных городов к Центрально-Промышленному району. Такое расположение основных городских центров не было случайным – оно выражало неравномерность социально-экономиче-

ского развития региона. Процесс урбанизации сопутствовал развитию капиталистических отношений. При неравномерном распределении городов и городского населения все же весь регион был охвачен значительной сетью городов. Показательно, что все географические ареалы Центральной России имели широкое представительство во всех категориях городов – крупных, средних и мелких. В этом выразились успехи экономического развития страны к началу XX в.

1.2. Состав населения по возрасту и полу

Наиболее важным демографическим показателем является состав населения по полу и возрасту. Довольно подробные сведения по рассматриваемому вопросу приведены в материалах переписи населения 1897 г.

На 100 мужчин Центральной России в среднем приходилось тогда 104 женщины; среди городского населения – 91 женщина, а среди сельского населения – 106 женщин. О распределении отдельных сословий по полу можно судить по следующим данным: здесь на 100 мужчин приходилось: у дворян потомственных – 112 женщин, у дворян личных и чиновников – 110, у лиц духовного звания – 118, у потомственных и личных почетных граждан – 96, у купцов – 104, у мещан – 106, у крестьян – 104, у войсковых казаков – 104. Соотношения численности мужчин и женщин наиболее многочисленных сословий – крестьян и мещан – оказались близкими к средним показателям по всему населению Европейской России[18].

В прил. 4 приведены данные о соотношении мужчин и женщин по 23 губерниям Центральной России. Состав населения по полу в отдельных губерниях в значительной степени был различным. Так, в Ярославской губернии на 100 мужчин приходилось 133 женщины, в Калужской – 126, в Тверской – 125, в Костромской – 123. В этих губерниях наблюдалось широкое развитие отхожих промыслов. В Петербургской губернии и Петербурге, наоборот, число женщин отставало от числа мужчин. В эти губернии направлялись значительные массы рабочего, преимущественно мужского, населения для работы на фабриках или в сельском хозяйстве.

Как отмечал П.П. Семенов-Тян-Шанский, значительное преобладание женщин в ряде губерний Центрально-Промышленного района на рубеже XIX–XX вв. отчасти было вызвано отходом мужского населения на заработки в столицы. Кроме того, по мнению А.И. Чупрова, в губерниях со значительным численным перевесом женщин смертность мужчин была выше на 9–14 %, тогда как в среднем по Европейской России смертность их превышала женскую только на 4 %[19].

Материалы переписи 1897 г. содержат сплошные данные о распределении всего населения по полу и возрастным группам. Особенность возрастного состава населения Центральной России выражалась в следую-

щем: младшие возрастные группы до 20 лет насчитывали почти половину всего населения – 48,7 %, причем в возрастной группе до 10 лет было 27,3 % населения. На возрастные группы 20–39 лет приходилось 37,2 %, а старше 60 лет – всего 7 % населения. Различия в распределении по возрасту мужчин и женщин были в целом небольшими.

Удельный вес некоторых возрастных групп в городах резко отличался от удельного веса этих групп в сельской местности. В возрасте до 10 лет в селах насчитывалось 28,3 %, а в городах – 19,7 % от общей численности населения. Наиболее работоспособные возрастные группы 20–39 лет среди городского населения составляли 37 %, среди сельского населения – лишь 27 %. Различия в возрастном составе городского и сельского населения Центральной России были значительнее у мужчин. Среди городского населения в возрасте 20–39 лет мужчин было 40,8 %, а женщин – 32,9 % от общей численности[20].

Эти подсчеты подтверждаются выводами о том, что возрастной состав городского и сельского населения Центральной России представлял значительные различия. В городах преобладали лица рабочего возраста, доля детей и стариков была ниже, чем среди сельского населения. По подсчетам известного русского демографа С.А. Новосельского, младенцев в городах насчитывалось 2,7 ‰, в селах – 3,5 ‰, детей до 15 лет соответственно – 27,3 ‰ и 36,2 ‰, лиц в возрасте 15–60 лет – 63,7 ‰ и 53,3 ‰, лиц старше 60 лет – 8,3 ‰ и 6,9 ‰. В 1897 г. в городах Центральной России женщины составляли в среднем 9,1 ‰[21].

Темп роста числа женщин в Петербурге в конце XIX в. был более высоким по сравнению с темпом роста числа мужчин, поэтому соотношение общей численности мужского и женского населения в эти годы уменьшилось. Сравнительно значительный рост дает возрастная группа до 15 лет, удельный вес которой вырос с 19,5 до 23,1 %. Эти данные также свидетельствуют о вполне определившихся процессах увеличения удельного веса тех групп населения, которые проживали в Петербурге с семьями. Заметно уменьшилась возрастная группа от 31 до 60 лет – с 38,8 до 32,8 %[22].

В 1897–1902 гг. рост численности женского населения в Москве также проходил более интенсивными темпами, чем рост мужского населения: в 1897 г. коэффициент женщин составил 75,5 ‰, в 1902 г. – 76,7 ‰. О распределении населения Москвы без пригородов по основным возрастным группам имеются данные переписи 1902 г. К началу XX в. увеличился удельный вес двух возрастных групп: 0–9 лет и 20–29 лет; группа 30–39 лет в целом осталась стабильной, а удельный вес всех остальных групп понизился. Среди населения «второй» столицы большинство составляли лица работоспособного возраста – 15–59 лет. Материалы переписи дают наглядное представление о значительном росте в Москве детского населе-

ния до 9 лет. Так, удельный вес младенцев в 90-х гг. XIX в. вырос на 49 %, а к 1902 г. – на 88,5 %, детей в возрасте 1–4 лет соответственно – на 30,8 % и на 83,5 %; 5–9 лет – 29,3 % и 60,8 %. В целом же количество детей до 9 лет возросло в 90-х гг. XIX в. на 36,4 %, а к 1902 г. – на 77,6 %. Рост детского населения проходил в гораздо более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения: численность младенцев увеличилась на 137,5 %, детей в возрасте 1–4 лет – на 114,3 %, 5–9 лет – на 90,1 %, в целом, детей до 9 лет – на 114 %[23].

На возрастно-половой состав населения влияли показатели брачности и рождаемости. К концу XIX в. удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наиболее высоким в Астраханской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях, соответственно – 77,5 %, 73 %, 67,6 % и 67 %; коэффициент рождаемости в этих губерниях равнялся 53,7 ‰, 52,1 ‰, 57,7 ‰ и 55,4 ‰. В губерниях с высоким удельным весом невест в возрасте 20 лет и моложе показатели рождаемости оказались более высокими. Вместе с тем, в Псковской и Петербургской губерниях удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наименьшим в регионе, соответственно – 31,4 % и 27,3 %; коэффициенты рождаемости равнялись 40,6 ‰ и 29,5 ‰[24]. Эта группа губерний имела пониженными и показатели рождаемости.

В.И. Гребенщиков отмечал, что по данным 1896–1897 гг., относящимся к 26 губерниям Европейской России, средний коэффициент рождаемости среди женщин 15–50 лет равнялся 19,9 ‰[25]. По нашим подсчетам, различия рассматриваемого показателя в городах и селах 14 губерний Центральной России имелись и, порой, весьма значительные. В среднем, в регионе рождаемость составляла в губернских городах 14 ‰, в уездных и заштатных городах – 22,2 ‰ и в сельской местности – 21,3 ‰. Средние показатели Европейской России были ниже Центрального региона, соответственно – 12,4 ‰, 15,7 ‰ и 20,6 ‰.

Однако в отдельных губерниях выявились большие различия. Особо резкие несоответствия показателей рождаемости в губернских городах и в сельской местности наблюдались в губерниях: Воронежской – 13,4 ‰ и 26 ‰, Орловской – 13,9 ‰ и 23,5 ‰ и Казанской – 13,6 ‰ и 31,4 ‰. В губерниях со значительным развитием отхожих промыслов различия в показателях рождаемости в губернских, уездных городах и в селах были сравнительно небольшими.

Рождаемость в Центральной России на рубеже столетий находилась на очень высоком уровне и выражалась к началу XX в. коэффициентом примерно в 50 ‰. На протяжении XIX в. рождаемость находилась приблизительно на одном уровне, но с начала XX в. она стала снижаться. Это видно из показателей 1891–1905 гг. по пятилетиям: 49,6 ‰, 49,7 ‰, 48,9 ‰[26]. На протяжении 15 лет коэффициент рождаемости упал незначительно, но это уже свидетельствовало о том, что Россия в начале XX в. вступала на путь,

по которому ведущие западноевропейские страны пошли еще в 70-х гг. XIX в. Это путь регулирования числа детей в семье, который можно назвать «контролем рождаемости».

Применение контроля рождаемости требовало известного культурного уровня, поэтому понятно, что в начале он стал распространяться среди городского населения. В результате этого, а также ряда других факторов возникло различие между уровнем рождаемости в городе и в селе. Так, коэффициент брачной плодовитости в городе в 1896–1897 гг. составил 247,2, а в селе – 307,1[27]. Важно отметить, что контроль рождаемости начал распространяться уже в ту пору и в сельской местности, так как там было отмечено некоторое снижение коэффициента рождаемости.

Однако, несмотря на указанное выше, высокая рождаемость была характерна не только для крестьянского населения России; среди грамотных и обеспеченных слоев населения того времени нередки были семьи с очень большим количеством детей. К примеру, у Л.Н. Толстого было тринадцать детей; в семье московского чиновника тринадцатым ребенком был впоследствии известный хирург Н.И. Пирогов; у директора тобольской гимназии родилось семнадцать детей, причем последним ребенком был выдающийся ученый-химик Д.И. Менделеев.

Существенным фактором высокого уровня рождаемости среди крестьянства было наличие общинной земельной собственности. Время от времени производились земельные переделы, по которым многодетные семьи иногда получали больше земли.

В конце XIX в. в Центральной России среднегодовой коэффициент рождаемости составлял ок. 50 ‰; такой его высокий уровень был довольно устойчивым.

В 1891–1900 гг. колебания рождаемости в 23 губерниях региона были незначительными – 50,7–49,5 ‰. Снижение показателей рождаемости стало заметно лишь в первое десятилетие XX в. А вот снижение смертности носило более заметный характер – с 36,5 до 32,1 ‰, так же, как и показатели естественного прироста, – с 14,2 до 17,4 ‰. Есть основания полагать, что в Центральной России на снижение рождаемости оказала влияние урбанизация. Наиболее низкие показатели рождаемости, которые приближались к показателям Прибалтики и некоторых западноевропейских стран, были в Северо-Западном районе. В губерниях, расположенных юго-восточнее этого района, рождаемость достигала порой биологически возможных пределов – 50–60 ‰. Этим отличались Центрально-Земледельческий и Поволжский районы. Между ними и Северо-Западным помещался Центрально-Промышленный район.

Высокая рождаемость в Центральной России объяснялась не какими-то биологическими или национальными особенностями, а ранними браками

крестьянского населения, которое составляло большинство населения региона.

В указанный период колебания рождаемости в регионе в целом были незначительными. Снижение показателей рождаемости вполне определилось позже, в первое десятилетие XX в. Из отдельных факторов, повлиявших на снижение рождаемости, можно выделить уменьшение брачности и рост городского населения, среди которого рождаемость была сравнительно пониженной.

Высокой рождаемости в Центральной России сопутствовала очень высокая смертность, несмотря на некоторое снижение в России, она была выше, чем во многих других странах.

Определим, какова была динамика коэффициента смертности в Центральной России за 10 лет (с 1891 по 1900 гг.) За этот период по пятилетиям коэффициенты были следующими: 36,2 ‰, 32,1 ‰. Особо высокий показатель смертности наблюдался в 1892 г. – 41 ‰[28]. В период 1891–1895 гг. коэффициент смертности был довольно высоким. Только начиная с 1896–1900 гг. наблюдалась некоторая тенденция к его снижению.

Небольшое снижение смертности, которое наблюдалось в тот период, объясняется, главным образом, уменьшением распространения острозаразных болезней в результате усилий земских врачей и некоторого улучшения медицинского обслуживания населения, особенно в городах. Несмотря на успехи медицины в работе по оздоровлению населения уровень смертности продолжал оставаться очень высоким. Особенно он был велик в неурожайные годы, когда сотни тысяч людей погибали от голода и связанных с ним эпидемий.

В голодные годы коэффициент смертности в Центральной России превышал 40 ‰, а в отдельных губерниях, наиболее страдавших от голода, «коса смерти» производила настоящее опустошение. Так, например, в 1892 г. в Астраханской губернии коэффициент смертности достиг необычно высокого уровня – 78,4 ‰. Это означало, что только за один год погибал каждый 12 житель Астраханской губернии. Но даже и в урожайные годы смертность в Центральной России была очень высока: люди, принадлежавшие к низшим слоям и группам городского и сельского населения, умирали в огромном количестве в результате тяжелых условий жизни.

Надо подчеркнуть, что высшие и средние слои предпринимателей, дворянства, чиновничества, духовенства, интеллигенции жили в гораздо лучших условиях и уровень смертности у них был значительно ниже.

Имеющиеся немногочисленные материалы о положении сельского населения в Центральной России подтверждают этот вывод. Так, используя документы подворной переписи Воронежской губернии 1897 г. и данные известного земского статистика Ф.А. Щербины, была подсчитана зависимость уровня смертности от уровня материальной обеспеченности

крестьянства. У безземельных и малоземельных слоев сельского населения коэффициент смертности был почти в 1,5 раза выше, чем у зажиточных[29]. Все это говорило о том, что в условиях резкой социально-экономической дифференциации существовало и резкое различие в уровне показателей смертности.

Данные о значительных различиях показателей смертности населения центральных кварталов и окраин Петербурга в конце XIX в. важны для определения социальной дифференциации смертности городского населения. Смертность от разных причин в центре составляла 28,9 ‰, на окраинах – 45,5 ‰; от холеры соответственно – 1,5 ‰ и 2,8 ‰; от тифа – 1,2 ‰ и 1,8 ‰; от оспы – 3,4 ‰ и 6,8 ‰[30]. Следовательно, на окраинах, где проживали малоимущие слои населения, смертность, по сравнению с центром города, заселенным главным образом богатыми и состоятельными людьми, была почти вдвое выше.

Показательны в этом отношении и сведения о динамике заболеваний петербургского населения брюшным тифом в 1892–1901 гг. по пятилетиям. В 1891 г. среднее число заболеваний составило 2,3 тыс., в 1892–1896 гг. – 1,5 тыс., в 1897–1901 гг. – 5,7 тыс.; в среднем за весь период – 3,1 тыс.[31].

Необходимо отметить, что вследствие недостаточно удовлетворительного учета умерших среди отдельных групп населения приведенные показатели смертности, вероятно, являются несколько заниженными.

Очень важными являются показатели взаимосвязи смертности и брачности. С.А. Новосельский, проанализировав показатели смертности по разным категориям брачного состояния в Петербурге за 4 года (1899–1902 гг.), установил, что смертность холостых мужчин и вдовцов значительно превышала смертность женатых. Аналогичная зависимость наблюдалась и у женщин, хотя она была не так ярко выражена, а в двух последних возрастных группах, напротив, оказывалась выше смертности замужних. Более высокая смертность замужних в возрасте 21–30 лет связана с неблагоприятным влиянием вступления в половую жизнь и деторождения на здоровье молодой женщины. При изучении различий в смертности от разных причин оказалось, что холостые и вдовцы умирали от туберкулеза в 2–3 раза чаще, чем женатые, девицы и вдовы – чаще замужних, за исключением возраста 16–30 лет, в котором смертность замужних от туберкулеза была выше. Смертность от рака холостых и вдовцов была выше смертности женатых; смертность девиц от рака была гораздо ниже смертности замужних[32].

Кроме того, другой причиной более высокой смертности незамужних женщин являлось то, что в брак вступали преимущественно более зажиточные, а менее обеспеченные чаще оставались холостыми. Иными словами, влияние оказывало социальное положение того или иного лица и различная степень благосостояния. Эти обстоятельства объясняют более

высокую смертность «старых дев» и вдов. Что же касается высокой смертности холостых и вдовцов, то здесь подобное объяснение малопригодно, поскольку для Центральной России конца XIX в. не было оснований считать женатых более зажиточными, чем холостых, особенно среди низших и малообеспеченных слоев городского и сельского населения.

К 1905 г. за 15 лет смертность в Центральной России понизилась примерно на 15 %. При этом следует учитывать, что значительную долю общего показателя смертности составляла детская смертность. Если принять во внимание снижение рождаемости, которое произошло в тот же период, то при прочих равных условиях это привело к относительному уменьшению смертности в возрасте 0–4 лет; вследствие этого темпы снижения общего показатели смертности не столь значительны. С учетом падения рождаемости общий коэффициент смертности за указанные 15 лет снизился не на 15 %, а на 10 %.

В 1890 г. было заметно небольшое снижение показателей смертности по сравнению с рождаемостью. Но в следующее пятилетие (1891–1895 гг.) смертность вновь повысилась до 36,2 ‰. Особенно высокая смертность была в 1892 г. – 41 ‰[33].

Такие неблагоприятные годы, как 1892 г., повторялись довольно часто[34]. Приведем доказательство из официальных отчетов того времени о крайнем неблагополучии населения в отношении санитарного состояния: «Война [Русско-японская – С.М.] ... и неурожай в связи с экономическим кризисом и безработицей тяжело отозвались на народном здравии. Коэффициент смертности в Европейской России значительно повысился (до 30,9 ‰) против цифры предыдущего года (29,1 ‰) и был наивысшим в 1899–1904 гг., лишь немного уступая цифре смертности (31,1 ‰) неблагоприятного 1901 г.»[35].

Одним из ярких показателей экономической отсталости и низкого уровня санитарного состояния России исследуемого периода являлась исключительно высокая детская смертность. К сожалению, большинство опубликованных работ по вопросам детской смертности ограничивалось анализом коротких периодов или незначительных территорий – отдельных губерний и уездов, поэтому использование литературных и документальных источников помогло систематизировать основные материалы по этим вопросам.

Уместно привести данные о смертности младенцев в Центральной России за 10 лет: с 1891 по 1901 гг. по пятилетиям: 1891 г. – 26,9 ‰, 1892–1896 гг. – 27,5 ‰, 1897–1901 гг. – 26 ‰. Таким образом, в среднем за 10 лет смертность младенцев составила 26,8 ‰. Снижение младенческой смертности было в целом весьма незначительным. Чрезвычайно высокая смертность младенцев наблюдалась в 1892 г. Самый низкий показатель

младенческой смертности в регионе был равен 23–24 ‰, ниже этого предела он никогда не опускался[36].

Наблюдались также весьма большие различия в показателях смертности младенцев по отдельным губерниям Центральной России. Вместе с тем отметим, что младенческая смертность учитывалась не полностью, особенно церковной статистикой, из-за смерти некрещеных младенцев, причем этот недоучет был по некоторым губерниям значительным.

Несмотря на то, что в период с 1890 по 1897 гг. показатель смертности младенцев менялся в разных губерниях региона в сторону увеличения или уменьшения, все же наиболее высоким он был в следующих губерниях: Московской – соответственно по годам – 40,6 ‰ и 36,6 ‰, Нижегородской – 39,7 ‰ и 41 ‰ Владимирской – 38,8 ‰ и 36,3 ‰. Менее высокой младенческая смертность в эти годы наблюдалась в губерниях: Рязанской – 27,7 ‰ и 29,2 ‰, Астраханской – 24,5 ‰ и 29,8 ‰, Курской – 22,4 ‰ и 25,5 ‰. В среднем по 50 губерниям Европейской России в эти годы умирало младенцев 27,1 ‰ и 27,4 ‰.

Данные о смертности младенцев в Петербурге в 1890–1901 гг. свидетельствуют о том, что детская смертность в столице на протяжении периода в 10 лет продолжала оставаться высокой. Самый низкий показатель (22,8 ‰) был в 1890 г., немного выше – от 24 ‰ до 24,9 ‰ были показатели в 1891, 1892, 1893, 1894, 1899 гг. К началу XX в. этот показатель вновь поднялся до 26,5 ‰. В среднем за 10 лет показатель младенческой смертности равнялся 25,5 ‰[37].

По данным П.И. Куркина, младенческая смертность в Московской губернии в конце XIX в. составляла 45,4 % от общей смертности всех возрастов, причем этот показатель колебался: в 1890–1892 гг. – 45,7 %, в 1893–1897 гг. – 43,5 %. По районам губернии младенческая смертность составляла: на западе – 54,9 %, на севере – 47,4 %, в центре – 43,6 %, на юго-востоке – 40,2 %. По уездам этот показатель возрастал от 39 % в Подольском до 56 % в Рузском уездах[38].

Детская смертность была очень велика вследствие неумелого ухода за детьми, неправильного кормления, антигигиенических обрядов, непосильного труда в период беременности, плохого питания и недостатка медицинской помощи. Особенно много умирало младенцев, когда слабый организм на первом году жизни сталкивался с неблагоприятными условиями жизни, не выдерживал и погибал. О динамике детской смертности в регионе за 10 лет (с 1891 по 1901 гг.) дают представление следующие коэффициенты по пятилетиям: 1891 г. – 26,9 ‰, 1892–1896 гг. – 27,5 ‰, 1897–1901 гг. - 26 ‰. Особенно высокого размера достигала детская смертность в неблагоприятном 1892 г. Как показывают статистические материалы, детская смертность достигла в Московской губернии 40,6 ‰, в Нижегородской – 39,7 ‰.[39] В этих губерниях снижение детской смертности стало заметным

только в 1910 г. Некоторая тенденция к снижению детской смертности начала проявляться лишь в первые годы XX в.

Основными причинами этого были голод, а также чрезвычайно тяжелые условия быта широких слоев населения. На это указывали исследователи того времени, в частности, Д.А. Соколов, В.И. Гребенщиков и С.А. Глебовский[40]. В основе нищеты крестьянства было малоземелье, а также недостаток скота и инвентаря. Чем лучше крестьянин был обеспечен всем этим, тем выше был материальный уровень его хозяйства и тем меньше была детская смертность. Иллюстрацией этого могут служить данные по Воронежской губернии за 1897 г. Во дворах, обеспеченных лучше, уровень детской смертности был на 1/3 ниже[41].

Повышенные показатели детской смертности были связаны также с низким культурным уровнем матерей. Подсчитанные и сгруппированные данные о количестве грамотных женщин в 1897 г. и средние данные о смертности детей в возрасте до 5 лет в 1890-1896 гг. отражают следующие показатели: 1) грамотность – 49,2 %, смертность – 35,1 ‰; 2) соответственно 16 и 40,6 ‰; 3) 9,4 и 43,1 ‰; 4) 6 и 46,4 ‰[42]. Эти данные показывают, что чем ниже доля грамотных женщин, тем выше смертность детей.

Наиболее высокой была смертность детей в возрасте до 5 лет в трех губерниях Центральной России: Московской, соответственно по годам (1890–1896 гг.) – 55,4 ‰ и 51,6 ‰, Владимирской – 52,2 ‰ и 50,3 ‰, Нижегородской – 50,9 ‰ и 53,8 ‰; менее высокой – также в трех губерниях: Рязанской – 41,5 ‰ и 45,4 ‰, Тамбовской – 40,3 ‰ и 48,4 ‰, Курской – 39,5 ‰ и 41,4 ‰. Средние коэффициенты по Европейской России составляли 42,3 ‰ и 43,2 ‰.[43]

Наряду с губерниями, в которых показатель младенческой и детской смертности понизился, имелись губернии, где изменения смертности были сравнительно незначительными, а также губернии, где детская смертность повысилась.

Сохранившиеся материалы ряда обследований санитарных врачей о смертности детей фабрично-заводских рабочих свидетельствуют о том, что при общих высоких показателях детской смертности в Центральной России смертность детей рабочих оказалась еще более высокой. Резко повышенная смертность детей этих групп населения являлась результатом низкого уровня заработной платы, чрезмерно продолжительного рабочего дня, неблагоприятных гигиенических условий труда и быта, почти полного отсутствия охраны труда работниц, неудовлетворительных жилищно-бытовых условий низкооплачиваемых рабочих и влияния общей санитарной обстановки[44].

Средний возраст умерших в значительной степени зависел от возрастной структуры населения, которая, в свою очередь, определялась уровнем рождаемости и рядом других факторов. Ясно, что, если росла рождаемость

и одновременно увеличивалось число умерших детей, уже только вследствие этого средний возраст умерших будет снижаться. Возраст средней продолжительности жизни населения Центральной России в 1896–1897 гг. составил 32,4 года, в том числе для мужчин – 31,3 года, для женщин – 33,4 года[45].

Средняя продолжительность жизни населения региона за десятилетие – с 1892 по 1901 гг. – была еще меньше – 29,3 года (27,9 лет у мужчин и 30,7 лет у женщин), что было ниже показателей обеих столиц, особенно Петербурга, а также итоговых показателей Центральной России со столицами. Вместе с тем отдельные порайонные показатели значительно колебались, а показатели Северо-Западного района превышали средние показатели всего региона. Поволжский район имел показатели ниже средних по региону, а Центрально-Промышленный – близкие к средним региональным(прил. 5).

Весьма интересны сравнительные данные о низкой средней продолжительности жизни населения Центральной России и некоторых других регионов Европейской России. Они были подсчитаны на основании материалов переписи 1897 г. и данных об умерших в 1896–1897 гг. Средняя продолжительность жизни составляла: в губерниях Центральной России для мужчин – 31,3 года, для женщин – 33,4 года; в губерниях Украины – соответственно 35,3 и 36,2 лет; в губерниях Белоруссии – 37 и 37,9 лет; в среднем – 34,5 и 35,8 лет[46].

По данным переписи населения 1897 г. и сведений об умерших в 1896–1897 гг. основной особенностью смертности в Центральной России на рубеже столетий была исключительно высокая смертность детей в возрасте до 10 лет, высокая смертность в юношеском и среднем возрасте, умеренная смертность в раннем и старческом возрасте. Следует также отметить характерную для земледельческой России особенность, состоявшую в более высокой смертности женщин по сравнению с другими странами.

Для смертности 1896–1897 гг. была характерна так называемая V-образная модель. Особенность этой модели – крайне высокая детская смертность, находившаяся на уровне смертности предельно старших возрастов. Своеобразием Центральной России в этом отношении являлось превышение смертности детей над смертностью глубоких стариков. В других странах смертность детей, как правило, соответствовала смертности людей в возрасте 80–85 лет. Такая специфика смертности в регионе отражала, с одной стороны, исключительно высокую детскую смертность, с другой – весьма низкую старческую смертность.

Показатели смертности городского населения превышали показатели смертности сельского. Особенно высока была смертность в крупных промышленных центрах – Петербурге и Москве. Продолжительность жизни там была на 2,5 года ниже, чем в целом по 23 губерниям Центральной

России. Тяжелые условия жизни в городах больше всего сказывались на мужском населении: продолжительность жизни мужчин в городах региона была на 3,7 года ниже, чем мужчин 23 губерний. Продолжительность жизни мужчин в Москве составляла 23 года, а в Петербурге – 25 лет, то есть была соответственно на 8 и 6 лет ниже, чем у всего мужского населения Центральной России[47].

Весьма своеобразным было и соотношение мужской и женской смертности в городах и селах. В городах смертность мужчин была значительно выше, чем женщин в возрастах старше 25 лет; в селах же различие между мужской и женской смертностью выражалось гораздо менее резко, причем во многих возрастах, особенно репродуктивных, женская смертность преобладала над мужской.

Подводя итоги анализа смертности населения Центральной России к началу XX в., следует отметить, что смертность в регионе была типична для традиционного способа воспроизводства населения в преимущественно аграрных странах со средним уровнем социально-экономического развития и невысокой степенью культуры большинства населения в санитарно-бытовом отношении. Кроме того, характер и особенность смертности в регионе сводились к тому, что смертность здесь была исключительно высокой в младенческом и детском возрасте до 10 лет; довольно высокой – в юношеском и зрелом рабочем возрасте; умеренной – в пожилом возрасте и низкой – в возрасте глубокой старости (старше 80 лет).

Тяжелыми социально-экономическими условиями жизни городских и сельских низов в Центральной России обусловлен процесс воспроизводства населения в конце XIX – начале XX в. Этого факта не могла скрыть и официальная статистика. В различных изданиях и отчетах содержится немало ссылок на тяжелые материальные и санитарно-бытовые условия жизни населения.

Обратимся к основным показателям естественного движения населения. Для общей характеристики демографических процессов основные показатели естественного движения населения 23 губерний Центральной России сгруппированы по пятилетиям (с 1890 по 1900 гг.). В среднем за весь рассматриваемый период рождаемость снизилась с 50,7 ‰ до 49,5 ‰, смертность – с 36,5 ‰ до 32,1 ‰, а естественный прирост населения повысился с 14,2 ‰ до 17,4 ‰[48].

Дополнительно к данным по пятилетиям имеются соответствующие показатели естественного движения населения 23 губерний Центральной России за отдельные годы указанного периода. Нельзя не обратить внимания на пониженный естественный прирост населения в 1892 г. – 5 ‰[49].

В прил. 7 даны показатели воспроизводства населения в 1892 г. в 9 губерниях Центральной России с наиболее высокой смертностью. В это число вошли четыре губернии Центрально-Земледельческого района и

пять губерний Поволжья. И хотя разные губернии региона обнаруживали порой существенные колебания превышения смертности над рождаемостью (от 0,2 ‰ до 24,2 ‰), средние показатели по всему региону оказались близкими к средним показателям по 18 губерниям Европейской России.

Подсчитанные показатели естественного движения населения по группе городов с наиболее высокой смертностью в 1892 г. (девять губернских и четыре уездных), свидетельствуют о еще более разительном контрасте между естественным приростом и смертностью. В губернских городах колебания смертности проявлялись в пределах 4,9–8,7 ‰, в уездных – 8,7–28,8 ‰. Хотя средние показатели 13 городов Центральной России и 19 городов России и в данном случае были близкими (прил. 8), однако видно, что по всем 13 городам число умерших значительно превышало число родившихся, причем смертность в некоторых городах была исключительно высокой. Отметим также, что из 516 городов Европейской России в 207 городах абсолютное число умерших превышало число родившихся.

Сравнительно более высокий рост рождаемости происходил в годы интенсивного роста промышленности – 1896–1900 гг. Среднегодовое число умерших значительно возросло в первой половине 90-х гг. XIX в. и уменьшилось во второй половине. Вместе с тем темп естественного прироста населения был высоким в течение всего периода 1896–1900 гг. По сравнению с предыдущим пятилетием, естественный прирост населения отставал. В 1891–1895 гг. в Центральной России он составил 7,3 ‰, а в 1896–1900 гг. – 17 ‰, обнаруживая незначительные колебания по губерниям.

Интересны также показатели естественного движения населения Центральной России, подсчитанные как отношение числа родившихся к числу умерших по 23 губерниям региона в 1891–1900 гг. по пятилетиям: в 1890 г. – 145,2, в 1891– 1895 гг. – 135,6, в 1896–1900 гг. – 154,4. В среднем за весь период – 145[50]. Таким образом, в среднем в 1891–1900 гг. число родившихся превышало число умерших в 1,4 раза.

Директор Центрального статистического комитета П.П. Семенов-Тян-Шанский писал о причинах недоучета умерших: пропуски в метрических записях смертей во время сильных эпидемий и повальных болезней, смерть в отхожих промыслах вдали от постоянного места жительства и пр.[51].

Средние показатели по всему региону были достаточно устойчивыми, наблюдались незначительные колебания, и только к началу XX в. они несколько повысились: в 1890 г. – 15,7 ‰, в 1891–1895 гг. – 12,7 ‰, в 1896–1900 гг. – 17,4 ‰. В среднем за весь период – 15,3 ‰. Наиболее низкими показателями естественного прироста населения отличалась Ярославская губерния. Здесь этот демографический показатель в среднем за указанный

период составил 6,5 ‰, при рождаемости – 41,1 ‰ и смертности – 34,6 ‰[52].

Отметим также, что особо резкие различия в показателях естественного прироста населения в ряде губерний выявились лишь в 90-х гг. XIX в. Приведем показатели по этой группе губерний по пятилетиям – 1891–1895 гг. и 1896–1900-х гг.: Воронежская соответственно – 7,3 ‰ и 20,6 ‰, Казанская – 5,6 ‰ и 15,1 ‰, Курская – 8,7 ‰ и 16,9 ‰, Нижегородская – 9,1 ‰ и 14,5 ‰, Орловская – 10,9 ‰ и 15,7 ‰, Пензенская – 4,9 ‰ и 17,9 ‰, Самарская – 6 и 19,1 ‰, Саратовская – 6,7 ‰ и 17,6 ‰, Симбирская – 5,3 ‰ и 16,1 ‰, Тамбовская – 6,8 ‰ и 17,9 ‰, Тульская – 8,7 ‰ и 15,7 ‰. В среднем по Центральной России показатель естественного прироста населения в 1896–1900 гг. – 17,4 ‰ оказался выше на 37 % показателя 1890–1895 гг. – 12,7 ‰. По отдельным губерниям, как свидетельствуют приведенные данные, различия рассматриваемого показателя по пятилетиям были значительнее.

Показатели рождаемости и смертности населения Центральной России в целом в исследуемый период снизились. При этом снижение смертности населения было более заметным. В результате произошло небольшое повышение естественного прироста: в 1891–1895 гг. – 14,2 ‰, а в 1896–1900 гг. – 17,4 ‰. Различия этого демографического показателя по отдельным губерниям были значительными в 1891–1895 гг. по сравнению с 1896–1900 гг.[53].

Необходимо отметить, что в конце XIX в. в значительном числе городов Центральной России наблюдались низкие показатели естественного прироста населения, а в ряде городов, особенно крупных, выявилась даже убыль населения. В целом высокий прирост городского населения в этот период происходил преимущественно за счет механического прироста, усиления миграционных процессов. При столь сложных условиях считаем возможным привести дифференцированные показатели естественного движения городского населения. В первую очередь важны соответствующие материалы обеих столиц.

Показатели естественного движения населения Петербурга в 1891–1900 гг. по пятилетиям несколько улучшились: появилась положительная динамика естественного прироста, впрочем, весьма незначительная: в 1890 г. рождаемость составила 31,6 ‰, смертность – 27,9 ‰, естественный прирост – 3,7 ‰; в 1891–1895 гг. соответственно – 30,8 ‰, 26,3 ‰, 4,5 ‰; в 1896–1900 гг. – 30,3 ‰, 25,6 ‰, 4,7 ‰. Средние показатели за весь период составили: родившихся – 30,9 ‰, умерших – 26,6 ‰, естественного прироста – 4,3 ‰.

В среднем за 10 лет показатели рождаемости и смертности были близкими, а естественный прирост – весьма незначительным. В 1895 г. Ситуация улучшилась, но все же показатели естественного прироста за десятилетие (1891–1900 гг.) оставались низкими – 4,3 ‰[54].

Движение населения Москвы по пятилетиям в 1891–1901 гг. показано в следующих данных: в 1891 г. смертность составила 25,4 ‰; в 1892–1896 гг. – 25,7 ‰; в 1897–1901 гг. – 23,7 ‰, средний показатель за весь период – 24,9 ‰[55].

Небольшое снижение смертности населения в Москве можно объяснить изменением его возрастно-полового состава и некоторым улучшением санитарного состояния города Правда, это снижение смертности населения «второй» столицы было довольно медленным: за 10 лет коэффициент снизился с 25,4 ‰ до 23,7 ‰, что означало сохранение жизни 3–5 чел. из каждой тысячи населения в год. Если сопоставить показатели рождаемости и смертности населения Москвы, можно увидеть, что лишь с 1896 г. определился небольшой естественный прирост.

Показатели естественного движения населения некоторых других городов значительно отличались от столичных. Так, в Костроме, городе с развитой текстильной промышленностью, начиная с 1890 г. определился естественный прирост, хотя и незначительный. Санитарный врач И.И. Иванов, проанализировав данные о рождаемости и смертности населения города, пришел к заключению о том, что отношение смертности к рождаемости составляло 100:93,8; следовательно, население Костромы уменьшилось на 9,7 %. В последующие годы в Костроме ситуация изменилась: в 1891–1895 гг. родилось 32,4 ‰, умерло 29,7 ‰, естественный прирост – 2,7 ‰; в 1896–1900 гг. соответственно – 37 ‰, 32,5 ‰ и 4,5 ‰[56]. Определившийся за этот период естественный прирост населения Костромы являлся незначительным.

Некоторые данные о естественном движении населения Саратова в 1890–1900 гг. по отдельным годам и двум последним пятилетиям свидетельствуют о том, что рождаемость составила в 1890 г. – 39,7 ‰, смертность – 38,8 ‰ и естественный прирост – +0,9 ‰; в 1891–1895 гг. соответственно – 42 ‰, 47,7 ‰ и –5,7 ‰; в 1896–1900 гг. – 46,3 ‰, 40,4 ‰ и +5,9 ‰. Средние показатели за весь период 42,7 ‰, 42,3 ‰, +1,1 ‰[57]. Таким образом, отрицательная динамика естественного прироста уступала положительной в среднем за весь период, поэтому виден лишь незначительный прирост населения крупнейшего города Поволжья.

Прирост населения Самары в 1892–1896 гг. объяснялся следующим обстоятельством. По мнению исследователя этой проблемы А. Шефера, численность Самары росла за счет пришлого населения, а ежегодный коэффициент смертности составлял 39,2‰[58].

Сохранилось значительное количество опубликованных материалов и исследований о санитарном состоянии и естественном движении населения ряда других городов Центральной России. Все они показывают высокую смертность населения крупных городов в результате неблагоприятных

социально-экономических и санитарных условий жизни широких слоев населения[59].

На основе анализа динамики общих коэффициентов смертности и рождаемости, а также показателей детской смертности в Центральной России в конце XIX – начале XX в. можно сделать такие выводы: одной из непосредственно важных причин понижения смертности являлось уменьшение заболеваний и смертности от острозаразных болезней в результате усилий земской и городской медицины; смертность и рождаемость снизились, причем в начале этих синхронных процессов снижение смертности происходило быстрее снижения рождаемости и лишь в начале XX в. падение рождаемости начало опережать падение смертности; снижение смертности обнаружилось как в младенческом возрасте, так и в детском до 5 лет, причем снижение смертности младенцев происходило медленнее снижения смертности детей до 5 лет.

Главное заключается в том, что при высокой рождаемости и смертности происходит быстрая смена поколений. При этих условиях, как правило, в каждом следующем поколении преобладают лица молодого возраста и для такого населения характерна тенденция к расширению воспроизводства. При низкой рождаемости и смертности население воспроизводит свое потомство более «экономно», смена поколений происходит не так быстро, но и возрастно-половой состав при этих условиях иной, нежели при высоких рождаемости и смертности.

Модальность в возрастном составе населения лиц младших, средних или старших возрастов является одним из важных условий, определявших характер дальнейшего воспроизводства населения. Стало быть, не сама по себе величина естественного прироста, а доля тех или иных возрастных групп в составе населения со свойственными им показателями рождаемости, плодовитости и смертности может служить критерием воспроизводства населения.

Показатели брачности в России в течение изучаемого периода в целом находились на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости.

Подсчитанный коэффициент брачности в Центральной России в 90-х гг. XIX в. равнялся 9 ‰. В первые годы XX в. он снизился до 8,6 ‰[60]. По данным вполне определенно можно проследить некоторое снижение показателей брачности примерно на 20 %. Это объясняется, в частности, тем, что в результате введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в последующие годы наметилось некоторое снижение показателей брачности.

Сравнительно повышенными показателями брачности отличался 1906 г.; пониженная брачность отмечалась в 1900–1901 гг. и 1904–1905 гг., что

связано либо с относительно благоприятными периодами, либо с происходившими тогда войнами и экономическими кризисами. Подсчитанные показатели коэффициентов брачности населения Центральной России по пятилетиям дали следующие результаты: в 1890 г. – 8,9 ‰, в 1891–1895 гг. – 9 ‰, в 1896–1900 гг. – 9 ‰; в среднем – ок. 9 ‰[61].

Некоторые исследователи отмечали значительное влияние изменений в качестве жизни населения на брачность. П.И. Куркин на основе анализа показателей брачности населения Московской губернии в 1893–1897 гг. доказал, что движение брачности отражало в своем общем направлении изменения тех экономических условий, которые переживало население, что экономический кризис совпадал с моментом кризиса брачности[62].

Показательна также группировка данных о распределении вступивших в брак в Центральной России по возрастно-половым группам в 1897–1898 гг. Оказалось, что 84–88 % невест приходилось на возраст брачности до 25 лет, причем более половины невест оказались в возрасте до 20 лет – 57–59 %. Соответствующие показатели для женихов – 67–69 и 37–38 %. В возрасте 30 лет и старше вступали в брак 17–20 % мужчин и 7–9 % женщин[63]. Распределение женихов и невест по возрасту в течение указанного периода в целом оставалось неизменным.

В материалах подворной переписи Суздальского уезда в 1899 г. приведены заслуживающие внимания данные о влиянии промысловых занятий населения отдельных уездов Владимирской губернии на возраст брачности. Оказывается, доля мужчин, вступавших в брак до 25 лет, в наименее промысловых уездах была 81,7 %, в наиболее промысловых – 74,7 %; аналогичные показатели были и у женщин, выходивших замуж, – 91,5 и 88,2 %[64]. Таким образом, чем больше население было занято промысловым отходом, тем дальше отодвигалось к зрелому возрасту время вступления в брак.

Следует отметить, что по возрасту вступления в брак население Центральной России к началу XX в. резко отличалось от населения многих других стран высокими показателями ранних браков. В этом отношении характерны следующие данные: удельный вес мужчин, вступивших в брак в возрасте до 20 лет, в Центральной России был 38,1 %, женщин – 58,9 %; в Англии соответственно – 3,4 % и 14,4 %; во Франции – 2,4 % и 21,2 %; в Швеции – 0,1 % и 5,5 %[65]. Следовательно, удельный вес ранних браков в регионе был во много раз выше, чем в Англии, Франции и Швеции, вместе взятых.

По данным переписи населения 1897 г. был подсчитан удельный вес замужних среди женщин в возрасте 15 лет и старше; показатели 23 губерний Центральной России распределены в нисходящем порядке. Наиболее высокий коэффициент наблюдался, главным образом, в губерниях Центрально-Земледельческого и Поволжского районов – от 71,3 % до 61,2 %;

наименьшим он был в губерниях Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов – от 58,5 % до 46,1 %. Средний показатель по 23 губерниям Центральной России составил 61,7 %, что было несколько меньше среднего показателя по 50 губерниям Европейской России – 62,6 %.

Группировка 23 губерний Центральной России в зависимости от доли замужних к общей численности женщин в возрасте 15 лет и старше дала следующие результаты. К первой группе таких губерний с показателем 70 % и выше в среднем относились 70,8 % замужних женщин, коэффициент рождаемости здесь был 54,9 ‰; ко второй группе соответственно – 63–70 % – 65,9 % замужних и 51,9 ‰ рождаемости; третью группу – 56–63 % – образовывали 59,7 % состоявших в браке, рождаемость равнялась 45,7 ‰; четвертую группу – 56 % и ниже – 52,4 % замужних женщин, рождаемость составляла 37,8 ‰[66].

Приведенные данные показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого «постарения» брачности. В целом эти подсчеты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения Центральной России к началу XX в. жило в условиях традиционной брачности: 80–85 % браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля может повыситься. Кроме того, если влияние брачности на рождаемость в регионе не получило значительного распространения, то роль активного репродуктивного поведения была еще меньшей. Предубеждение против такого поведения в русском обществе было очень велико.

На протяжении всего XIX в. в Центральной России была распространена брачность, характеризовавшаяся сравнительно ранними браками, когда значительная часть поколений вступала в брак в молодом возрасте. Другая черта этой брачности – всеобщность брака: в брак вступали практически все представители каждого поколения, за исключением тех, кто вынужден был оставаться вне брака по состоянию здоровья. Безбрачие осуждалось общественным мнением, хотя всегда существовали определенные социальные группы, отказывавшиеся от брака (в частности, представители черного духовенства – монашество). Только такая брачность вместе с неограничиваемым деторождением в условиях практически неконтролируемой смертности и могла обеспечить к началу XX в. нормальное воспроизводство поколений. Такая брачность сохранялась в Центральной России в исследуемый период. Анализируя этот демографический показатель, отметим, что для населения региона в целом в конце XIX – начале XX в. было характерно раннее вступление в брак, в основном благодаря более ранним бракам среди крестьян. В городах вступали в брак в среднем позже, особенно мужчины.

Браки были не только ранними, но и всеобщими: к возрасту 45–49 лет лишь 4 % мужчин и 5 % женщин Центральной России оставались вне

брака. Низкий уровень безбрачия складывался также за счет села: по переписи 1897 г. в городах к возрасту 50 лет св. 10 % мужчин и женщин не вступало в брак, оставаясь холостыми и незамужними практически до конца жизни. В 1896–1897 гг. 93 % женщин к возрасту 30 лет вступили в первый брак. Медианный возраст вступивших в брак в 1900 г. для мужчин составил 23,6 года, для женщин – 20,5 лет[67].

Вместе с тем различные территории Центральной России не были в этом отношении однородными. Так называемый европейский тип брачности, характеризовавшийся относительно поздним вступлением в первый брак и большой долей остававшихся вне брака, был распространен на территории некоторых губерний и уездов Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов с высоким уровнем занятости в промышленности, торговле и отхожих промыслах. Уже с конца XIX в. отмечалось сокращение доли ранних браков в губерниях Центрально-Промышленного района, а затем и повышение доли женщин, никогда не выходивших замуж, на территории этих губерний, что отражало процессы урбанизации, развития капиталистических отношений и их влияния на брачно-семейную структуру населения.

Центральная Россия в изучаемый период была регионом преимущественно крестьянским. Однако уже тогда в деревне обнаружилась тенденция к снижению уровня брачности до 9 ‰. Основные демографические компоненты для крестьян православного вероисповедания региона были следующими: с 1891 по 1901 гг. рождаемость снизилась с 50,2 ‰ до 49,2 ‰, смертность – с 36,9 ‰ до 34,2 ‰, естественный прирост, напротив, несколько поднялся с 13,3 ‰ до 15 ‰, а коэффициент заключенных браков снизился с 10,4 ‰ до 9 ‰, при этом число рождений на каждый заключенный брак в среднем выросло с 4,9 до 5,5[68].

Снижение брачности среди крестьянского населения в конце XIX в. было обусловлено следующими причинами: повышением брачного возраста; освобождением крестьян от опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитием промысловой деятельности и особенно отходничества; общим обеднением и разорением деревни, вызванными в целом невыгодными для крестьян условиями их освобождения; социальным расслоением крестьянства. Тем не менее, брачность оставалась очень высокой и в начале XX в.

1.3. Миграции

Одним из важных демографических показателей, влиявших на все остальные показатели демографического развития населения, были миграционные процессы.

Материалы переписи населения 1897 г. показывают, как распределялось городское и сельское население Центральной России по месту рождения. Более половины общей численности горожан региона – 53,3 % – оказались уроженцами того же уезда, где проживали; остальные 46,7 % были уроженцами других уездов той же губернии или других губерний и государств. В названном источнике даны соответствующие показатели раздельно для мужского и женского населения городов и сел Центральной России. Эти данные позволяют определить миграции мужчин различных поселений.

Таким образом, уроженцев того же уезда, куда входил город, оказалось среди мужского населения городов региона 48,2 %, а среди женского – 59,2 %. Уроженцев других губерний было соответственно среди мужчин – 34,8 %, среди женщин – 24,6 %. В Сибири, куда происходило массовое переселение, удельный вес неместных уроженцев был весьма высоким среди мужского населения городов, составив 65 % общей численности городского населения.

Во второй половине XIX в. миграционные процессы охватили все губернии Центральной России. Основными направлениями миграции были Кавказ, Сибирь и Средняя Азия. К началу XX в. общая численность миграций из региона в названные части страны составила 627,8 тыс. чел., в том числе на Кавказ – 226,7 тыс. чел., в Сибирь – 293,3 тыс. чел., в Среднюю Азию – 107,8 тыс. чел. Наибольшим районом выхода был Центрально-Земледельческий – 364,5 тыс. чел., особенно в Сибирь – 182,3 тыс. чел. Это объяснялось чрезвычайным аграрным перенаселением этого района и как следствие – малоземельем крестьянского населения.

Из Поволжья выход в другие регионы страны был менее значительным и составлял 164,7 тыс. чел. Население этого района, как правило, находило применение своего труда на месте либо в Центрально-Промышленном районе в фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности. Самыми малыми районами выхода были Центрально-Промышленный – 74,1 тыс. чел. и Северо-Западный – 24,5 тыс. чел. Это объяснялось более высоким развитием промышленности и торговли в этих районах, особенно в двух столичных губерниях, а также притоком сюда населения из других районов и губерний.

Погубернские данные о численности населения, уроженцах других губерний в составе населения данных губерний, уроженцах данных губерний за их пределами, а также сальдо миграций по Центральной России в 1897 г. показаны в прил. 10.

Данные о миграции показывают лишь, сколько человек из переселившихся в данную губернию из других губерний до переписи 1897 г. было в живых на эту дату. В это число, следовательно, попали не только те лица, которые переселились до 1897 г., но и те, которые переселились ранее и

дожили до 1897 г. Многие из переселившихся ранее умерли до проведения переписи и, кроме того, дети, родившиеся у переселенцев на их новом месте жительства, регистрировались переписью уже как местные уроженцы. Из этого следует, что роль миграций в увеличении населения в губерниях с положительным сальдо миграций и в уменьшении населения в губерниях с отрицательным сальдо, очевидно, была несколько больше, чем показывают приведенные данные.

Но относительное значение для выявления тех мест, откуда население уходило, и тех мест, куда оно приходило, а также для сравнения размеров миграций эти данные, конечно, имеют. Они показывают, что районами заселения, причем весьма значительного по размерам, были Кавказ, Поволжье, обе столичные губернии. Все остальные губернии были районами выхода. Особенно значительной была миграция из Центрально-Земледельческого района. Отсюда население шло, с одной стороны, на юг, с другой – в Центрально-Промышленные губернии, главным образом, в Московскую. Из губерний Центрально-Промышленного района население уходило преимущественно в обе столицы, отчасти в другие губернии этого же района. Большие размеры имела миграция из Поволжских губерний, выходцы из которых направлялись преимущественно в Заволжье и Южное Приуралье.

Статистические данные показывают в целом отрицательное сальдо миграций населения Центральной России в 1897 г. в объеме – 1767,7 тыс. чел., тогда как сальдо миграций населения Европейской России составило – 1483,1 тыс. чел. Отрицательным сальдо миграций было во всех районах Центральной России, за исключением Северо-Западного, и во всех губерниях региона, кроме двух столичных.

Наиболее значительными миграциями в Кубанскую область в 1897 г. были выходы из 8 губерний Центральной России – 290,9 тыс. чел., что составляло менее половины выхода из 18 губерний Европейской России в ту же область – 700,7 тыс. чел. Наибольшими по числу выходцев губерниями были Воронежская – 118,7 тыс. чел. и Курская – 83 тыс. чел.; наименьшими – Тульская – 7,5 тыс. чел. и Калужская – 5,3 тыс. чел.[69].

Неместными уроженцами Центральной России в 1897 г. считалось все городское население, за исключением того же уезда, где находился город. Наиболее значительно были представлены неместные уроженцы среди населения обеих столиц: в Петербурге – 68,7 % и в Москве – 73,7 % общей численности населения. Сравнительно мало было неместных уроженцев – менее 30 % – в Пензенской, Рязанской и Курской губерниях, где было много небольших и средних городов[70].

Приведенные показатели по губерниям о распределении в 1897 г. городского населения Центральной России по месту рождения не в полной мере отражают процесс роста населения городских промышленных центров за

счет пришлого населения, так как при этом учитывалось и население небольших городов. Между тем удельный вес пришлого населения был гораздо более высоким в больших городах. Но, к сожалению, имеются показатели на ряд дат лишь о населении столиц и некоторых крупных городов, например, Саратова. Доля неместных уроженцев в общем населении отдельных городов повышалась по мере перехода к более крупным городам.

Местными уроженцами, согласно переписи 1897 г., считались уроженцы не только данного города, но и уезда. Таким образом, удельный вес действительно местных уроженцев был еще меньше, но несмотря на это «пришлый» характер городского населения находился в прямой зависимости от величины города.

Материалы переписи 1897 г. позволяют также выявить те губернии Центральной России, из которых выходила в города основная масса пришлого населения. Из 14 губерний региона в городах других губерний проживало 2309,1 тыс. чел., тогда как в целом в Европейской России этот показатель равнялся 4128,8 тыс. чел. Весьма характерно, что из общего числа проживавших вне пределов своей губернии находилось в городах: из Тверской губернии – 76,8 %, из Рязанской – 52,2 %, из Тульской – 59,8 %, из Ярославской – 84 % и из Калужской – 62,3 %[71].

В результате происходивших глубоких социально-экономических перемен на рубеже XIX–XX вв. в Центральной России изменилось распределение крестьян-горожан между географическими ареалами. Происходил отток населения из центральных районов на заселяемые окраины, причем этот процесс явственно выражался в наиболее подвижной части населения – городской. Города быстрее росли по числу жителей, чем сельские местности. Однако прежние места наибольшего удельного веса горожан, какими в первую очередь были обе столичные губернии, к исходу XIX столетия при этих изменениях не утеряли своего указанного качества.

Развитие новой экономической системы, процессов урбанизации влияло на рост перемещения населения: новая хозяйственная структура предполагала изменения в географическом распределении трудовых ресурсов. Движение крестьян в города было одним из течений в общем потоке изменений. Представляет интерес выяснение вопроса об объеме вселения в города по сравнению с объемом вселения в сельские местности.

Удельный вес крестьян-неместных уроженцев в городах и селах в объеме населения Центральной России в 1897 г. составил: в Северо-Западном районе соответственно – 37,7 % и 62,3 %, в Центрально-Промышленном – 63,9 % и 36,1 %, в Центрально-Земледельческом – 37,9 % и 62,1 %, в Поволжском – 23,9 и 76,1 %. В среднем по региону – 40,9 % и 59,2 %, что было близко к средним показателям Европейской России – 40,8 % и 59,2 %[72].

В общем миграционном потоке вселение в города крестьян не кажется малозаметным: они представляли 40,8 % всех лиц «сельского состояния», оказавшихся ко времени переписи населения 1897 г. не в местах своего рождения. Жители городов составляли ок. 13 % всего наличного населения Центральной России. Из этого видно, что города притягивали к себе на жительство часть крестьян-переселенцев, более чем в 3 раза превышавших по удельному весу жителей городов Европейской России. Таким образом, опережающий рост городского населения в Центральной России более всего обеспечивался вселением в города крестьян.

Таковы были переселения крестьян в городские и сельские местности по крупным географическим зонам. Между тем показатели по более дробным территориям были контрастны. Особенно различались показатели по губерниям Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов, то есть той части региона, которая играла первостепенную роль в складывании общей картины. Здесь исключительное значение имели столичные губернии. То обстоятельство, что в названных районах более половины крестьян-неместных уроженцев оказались в городах, возникло лишь вследствие соотношений, имевшихся в обеих столичных губерниях, в которых прибытие крестьян в города ощущалось особенно. В других группах губерний этих районов соотношения были иные. В них города как центры притяжения крестьян не находились на первом месте. В то время как в столичных губерниях из крестьян-неместных уроженцев в города попадало св. 80 %, в других губерниях – ок. 20–35 %.

Городской и промышленный отходы не совпадали друг с другом. Немалая часть переселенцев в сельские местности шла в крупные промышленные центры, в которых проходила подготовка экономического основания новых городов. Уклад жизни в этих пунктах в какой-то мере вбирал в себя элементы городского строя, отчего вселения крестьян в городские и сельские местности не следует абсолютно противопоставлять: второй род вселения в какой-то части также имел отношение к городскому развитию.

В материалах переписи 1897 г. из наличного населения городов те, которые оставались по сословной принадлежности крестьянами, разделялись на местных уроженцев, то есть родившихся в том же городе и уезде, где застала их перепись, и неместных уроженцев. Последние в свою очередь делились на две категории: уроженцев иных уездов той же губернии и уроженцев других губерний. Те и другие, как правило, прибывали из сельских местностей. Допуская некоторую неточность, надо признать, что на основе сопоставления данных о численности местных и неместных уроженцев из крестьян, живших в городах во время переписи 1897 г., можно узнать динамику перехода крестьян на жительство в город, поскольку первая из сравниваемых категорий крестьян была уже потомственными го-

рожанами, а вторая еще не успела в такой степени утвердиться на своем новом месте жительства.

Такое понимание различия крестьян, бывших местными и неместными уроженцами городов, подкрепляется сведениями об особенностях семейного положения лиц этих двух категорий. Соотношение мужчин и женщин в некоторой мере дает возможность выявить «степень обжитости» людей в той местности, в которой они были учтены во время переписи 1897 г. Мужчины скорее уходили из мест первоначального жительства. Они преобладали в рядах отходников и чаще перемещались из деревень в города по сравнению с женщинами, больше связанными с домашним хозяйством и семьей в деревне.

В городах у крестьян-местных уроженцев численное соотношение мужчин и женщин было почти равным, с небольшим преобладанием женщин: 46,8 % мужчин и 53,2 % женщин; у крестьян-неместных уроженцев это соотношение было нарушено в сторону преобладания мужчин – 63,9 % против 36,1 % женщин. Неравенство менее проявлялось у пришельцев из сравнительно ближних мест, то есть из других уездов той же губернии, среди которых на каждые 100 мужчин приходилось по 73 женщины, и гораздо более обозначалось у прибывавших в города из других губерний. Среди последних на каждые 100 мужчин приходилось по 47 женщин. Следовательно, «степень обживания» в городе, которая характеризовалась установлением соотношения численности мужчин и женщин, у новопришельцев, естественно, была меньше, чем у крестьян, родившихся в городе.

Соотношение крестьян Центральной России, местных и неместных уроженцев, живших в 1897 г. в городах, можно рассматривать как два разновременных напластования в процессе крестьянской миграции в города. Почти одинаковое соотношение крестьян-горожан-неуроженцев того города с его уездом, в котором они были учтены переписью 1897 г., с местными уроженцами (по всей Центральной России) свидетельствует об умеренной интенсивности переселения в города сельского населения на рубеже XIX– XX вв. Разумеется, справедливость подобного утверждения зависит от того, насколько численность местных уроженцев равна количеству крестьян, обитавших в городах еще до переписи 1897 г., а численность в городах крестьян-неместных уроженцев – количеству крестьян, прибывших в города после переписи. Такое предположение, подразумевая, что оно лишь приблизительно соответствует действительности, опирается на учет продолжительности времени, прошедшего до и после 1897 г.

Количество в городах крестьян-неместных уроженцев было особенно велико в столичных губерниях, в которых концентрировалось более 1/3 всех крестьян этой категории в Европейской России. В то же время в городах столичных губерний крестьян-местных уроженцев было немного. Отсюда очень большой процент неместных уроженцев от всего числа

крестьян, пребывавших в городах, – 82,7 % против 62,2 % – во всей Европейской России. Особенность положения в столичных губерниях сказалась на показателе по всему Центрально-Промышленному району в целом – 55,5 % крестьян-неместных уроженцев.

Правда, в Северо-Западном как «первом» столичном районе соотношение оказалось не в пользу неместных уроженцев: здесь их было менее половины – 46 %, что объяснялось очень низким удельным весом данной категории населения в других губерниях этого района. Вместе с тем показатели Поволжского района были близки к средним по Европейской России: здесь неместных уроженцев-крестьян в городском населении было 63,7 %. Поволжье являлось следующим по значительности притока крестьян в города районом, в котором, однако, в отличие от столичных губерний, удельный вес крестьян-неместных уроженцев в городах приблизительно совпадал с показателем Европейской России.

Не развивался процесс градообразования за счет перехода на жительство в города крестьян в Центрально-Земледельческом районе. В отличие от других территорий региона в нем крестьян-неуроженцев городов было меньше, чем крестьян-местных уроженцев, – 29,3 %[73].

Анализ этих данных свидетельствует, что интенсивность перемещения крестьян в города в основном определялась быстротой продвижения отдельных частей Центральной России по пути экономического прогресса. В уездах без входящих в них городов присутствовали признаки градообразования в виде крупных торгово-промышленных селений. Это побуждает к тому, чтобы обратиться к сведениям о сельских местностях. Такой исследовательский подход обеспечивается материалами переписи 1897 г. лишь ограниченно и косвенно. Есть основание считать, что особенно большое количество крестьян, прибывавших на жительство в отдельные уезды, может служить показателем того, что именно в этих уездах сильнее, чем в других, проходил процесс незавершенного градообразования. В этом смысл изучения степени концентрации новопоселенцев по отдельным уездам.

Удовлетворительно выяснить причину такого положения можно лишь путем локальных исследований. Вот лишь некоторые соображения, которые следует принять во внимание при решении вопроса. Границы города были условными и потому люди, поселившиеся сразу за чертой города – крупного промышленного центра, как, например, Петербурга, числились по переписи уездными жителями, но в действительности были горожанами в том смысле, что ежедневно ходили на работу в город на фабрику. В связи с этим следует заметить, что в случаях, когда уезд примыкал к крупному индустриальному городу, его статистическая характеристика в материалах переписи населения становилась особенно неточной.

Авторы публикаций материалов переписи населения 1897 г. приводили противоречивые данные о переселении в города и уезды, основываясь на том, что в одном случае преобладали переселенцы-мужчины, в другом – женщины. Они предполагали, что вселения в города преимущественно означали переход крестьян к промышленной деятельности, вселения же в сельские местности объяснялись ими «единственно заключением браков с девицами из соседних уездов [данной губернии – С.М.]... или из соседних уездов соседних губерний»[74].

Не отрицая этого обстоятельства как одного из поводов передвижения, необходимо заметить, что воссоздание или образование семей переселившимися ранее на новые места мужчинами нельзя противопоставлять «мужскому», главным образом, промысловому переселению. Это скорее означало другой этап того же порядка переселения. Заметим также, что занятие определенными видами сельского хозяйства и работа во многих отраслях промышленности были в то время не только женским, но и мужским делом. Отсюда не следует в создании семей видеть единственный повод для переселения в сельские местности.

Исследуя миграционные процессы, нельзя ограничиваться рассмотрением погубернских данных, поскольку нередко показатели, характерные для городской социально-экономической системы, были узко локализованы вплоть до единичных городских пунктов. Учитывая это, следует рассмотреть ряд наиболее значимых городов. Отбор городов для такого анализа был произведен по показателю численности крестьян, живших в городах во время переписи населения 1897 г., но не бывших уроженцами этих городов и их уездов. Принимались во внимание города, в которых концентрировалась наибольшая часть этой категории лиц, примерно ок. 80 % их общего количества в каждом географическом ареале.

В Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах таких городов с наибольшим числом прибывших крестьян было 24. Распределение крестьян между этими городами было крайне неравномерным. В обеих столицах – Петербурге и Москве – 79,6 % крестьян, в четырех других городах – Нижнем Новгороде, Ярославле, Иваново-Вознесенске и Кронштадте – 7 %, в семи следующих – Владимире, Калуге, Костроме, Твери, Рыбинске, Серпухове, Царском Селе – 7,8 %, в остальных – 5,6 %[75].

Если сопоставить численность крестьян-местных уроженцев и вновь прибывших, то в сумме по всем 24 городам количество вторых окажется почти в 4,5 раза больше первых, в то время как по всей Центральной России это превосходство было лишь в 1,6 раза.

Центрально-Промышленный и Северо-Западный районы были единственной частью Центральной России, в которой крестьяне, жившие не в местах своего рождения, в большинстве своем вселялись в города, вселений в сельские местности было мало.

В поисках факторов, которые определили такое распределение крестьян, переменивших место жительства, естественно прежде всего соотнести это распределение с распределением промышленных рабочих между городами и уездами, поскольку большая часть крестьян переселялась для получения заработков. Сложность социально-экономического облика наиболее передовой части Центральной России, какой являлись Центрально-Промышленный и часть Северо-Западного районов, обусловила перекрестное влияние на процесс урбанизации многих факторов.

Целесообразно выделить ряд более или менее однотипных групп городов (прил. 11). Одна группа – центры правительственных кругов, высшей администрации, военных. Таковы Петергоф, Царское Село, Гатчина, Кронштадт. Естественно, что отличительной чертой этих городов была высокая доля в их населении лиц непроизводительных занятий. Среди жителей Петергофа и Гатчины сравнительно велика была категория людей, занятых сельским хозяйством. Состоявший в этой группе городов Кронштадт занимал четвертое место среди 24 городов по убывающему показателю прибытия крестьян в город, а Царское Село – среднее место. Это говорит о том, что непроизводительная сфера была существенным фактором градообразования.

Вторую группу представляли промышленные города, у которых показатели по крупной промышленности были особенно велики, хотя в некоторых случаях эти города не являлись самыми большими по региону. Это Кострома, Тверь, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Серпухов, Коломна, Шуя, Богородск (в данном случае пока не принимаются во внимание обе столицы). Развитие новых структур экономики и предпринимательских отношений вносило существенные перемены в положение городов – одни из них быстро прогрессировали, другие, наоборот, отставали. Это заметно по интенсивности притяжения крестьян к городам.

Из рассматриваемой группы промышленных городов наибольшей притягательной силой для крестьян обладал Иваново-Вознесенск, в который прибыло крестьян-новопоселенцев почти в 6 раз больше, чем было в этом городе крестьян-местных уроженцев. Ряд перечисленных выше городов входил в категорию со средним уровнем притока крестьянства. Но имелись и такие, в которых прибывших извне крестьян было меньше количества крестьян-местных уроженцев в относительном исчислении. Таковы Серпухов, Коломна, Богородск, Шуя. Сыграв на определенном этапе роль распространителей новых видов собственности и производства, эти города начинали затем отставать в экономическом отношении от своей же округи.

Остальные города входили в третью группу с относительно равномерным комплексным развитием разных секторов экономической и административной деятельности населения. Сюда, в первую очередь, входили обе столицы и многие губернские центры, в том числе Калуга,

Нижний Новгород. К этой группе можно присоединить и губернские города, которые были ранее причислены к группе промышленных городов. В нее включен также уездный город Рыбинск, который интенсивно развивался (прибывших крестьян в нем было в 4 раза больше местных уроженцев) не столько на промышленной основе, сколько на основе других сфер экономики – торговли, сельского хозяйства; высок был удельный вес этого города и в концентрации неквалифицированной рабочей силы (поденщики, прислуга).

Важны также показатели по отдельным городам и уездам Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Города с их уездами в этой части Центральной России, где обитало 80,8 % крестьян-неместных уроженцев от общего их количества в этих двух районах, играли заметную роль.

В Центрально-Земледельческом и Поволжском районах не было такой сконцентрированности крестьян, переселившихся в города, как в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах, где 79,6 % таких крестьян находилось всего в двух городах. В Центрально-Земледельческом и Поволжском районах 78 % переселенцев размещалось в 12 городах. Но если отвлечься от сопоставления, то можно отметить, что и в этих районах новоприбывшие распределялись по городам неравномерно: из 24 городов в 5 находилось 51,4 % от всего их количества, в следующих 7 городах – 26,6 %, а в оставшихся 12, то есть в половине отобранных городов, только 22 %.

Большинство крестьян, переменивших свое местожительство, в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах, как и в Северо-Западном, за исключением Центрально-Промышленного района, оседало не в городах, а в торгово-промышленных селах. Общие данные на этот счет по двум районам были представлены такими показателями: в Центрально-Земледельческом районе в городах – 37,9 %, в сельской местности – 62,1 %; в Поволжском соответственно – 23,9 % и 76,1 %.

В отобранных городах и уездах по итоговым показателям положение было обратное тому, которое имелось в целом в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах: в уездах (без городов) закреплялось 32,1 %, в городах – 68 % крестьян. Но такое соотношение было не во всех уездах. В шести из них больший удельный вес был отмечен не в городах, а в уездах. Это Чистопольский, Вольский, Брянский, Борисоглебский, Моршанский, Сызранский. Если не все эти уезды, то многие из них принадлежали к числу наиболее индустриальных в своих губерниях, причем большая часть промышленного производства была вынесена в села. Это и объясняет то, что в них приход крестьян в сельские местности преобладал над приходом в города. В то время как в городах находился 81 % крестьян-неместных уроженцев от общего числа в Центрально-Земледельческом и

Поволжском районах, аналогичный показатель по уездам без городов равнялся лишь 23,8 %.

Замедленные темпы градообразования в названных районах по сравнению с Центрально-Промышленным и Северо-Западным районами вполне объяснимы: наследие крепостничества, тормозившее социально-экономическое развитие, там сказывалось значительно сильнее, чем в двух последних районах. Кроме того, основной фактор урбанизации в конце XIX в. – промышленное производство – был ослаблен в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах. Однако и в этих районах притяжение крестьян в города, его интенсивность определялись удельным весом основных компонентов экономики.

В степном Поволжье и Заволжье, как и в других частях Центральной России, была примерно та же доля прибывших в город крестьян от общего их числа – 85,2 %. Степная часть Поволжского района не располагала городами, в которых бы количество новопоселенцев превосходило 100 тыс. чел.; такие были только в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах (Петербург, Москва). Однако на юге региона были города со значительным количеством крестьян-неместных уроженцев. Астрахань – 43,1 тыс. чел., Самара – 33,2 тыс. чел. Эти города концентрировали более половины новопоселенцев – 53,9 % – из рассматриваемых городов. Таким образом, и в степной окраине региона была сильно выраженная концентрация городских новопоселенцев.

Степная полоса Поволжья, как известно, издавна была густонаселенной частью Центральной России. Соотношение числа крестьян-местных уроженцев и числа родившихся в других губерниях и районах во время переписи 1897 г. примерно указывает, какова была интенсивность вселений крестьян в крупные города этой части района. Неместные уроженцы того города и уезда, в которых крестьяне были зарегистрированы во время переписи 1897 г., составляли в степной полосе 63,9 % от общего числа крестьян, живших в городах, то есть число новопоселенцев в 2 раза превышало число местных уроженцев.

Положение в сельских местностях было совсем иное. Там новопоселенцы составляли лишь 13 % всей крестьянской массы. Однако в абсолютном исчислении, без сопоставления с числом коренных жителей, новоприбывших крестьян, обосновавшихся в сельских местностях степной полосы, было в 3 раза больше. Поэтому при совокупном рассмотрении данных по городским и сельским местностям суммарный показатель, в основном, определялся положением в превалирующих, то есть сельских, местностях. При таком исчислении обобщенный показатель удельного веса новоприбывших крестьян выразился лишь в 16,1 %. Однако подобный расчет не должен заслонять факта гораздо более значительного их удельного веса в городах, который исчислялся в 63,9 %. Северная группа губер-

ний Поволжья в отношении экономики далеко обогнала юго-восточную, но интенсивность крестьянских миграций в той и другой группах губерний как в городах, так и в селах была приблизительно одинаковой.

Крестьяне – неместные уроженцы в большинстве случаев поселялись не в городских местностях. Но крупные города все же сильно притягивали к себе выходцев из деревень. В ряде уездов прибытие крестьян в города преобладало над их расселением в сельских местностях. Несмотря на то, что такие уезды были в меньшинстве, все же в итоге обосновавшихся на жительство в городах было почти столько же, сколько поселившихся в уездах.

Для понимания причин такого миграционного распределения надо учесть обстоятельства, влиявшие на демографические процессы в данной зоне Центральной России, отличавшейся резким противоборством различных тенденций в экономическом развитии. Быстрый прогресс добывающей промышленности стимулировал оседание крестьян в сельских местностях. Подобные же последствия имело распространение торгового земледелия и других отраслей сельского хозяйства, а также развитие сети путей сообщения.

С другой стороны, концентрации людей в городах способствовали такие факторы, как наличие крупных городских центров с оформленной социально-профессиональной структурой, развитие промышленности и торговли в городах, наличие крупных городов-портов, для работы в которых всегда требовались люди разной квалификации и разных профессий, как в военных и административных центрах. Это перекрещивающееся воздействие различных факторов на миграционные процессы и дало такие результаты.

В изучении закономерностей миграционных процессов среди крестьян в города и сельские местности большое значение играют не только общероссийские и региональные исследования этого вопроса, но и локальные – погубернские и поуездные, потому что в их рамках можно точнее учесть те не столь заметные и трудноулавливаемые при глобальном рассмотрении обстоятельства, которые на деле оказывали важное, нередко решающее воздействие на избрание крестьянами новых мест жительства.

Все же при всех ограниченных возможностях, которые дает использование общероссийского или регионального материала, на его основе можно сделать достаточно подкрепленные фактами выводы. Не повторяя изложенного, следует отметить то, что представляется наиболее общим и существенным. Основная масса сменившего место жительства крестьянства не распылялась, она оседала в ограниченном круге местностей, конденсировалась, главным образом, в крупных центрах промышленности, транспорта, администрации.

В выборе мест для поселения города занимали видное место. Сила притяжения крестьян в города в значительной мере соответствовала степени развития в них разных форм предпринимательства. Это было вполне естественно в новых экономических условиях, которые, разрушая старое размещение основной части населения, создавали новую, соответствующую их потребностям систему распределения трудовых ресурсов. В сельских местностях подобная обусловленность расселения переместившихся крестьян не ощущалась с такой силой. В этом еще раз проявились специфичность экономического строя городов и их особая роль в социально-экономических и демографических процессах.

Используя материалы ряда переписей населения, произведенных в Москве и Петербурге в конце XIX – начале XX в., можно показать, как формировалось население обеих столиц за счет миграционных потоков.

Численность московского пришлого населения из 11 губерний Центральной России в 1902 г. составила 623,7 тыс. чел., или 80,7 % всего населения Москвы, переселившегося из губерний Европейской России[76]. Круг губерний Центральной России, из которых направлялось пришлое население в Москву, к началу XX в. расширился.

В материалах переписи «второй» столицы указывалось: «Москва, как промышленный центр, расположенный в средней полосе Европейской России и связанный с нею целою сетью железнодорожных путей, привлекает к себе население требованием рабочих рук, как большой город... и, наконец, как культурный центр, где сосредоточены ученые и учебные заведения...

Рядом с Москвой и Московской губернией находятся наиболее беднейшие губернии, без широкой местной промышленности, с ничтожными крестьянскими наделами, низкой урожайностью, требующей от населения дополнительного заработка в виде отхожих промыслов и посылки части населения для заработка в город на фабрику – Калужская, Рязанская,... Орловская, Тульская и другие губернии»[77].

Среди московского населения в 1902 г. из 1174,7 тыс. чел. родившихся в Москве было 322,3 тыс. чел., родившихся вне Москвы – 852,4 тыс. чел., таким образом, уроженцы Москвы составили всего 27,4 %. Приведенные ниже соответствующие показатели для мужчин и женщин дали такую картину: в 1902 г. все мужское население Москвы составляло 664,8 тыс. чел., в том числе родившихся в Москве – 152,8 тыс. чел. или 22,8 %; соответственно показатели женщин – 509,9 тыс. чел., 170,5 тыс. чел., 33,4 %[78]. Так как мужчин на заработки в столицу приходило, как правило, значительно больше, чем женщин, то доля уроженцев Москвы среди женщин была выше, чем среди мужчин. Кроме того, в рассматриваемый период расхождение в удельном весе родившихся в Москве среди мужчин и женщин было заметным.

Материалы переписи населения Москвы 1902 г. выражают не только распределение московского населения по месту рождения (в Москве и вне Москвы), но и по продолжительности пребывания в столице. Если к численности родившихся в Москве из массы миграционного потока в столицу присоединить проживших в ней более 10 лет, то общий удельный вес этих двух групп, которые можно считать постоянными жителями Москвы, составлял в 1902 г. примерно 54–55 % общей численности московского населения. Но одновременно следует отметить, что в результате непрерывного и весьма значительного притока мигрирующего сельского населения на заработки в Москву наблюдался также сравнительно высокий удельный вес групп, недавно поселившихся в столице. В 1902 г. было учтено ок. 21 % жителей Москвы, проживших в ней менее одного года и до двух лет.

Кроме того, социально-сословный состав жителей «второй» столицы также распределялся на уроженцев Москвы и мигрировавшего населения. По данным 1902 г., более половины родившихся в Москве насчитывалось среди почетных граждан, купцов, мещан и цеховых – 53–54 %; менее половины этих сословий в разное время приехало в столицу. Вместе с тем высокий удельный вес пришлых оказался среди крестьян, составлявших наиболее значительную группу среди московского населения, – 83,4 %, и лишь 16,6 % представителей этого сословия родилось в Москве. Следует также отметить, что удельный вес пришлых среди крестьян-жителей Москвы был выше, чем в других городах, в том числе и в Петербурге. Удельный вес духовенства, родившегося в Москве, составлял 43,4 %, дворян – 37,9 %[79].

Показательно также влияние миграционных процессов на формирование населения Петербурга. Преобладающая масса новых пополнений жителей столицы по своей сословной принадлежности была из крестьян. Материалы переписи 1900 г. выявили распределение всего петербургского населения по месту рождения. На основании этих материалов были подсчитаны абсолютные и относительные показатели уроженцев Петербурга и лиц, появившихся здесь в результате миграционных потоков из других губерний и уездов. Так, из общей численности населения в 1900 г. в 1439,6 тыс. чел., мигранты в столице составили 983,7 тыс. чел., уроженцы – 455,9 тыс. чел. или 31,7 %[80].

Анализ материалов о миграционных процессах и формировании населения двух крупнейших столичных городов Центральной России показывает, что в целом рост городского населения происходил за счет пришлого населения из ближайших к столичным губерний.

1.4. Занятия населения

В 1897 г. в крупной промышленности Центральной России было занято: в городах – 15 %, в селах – 7,6 %, всего – 11,2 %; в мелкой промышленности соответственно – 14,2 %, 4,4 %, 9,3 %. Общие показатели по всем категориям промышленности составляли: в городах – 14,6 %, в селах – 6 %, всего – 10,3 %. В транспорте и связи соответственно – 5 %, 1,4 %, 3,2 %; в торговле – 13 %, 2,4 %, 7,7 %; в сельском хозяйстве – 4,6 %, 70,4 %, 37,5 %; в «прислугах и поденщиках» – 19,6 %, 6,7 %, 13,2 %; непроизводительное население составляло 28,6 %, 7,1 %, 17,9 %[81].

Эти данные дают ясное представление о главной особенности городских местностей региона: резком преобладании среди горожан профессий, порождаемых капиталистическим развитием – занятия в сфере промышленности и торговли, транспорта и связи, отчасти в услужении. Словом, у горожан наблюдалось преобладание над уездными жителями по всем видам занятий и профессий, кроме сельского хозяйства; наоборот, у сельчан меньшие показатели повсюду, кроме сельского хозяйства.

Этот контраст не столь четко выявляется из-за большого различия удельного веса городского и сельского населения. Больший процент горожан в каком-либо виде занятий не всегда совпадал с их преобладанием над сельскими жителями в этих занятиях. Например, работа в крупной промышленности среди горожан занимала вдвое больше населения, чем среди уездных жителей. Однако большинство работников крупной промышленности все-таки обитало не в городах, а в уездах: в городах – 39,4 %, в сельских местностях – 60,6 % того же порядка. Несоответствие замечается у «прислуги и поденщиков». Их удельный вес в городах значительно больше, чем в селах, но все же больше половины этих лиц жили вне городов.

К концу XIX в. в Центральной России городские жители составляли 13 % всего населения. Этот показатель весьма важен, но в социально-экономическом анализе большее значение имеет подсчет социально и хозяйственно активной части населения. В самодеятельном населении горожане составляли уже не 13 %, а 24,7 %. В Центрально-Промышленном районе удельный вес их достигал 39,7 %, в Поволжье – 24,1 %, в Северо-Западном районе – 21,1 % и в Центрально-Земледельческом – 19,1 %[82].

В числе градообразующих факторов значительную роль играла промышленность, несмотря на то, что в общем итоге по региону лица, занятые в крупной промышленности, составляли только 9,4 %, из которых 3,7 % принадлежало городам и 5,7 % – селам. В Центрально-Промышленном районе эта категория жителей стояла на втором месте: в городах – после лиц, занятых в непроизводительной сфере, в селах – вслед за жителями, занимавшимися сельским хозяйством. В этом же районе Центральной

России число городских рабочих близко подходило к числу размещенных в селах, лишь немного от них отставая – рабочие составляли основную часть лиц, связанных с крупной промышленностью. В Центрально-Земледельческом, Северо-Западном и Поволжском районах среди рабочих горожане составляли больше половины числа рабочих-негорожан. По городам занятые в промышленности распределялись неравномерно.[83]

Наиболее значительно среди городского населения региона были представлены: занятые в промышленности – 30,9 %, в торговле 17 % в частной службе, в «прислугах и поденщиках» – 19,5 %. Отметим сравнительно высокий удельный вес занятых в сельском хозяйстве – 9,4 % численности городского населения. Эта группа была сосредоточена преимущественно в малых и средних городах.

Важны также следующие данные о соотношении самодеятельных и несамодеятельных среди всего городского населения Центральной России по группам занятий в 1897 г. В целом по региону в это время на 100 % самодеятельных приходилось 108 % несамодеятельных. По отдельным группам занятий определились значительные различия рассматриваемого показателя. Наиболее высоким он оказался в сельском хозяйстве – 282 % несамодеятельных против 100 % самодеятельных, затем следовали торговля – 174 % несамодеятельных – и транспорт – 162 %. В многочисленной группе занятых в промышленности несамодеятельных было 122 % незначительно превышая показатель, подсчитанный для всего городского населения. Духовенство и лица «свободных профессий» несамодеятельных насчитывали 119 %; наиболее низким этот показатель был в группах: «рантье и пенсионеры» – 62 %, «частная служба, прислуга, поденщики» – 55 %, а также «чиновники и войско» – 43 %[84].

Распределение самодеятельного населения Петербурга по группам занятий, промыслов и источников существования в 1891–1900 гг. было таким. В группе «промыслы и торговля» в 1891 г. было занято свыше половины общей численности самодеятельного населения столицы. В связи с развитием промышленности и торговли в 1900 г. этот показатель повысился до 59,5 %. Изменения удельного веса остальных групп населения были в целом небольшими и за рассматриваемый период их удельный вес несколько снизился. Следует отметить, что численность личной прислуги среди самодеятельного населения Петербурга была сравнительно высокой: 14,9 % в 1890 г., 13,8 % в 1891 г. и 12,6 % – в 1900 г.

Численность рабочих в Петербурге возросла с 247,7 тыс.чел. в 1891 г. до 442,3 тыс. в 1900 г. Аналогичные процессы происходили во всех отраслях, самой крупной их которых была добывающая и обрабатывающая: показатели по годам соответственно – 172,4 и 325,1 тыс.чел.; торговля и страхование – 38,1 и 54,6 тыс.чел., перевозка пассажиров и грузов – 20,7 и 43,8 тыс., рестораны и трактиры – 16,5 и 18,8 тыс.[85].

Динамика численности рабочих Петербурга в 1891–1900 гг. представлены следующими данными: 1891 г. – 200,6 тыс. чел. мужчин, 47,1 тыс. женщин, 247,7 тыс. всего, в том числе 19 % женщин среди всех рабочих; 1900 г. соответственно – 368,6 тыс., 73,7 тыс., 442,3 тыс., 16,7 %[86]. Снижение процента женщин в 1900 г. объясняется более интенсивным ростом таких отраслей труда, как металлообработка, машиностроение и железнодорожный транспорт, в которых участие женщин было невысоким.

В 1891–1900 гг. в Петербурге удельный вес несамодеятельного населения был сравнительно невысоким. В данные подсчеты не включены пригороды: 1890 г. – 588,2 тыс., 273,1 тыс., 861,3 тыс., 46,4 % 1890 г. – 631,8 тыс., 322,6 тыс., 954,4 тыс., 51,1 % ; 1900 г. – 833,6 тыс., 414,5 тыс., 1248,1 тыс., 49,7 %[87]. Следовательно, среди петербургского населения наблюдался некоторый рост числа несамодеятельных.

В промышленности, торговле и транспорте Москвы в 1892–1902 гг. было занято 60–63 % общей численности самодеятельного населения «второй» столицы. За рассматриваемые 20 лет удельный вес занятых в промышленности несколько снизился, а в торговле и транспорте повысился: соответственно по годам – 42 %, 38,9 % и 19,9 % и 25,2 %; удельный вес лиц в услужении в общей численности самодеятельного населения Москвы также снизился. Повышение абсолютных и понижение относительных показателей означает расширение сфер деятельности населения на общем фоне роста численности всего населения в целом.

В 1902 г. в промышленности столицы было занято ок. 294 тыс. чел. Свыше половины самодеятельного промышленного населения приходилось на долю мелкой промышленности – ок.159 тыс. чел. или 54 % и ок. 40 % (св.116 тыс.) – на фабрично-заводскую. В домашней промышленности было занято немногим более 4 тыс.чел., или 1,4 %, а хозяева-одиночки составляли св.14 тыс. чел. или 4,9 %[88]. Впрочем, последние могли быть заняты в домашней промышленности и работать на крупного предпринимателя.

Наиболее значительное число занятых в кустарной и ремесленной промышленности приходилось на производства по изготовлению одежды и обуви, выпечке хлеба, обработке металла и на строительные работы.

Общая динамика численности рабочих Москвы с пригородами в 1892–1902 гг. представлена в следующих показателях 1892 г. – 247,7 тыс. чел., или 100 %, 1902 г. – 347,7 тыс., или 151,3 %[89]. Численность рабочих столицы возросла за рассматриваемое двадцатилетие на 51,3 %, то есть темпы их роста в это время были очень высокими.

Увеличение численности женщин, занятых в промышленности, на транспорте и в торговле. Москвы в 1892–1902 гг. показывают следующие данные: 1892 г. – 200,9 тыс. мужчин, 42 тыс. женщин, 242,9 тыс. всего, в том числе 17,3 % женщин; 1902 г. соответственно 302,6 тыс., 72,1 тыс.,

347,7 тыс., 19,2 %[90]. Хотя за рассматриваемые годы число женщин в общей численности рабочих увеличилось более чем в 1,7 раза, однако их удельный вес среди рабочих Москвы в условиях общего высокого роста числа рабочих повысился сравнительно незначительно: с 17,3 % до 19,5 % общей численности рабочих Москвы.

За десятилетие – 1892–1902 гг. – темп роста численности несамодеятельного населения Москвы был более значительным, нежели самодеятельного. Это подтверждают подсчитанные нами данные: 1892 г. – 538,1 тыс. самодеятельных, 215,4 тыс. несамодеятельных, из них не самодеятельных – 40 %; 1902 г. - 812,4 тыс., 362,3 тыс., 44,6 %[91]. Удельный вес несамодеятельного населения «второй» столицы, несмотря на его некоторый рост, продолжал оставаться невысоким, хотя темпы роста его несколько превосходили темпы роста самодеятельного населения, соответственно в 1,7 и 1,5 раза.

Анализируя материалы переписи населения Москвы 1902 г., Б.Д. Никитин отметил, что в городе «почти 70 человек обоего пола из 100 являются сами для себя источниками своего существования»[92]. Такое характерное для Москвы явление он объяснял значительным числом пришлых людей, пробывших в Москве менее 5 лет и не успевших обзавестись семьей и тем самым увеличить численность несамодеятельных; относительно малым числом стариков и детей, а также преобладанием числа мужчин над числом женщин; сравнительно низкой зарплатой, вследствие чего значительная часть московских рабочих не порвала связи с землей, оставляя в деревне свою семью и направляясь в Москву как на отхожий промысел.

В ряде статистических материалов имеются указания о том, что по своим занятиям население пригородов крупных центров принадлежало преимущественно к торгово-промышленному населению. Более 4/5 всего населения Петербурга в 1900 г. (в городе более 3/5) занималось различными видами промыслов и торговли. Если к этой массе присоединить прислугу, то получается почти 90 % всего населения пригородов, так что лишь 1/10 часть населения окраин извлекала средства к существованию из непромысловых занятий[93].

Не менее резкие различия в распределении самодеятельного населения по основным группам занятий в городе и в пригородах можно проследить по материалам переписи Москвы 1902 г.: в промышленности – в городах ок. 294 тыс. чел., или 38,9 %; в пригородах – 36,1 тыс., или 63,3 %; всего 330 тыс., или 51,1 %; в торговле и транспорте соответственно – 190,2 чел., 25,2 %; ок. 10 тыс., 17,3 %; 200,1 тыс. чел., 21,3 %; в услужении – 78,7 тыс. чел., 10,9 %; 3,7 тыс. чел., 6,4 %; 82,4 тыс. чел., 8,6 %; прочие – 192,2 тыс. чел., 25 %; 7,41 тыс. чел., 13 %; 199,7 тыс. чел., 19 %; итого – 755,2 тыс. чел., 100 %; 57,1 тыс. чел., 100 %[94]; 812,3 тыс. чел., 100 %. Здесь обращает на

себя внимание преобладание в пригородах лиц, занятых в промышленности, за счет прочих групп самодеятельного населения.

Сравним распределение населения столичных городов и одного из губернских центров Центральной России – Воронежа – по отраслям и социальному положению, отметим значительное преобладание в столицах промышленности и торговли; в Воронеже эти отрасли имели более скромный удельный вес, мало отличавшийся от показателей группы «без личного заработка и без обозначения отраслей». Эти данные по Воронежу типичны для состава населения среднего губернского города.

В заключение общего обзора социально-профессионального состава населения отметим, что материалы переписи населения 1897 г., а также переписи ряда городов показали быстрое развитие промышленности и торговли в Центральной России в целом и в этих городах в частности и увеличение удельного веса населения, занятого в этих сферах. Использованные материалы и подсчеты позволили также определить численность не только рабочих фабрично-заводской промышленности, но и мелкой промышленности, торговли, транспорта и т.д.

Многочисленными были в этих городах группы мелких служащих торгово-промышленных предприятий, прислуги и лиц, занятых поденной работой; значительно меньшими показателями эти группы представлены в негородских местностях, где основным занятием было сельское хозяйство и промыслы, близко связанные с ним. Вследствие значительного удельного веса рабочих в населении крупных городов удельный вес самодеятельных хотя несколько снизился к началу XX в., все же продолжал оставаться довольно высоким.

Индустриальный облик Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов больше всего определялся двумя разновидностями промышленности: хлопчатобумажной – 8,9 % всех рабочих и металлообрабатывающей – 15,7 %[95]. Для процессов урбанизации они имели различное значение. Хлопчатобумажное производство, помимо бумагопрядильных фабрик, территориально размещалось также и на дому. Правда, эта разновидность промышленности слабо содействовала привлечению производителей в города или отдельные крупные населенные пункты, хотя этот процесс шел и все более усиливался на рубеже XIX–XX вв. Данная отрасль промышленности, хотя и неравномерно, была представлена почти во всех губерниях Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов.

В отличие от хлопчатобумажной промышленности металлообработка в основном производилась на крупных промышленных предприятиях и в большей степени, чем текстильная, сосредотачивала людей в городах. В результате взаимодействия различных видов промышленности, из которых одни содействовали концентрации промышленного населения, другие в большей степени характеризовались территориальной разобщенностью, в

Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах, население, занятое в промышленности, делилось между городскими и сельскими местностями почти поровну. В Северо-Западных губерниях рабочие-металлисты составляли 30,9 % всех рабочих, а в Центрально-Промышленных губерниях только 13,9 %. В Центрально-Промышленных губерниях рабочих-текстильщиков было 56,3 % от общего числа рабочих (в хлопчатобумажной промышленности – 41,5 %), в Северо-Западных губерниях – лишь 18,1 % (в хлопчатобумажной промышленности – 10,4 %). В хлопчатобумажном производстве было занято более половины рабочих Костромской и Тверской губерний, и это являлось одной из существенных причин малого удельного веса горожан среди рабочих северной части Центрально-Промышленного района[96].

В Центрально-Земледельческом районе преобладали выработка пищевых продуктов и обработка продуктов животноводства – 26,4 % рабочих, а также текстильная промышленность, но не хлопчатобумажная, как в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах, а суконная. Конечно, и в сфере пищевой промышленности возникало развивалось зрелое предпринимательство; создавались крупные паровые мукомольни – в конкурентной борьбе они легко побеждали сотни мелких мельниц, приводящихся в движение силой ветра и падающей воды. Однако техническая перестройка пищевой промышленности к концу XIX в. проводилась медленно.

Для Центрально-Земледельческих губерний и Поволжья было характерно участие в предпринимательстве помещиков. Это были винокурни и шерстеобрабатывающие заведения; последних особенно много находилось в Симбирской и некоторых других губерниях Поволжья; особо перспективными в подобного рода предприятиях оказывались свеклосахарные заводы. Сахарные заводы с несколькими сотнями рабочих на каждом работали в Курской и ряде других губерниях. Купцы-промышленники нередко становились крупными землевладельцами, практикуя на этой основе приемы ростовщического найма крестьянства. Само совмещение владений промышленным предприятием и земельным массивом у сахарозаводчиков напоминало черты дореформенного периода, когда на помещичьих фабриках работали крестьяне в порядке отбывания барщины. Теми же особенностями отличались многие промышленные заведениями других отраслей в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах, к примеру, суконные и винокуренные.

Довольно высокое место по численности занятых рабочих занимала тяжелая промышленность, представленная горной и металлообрабатывающей промышленностью в приокских губерниях Центрально-Земледельческого района – 32,1 %, а также повсюду в Центральной России – добычей и

обработкой минеральных веществ (цемент, глина, изготовление кирпича, стекольные заводы и т.д.) – 7 % рабочих[97].

Особый, во многом чуждый для Центрально-Земледельческого района тип развития промышленности имел место в приокских губерниях, где давала о себе знать близость к Центрально-Промышленному району. В Егорьевском уезде Рязанской губернии распространилась хлопчатобумажная промышленность в тех же видах, что и в Московской и Владимирской губерниях: там крупные текстильные предприятия своеобразно кооперировались с мелкими заведениями, разбросанными по деревням. В Зарайском уезде той же Рязанской губернии, Трубчевском уезде Орловской губернии и некоторых других имелись центры специализированного торгового земледелия. В Брянском уезде Орловской губернии имелись крупные машиностроительные заводы и стекольное производство (акционерное производство Мальцевских заводов). Машиностроительное и металлургическое производство в крупных формах встречалось также в различны уездах Рязанской губернии – Рязанском, Пронском, Касимовском.

Специфическим видом промышленного производства являлась обработка металла в Туле и ее уезде. Эта была дальнейшая стадия эволюции старинного промысла, связанного со старой казенной мануфактурой Тулы – оружейным заводом, породившем массу мелких самостоятельных и полусамостоятельных ремесленных заведений, в среде которых в изучаемый период протекал процесс расслоения и социальной трансформации.

К концу XIX в. в Туле и ее окрестностях имелась масса мелких заведений, главным образом по производству скобяных товаров, самоваров, гармоний с числом рабочих 15–20. Среди массы мелких заведений возвышались весьма крупные промышленные предприятия с числом рабочих иногда в несколько сотен и даже более тысячи человек (заводы Баташевых, Акционерного общества тульских меднопрокатных и патронных заводов и др.). По своему характеру это были относительно замкнутые, преимущественно городские предприятия. Перечисленные сдвиги промышленно-капиталистического развития соседствовали с типичной для Центрально-Земледельческого района деревней, существовавшей в условиях жесткого аграрного перенаселения.

В этих двух районах на 20,3 % городского населения и 28,2 % сельского от соответствующих показателей по Центральной России приходилось 18,6 % городских и 18,4 % негородских рабочих. Отдельные территории районов мало отличались от этих общих для нее показателей. Несколько повышенным был удельный вес рабочих в городах и негородских местностях приокских губерний.

На почве интенсивной товарности сельского хозяйства развивалась промышленная обработка его продуктов, особенно в степной части Поволжья и Заволжья – 22,9 %, в которой от патриархальных технических

приемов переходили к усовершенствованной машинной технике. В этой отрасли особенно выделялись Самарская и Саратовская губернии. Интенсивное строительство городов, портов, промышленных заведений сочеталось с ростом кирпичной, цементной, стекольной и других видов промышленности, которые в статистических изданиях в совокупности обозначались как «обработка минеральных веществ» – 2,3 %.

Несколько неожиданным кажется значительная численность рабочих, занятых обработкой дерева в малолесистой Астраханской губернии – 13 тыс. чел. Большей частью это были бондари, изготовлявшие тару из сплавленного леса для рыбных продуктов[98].

Местом наибольшего сосредоточения промышленных рабочих в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах были Петербург, Москва и Иваново-Вознесенск. К числу крупных рабочих центров в степной полосе Поволжья относились Самара и Астрахань. Губернии этого района имели много общего: в них большие пространства, слабозаселенные и с весьма примитивными формами хозяйства, перемежались заводскими массивами с крупными предприятиями и поселками.

Распределение рабочих между городскими и негородскими местностями с учетом размеров заведений можно раскрыть на материалах переписи 1902 г. (без горнорабочих). При сложности открытия крупных заведений в городах понятно преобладание рабочих крупной промышленности в уездах. Но и при таких условиях все же около половины рабочих средних предприятий – до 500 рабочих в каждом – находились в городах, а работников крупных фабрик – более 500 рабочих, или св. 1/3 – в селах. В Центрально-Промышленном районе из трудившихся на предприятиях с 500–1000 рабочими в городах находилось даже 52,8 %[99]. Высокая степень концентрация работников больших фабричных заведений в городах – следствие энергичного перерождения структуры старых и результат образования новых городов.

По сведениям Департамента торговли и мануфактур, к концу XIX в. в районе числилось 3,7 тыс. фабрик и других промышленных заведений. Принимая во внимание некоторые довольно крупные пропуски подсчетов фабрик и заводов в официальных изданиях, а также быстрое развитие в последние годы XIX в. существовавших промышленных заведений и возникновение новых, можно безошибочно утверждать, что фабрики района давали заработок 500 тыс. рабочим.

Из сравнения общей производительности Центрально-Промышленного района с Северо-Западным оказывается, что первый превосходил второй более чем в 3 раза как по сумме производства, так и по количеству рабочих.

Общее количество рабочих, занятых на фабриках и заводах Центрально-Промышленного района, в конце XIX в. достигало 702,6 тыс. чел.

собственно фабричных работников, кроме того, 50,2 тыс. чел., работавших для этих фабрик на дому.

Общая численность рабочих всех групп производства составила 402,6 тыс. чел., в том числе женщин – 135,5 тыс. чел., (23,3 %), подростков мужского пола – 19,2 тыс. чел., женского пола – 10,5 тыс. чел., детей мужского пола 3,2 тыс. чел., женского пола – 1,6 тыс. чел.

Итак, половина всех фабричных рабочих Центрально-Промышленного района была занята бумаготкацким производством, а женщин в числе фабричных рабочих было менее четверти – 23,3 %. Но во всех ткацких производствах в совокупности женщин было более 40 %, в том числе в хлопчатобумажных – ок. 46 %, а в шерстяных – ок. 28 %. В химическом, бумагоделательном и полиграфическом производстве женщин было ок. 20 %, в обработке минералов и питательных веществ – немногим более 10 %, в обработке дерева и животных продуктов женщины принимали минимальное участие, а в обработке металлов – практически никакого.

Что же касается участия в фабрично-заводском производстве подростков и детей мужского и женского пола, то первых среди фабричных рабочих было ок. 7,5 %, а вторых – не более 1 %. Удельный вес подростков был довольно высоким в металлообрабатывающем, бумагоделательном и полиграфическом производстве и в производстве смешанных волокон – от 15 % до 30 % – и низким в промышленности по обработке минералов и производству волокнистых веществ – от 4 % до 3 %[100].

Фабрично-заводская промышленность в Центрально-Земледельческом районе была развита довольно слабо, причем некоторые производства сосредотачивались главным образом по северной и западной окраинам района, в местах с нечерноземной почвой. Таковыми являлись обработка волокнистых веществ, металлов, и дерева. Напротив, производства по обработке питательных веществ, которым по сумме производства, по количеству занятых рабочих принадлежало в рассматриваемом районе первое место, а также производства по обработке шерсти были распределены более равномерно и даже преобладали в южной части района, что объяснялось его земледельческим характером.

Эти соотношения при более подробном рассмотрении различных производств по району выявляются еще рельефнее. По данным Министерства финансов за 1897 г., общее число фабрик и заводов в 7 губерниях района составляло 26 тыс., а численность рабочих, занятых на них, – 125,2 тыс. чел.

В числе производств по обработке питательных веществ менее половины составляли крупные мельницы-крупчатки и крупорушки – 757 с 6,9 тыс. рабочих. В эти подсчеты не вошли многочисленные мелкие водяные и ветряные мельницы и крупорушки, а также рабочие, занятые на них, которые исчислялись тысячами в каждой губернии; были подсчитаны

лишь паровые крупчатки, перемалывавшие пшеницу; они располагались преимущественно в южной части района.

Вторым по значению производством являлось винокуренное и спиртоочистительное – 261 завод с 8,3 тыс. рабочих. Непосредственно за винокуренными следовали свеклосахарные заводы, близкие к винокуренным по своей связи с сельскохозяйственным производством; их число было незначительным – всего 30, но с 11,2 тыс. рабочих. Из производств по обработке питательных веществ за свеклосахарными заводами следовали маслобойные; их число составляло 141 с 2,2 тыс. рабочих, причем сюда вошли только самые крупные маслобойни; кроме них, имелось еще большое число мелких маслобоен.

Следующим по значению являлось крахмальное производство, также связанное с сельским хозяйством. Крахмальных заводов насчитывалось 97 с 2,3 тыс. рабочих.

Не последнюю роль в производстве играла металлообрабатывающая промышленность. По сумме производства и количеству занятых рабочих она составляла 21 % всей фабрично-заводской промышленности района, причем 2/3 всего объема и рабочих приходилось на Орловскую губернию. Всего в районе работало 188 заводов с 29,9 тыс. рабочих. Далее по значению производства следовала обработка волокнистых растительных веществ – хлопка, льна и пеньки – всего 253 завода с 26,8 тыс. рабочих, что составляло 11,3 % всего промышленного объема района и занятых рабочих.

Общий объем производства заводов, обрабатывавших животные продукты и шерсть, был почти одинаков с объемом предыдущей группы промышленности; всего таких заводов было 373 с 13,8 тыс. рабочих. Более половины объема производства заводов этой категории с большинством рабочих составляли заводы, обрабатывавших шерсть: всего 45 заводов с 10,3 тыс. рабочих.

Обработкой минеральных веществ – глины, извести, камня и пр., кроме мелких, кустарного характера, кирпичных и известковых заводов, а также гончарных мастерских, было занято 174 предприятия с 9,8 тыс. рабочих.

Обработкой бумажной массы и писчебумажным производством было занято 18 заводов с 2,7 тыс. рабочих; наибольшее число их было расположено в Пензенской и Орловской губерниях.

Обработкой дерева было занято сравнительно немного заводов принимая во внимание относительно малую лесистость района. Таких заводов имелось 101 с 3,5 тыс. рабочих.

Химическим производством было занято 52 завода с 2,3 тыс. рабочих. Они были расположены главным образом в Пензенской, Курской и Тамбовской губерниях. Табачных фабрик имелось в районе 30 с 1,8 тыс. рабо-

чих; наиболее крупные фабрики были расположены в Тамбовской, Орловской и Курской губерниях[101].

Фабрично-заводская промышленность Северо-Западного Озерного района, по сведениям Департамента торговли и мануфактур за 1897 г., насчитывала ок. 1 тыс. фабрик и заводов с 200 тыс. рабочих. Северо-Западный (Озерный), или Петербургский промышленный район, представлял собой по степени развития второй фабрично-заводской центр России; первое место в этом отношении принадлежало Центрально-Промышленному, или Московскому району, общий объем производства и численность рабочих которого были соответственно в 3 и 2,5 раза больше Петербургского.

Все фабрики и заводы Северо-Западного района, по данным 1895 г., насчитывали 105,5 тыс. чел., в том числе женщин – 29,5 тыс. чел., или 30,7 %; численность рабочих вне фабрик, занятых предпринимателями на дому, – 1,8 тыс. чел. В отдельных губерниях фабрично-заводской промышленностью привлекалось соответственно: в Олонецкой губернии – 1,1 тыс. чел., 116 чел., 10,5 %, 59 чел.; в Новгородской – 8,8 тыс. чел., 1,6 тыс. чел., 18,3 %, 774 чел.; в Псковской – 1,7 тыс. чел., 149 чел., 8,8 %; в Петербургской – 93,9 тыс. чел., 27,6 тыс. чел., 29,4 %, 942 чел.[102].

Из приведенных данных видно, что фабрично-заводской промышленностью в основном было занято население Петербургской губернии, затем – Новгородской и совсем незначительно – Псковской и Олонецкой. Кроме того, статистические данные подтверждают тот факт, что женщин привлекалось фабрикой гораздо больше в местностях с наиболее развитой промышленностью. К примеру, в Петербургской губернии женщины составляли почти 1/3 общей массы фабричных рабочих.

Распределение рабочих по отдельным группам производств, соотношение мужского и женского труда, а также труда взрослых, детей и подростков видно из следующих данных: общая численность рабочих всех групп производств в районе к концу XIX в. составила 105,5 тыс. чел., в том числе женщин – 29,5 тыс. чел., доля их – 30,7 %, в общей массе рабочих подростков мужского пола было 4,3 тыс. чел. женского пола – 1,6 тыс. чел., всего – 5,9 тыс. чел., доля их – 5,7 %, доля мужского пола – 1,4 тыс. чел., женского пола – 412 чел., всего – 1,8 тыс. чел., доля их – 1,8 %, рабочих вне фабрик – 1,8 тыс. чел.

Таким образом, анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, наибольшее число рабочих было занято обработкой металлов и хлопчатобумажным производством – тем и другим более чем по 1/5 всех рабочих; значительное количество рабочих состояли на фабриках и заводах, обрабатывавших питательные и минеральные вещества, а также на бумагоделательных фабриках и в полиграфических за-

ведениях. Остальные производства давали занятие менее чем 1/4 части рабочих.

Во-вторых, женский труд особенно часто применялся в производствах по обработке питательных веществ, в которых их участие было даже больше, чем мужчин; наибольший перевес в составе рабочих женщин над мужчинами наблюдался на табачных и шоколадных фабриках. Так, на петербургских фабриках этой категории работало более 7 тыс. женщин, тогда как мужчин-рабочих не насчитывалось даже 1 тыс. Затем большая доля женщин была представлена в производствах по обработке волокнистых веществ и немного меньше – в химическом производстве – соответственно 48 % и 43 %; в значительно меньшей степени женский труд применялся в бумагоделательном производстве, еще меньше – в производствах по обработке животных продуктов, минеральных веществ а также в керамическом и полиграфическом и, наконец, наименьшее участие женщин встречалось в производствах, обрабатывавших дерево и металл.

В-третьих, подростки принимали участие чаще всего в производствах по обработке волокнистых веществ (менее – в шерсте- и шелкоткацком), а также в бумагоделательном и полиграфическом соответственно – 4,6 %, 3,1 %, 9,4 %. Детский труд находил себе наибольшее применение в стекольной промышленности, особенно на новгородских заводах, а затем в портняжном и шляпном производстве, а также в типографской работе, в производстве коробок и пр.; в меньшей степени дети привлекались к производствам по обработке металлов, питательных веществ, шерсти и совсем не участвовали в шелкоткацком – соответственно 6,4 %, 4 %, 2,7 %, 2,3 %, 0,6 %, 0,5 %, 0,3 %, 0 %.

В-четвертых, рабочие «вне заведения» имелись в производствах не всех групп: их не было на фабриках, обрабатывавших хлопок, лен, шерсть и шелк. Наибольшие показатели составляли рабочие «вне заведения» в химическом производстве (почти исключительно в производстве спичек и более всего в Новгородской губернии), в бумагоделательном (гильзовом), обработке смешанных волокнистых веществ (тюлевом и менее – портняжном и вязальном).

В Поволжском районе, по данным за 1897 г., было 1,5 тыс. заводов и фабрик с 52,9 тыс. рабочих; численность рабочих вне фабрик только в производстве по обработке хлопка в одной губернии района – Саратовской – составляла 2,5 тыс. чел.

В этом районе прежде всего преобладающее значение имела обработка питательных продуктов, общий объем которой составлял 57 % всей промышленности рассматриваемого района. Второе место принадлежало обработке животных продуктов – 13 %, третье – обработке шерсти (8 %). Эти три важнейшие группы производств, включавшие более 3/4 всей промышленности района свидетельствовали об общем земледельческом ха-

рактере рассматриваемого района, наглядно показывая, что фабрично-заводская промышленность здесь почти полностью основывалась на земледелии.

Из общей численности рабочих всех групп производства – 52,9 тыс. чел., женщин в промышленности района было занято 5,2 тыс. чел. доля их составляла 10,9 %; в числе мужчин и женщин подростков мужского пола 2 тыс. чел., женского пола – 741 чел., детей мужского пола 617 чел., женского пола – 245 чел.

Как видим, рабочие-мужчины численно преобладали над женщинами во всех группах производств; вместе с тем значительное число женщин было занято в шерстяном, льняном, пеньковом и пр., в обработке животных продуктов и обработке питательных веществ; их совсем не было в металлообрабатывающей и механической промышленности.

Подростки и дети мужского пола численно преобладали над своими ровесниками женского пола во всех производствах. Больше всего представителей этого возраста было в шерстяном производстве, обработке питательных веществ и животных продуктов; меньше всего в деревообработке, химическом производстве; в хлопчатобумажной промышленности подростки и дети полностью отсутствовали. В льняном, пеньковом и пр. производствах не было занято подростков женского пола; в деревообрабатывающем отсутствовали подростки и дети женского пола; не было их в металлообрабатывающем и механическом производствах; только дети женского пола отсутствовали в обработке животных продуктов и питательных веществ.

В фабрично-заводской промышленности Центральной России была занята лишь меньшая часть населения региона; значительно большая ее часть работала в сельском хозяйстве других сферах, связанных с землей.

Следующие данные показывают, что представляла категория мелкой промышленности и ее работники: изготовление одежды – в городах 54,4 %, в негородских местностях – 45,6 % работников, строительство – соответственно 37,8 % и 62,2 %, ювелирное дело, полиграфия, производство инструментов – 81,3 % и 18,7 %, прочее – 60,1 % и 39,9 %[103].

В наибольшей мере приближались к типу промышленных рабочих рабочие-строители. Долговременный приход из года в год в города строителей-отходников приносил в их облик черты горожанина. Среди строителей Центральной России преобладали негородские жители. Это обстоятельство выявляется сильнее при учете числа строителей, считавших своим основным занятием сельское хозяйство.

По-иному характеризуется другая категория работников – лица, занятые изготовлением одежды. Этот род деятельности не переживал такого глубокого изменения, как строительное дело, в нем могла широко применяться надомная работа. Хотя зависимость от крупных торговых фирм в

больших городах распространялась и на периферию, все же шитье одежды не испытывало такого давления капиталистического производства, как строительство, – оно дольше оставалось на стадии ремесла. Лица, занимавшиеся изготовлением одежды, больше пребывали в городах. Работников, занятых этим ремеслом как побочным к сельскому хозяйству, естественно суммировать с сельскими производителями одежды; при этом возникает некоторый перевес сельских ремесленников над городскими. Городской характер портновского ремесла обусловливается тем, что в деревнях оставалось привычным изготавливать одежду собственными силами.

Третий вид промышленности был рассчитан на обслуживание специальных заказчиков и состоятельных людей. Это ювелирное дело, полиграфия и изготовление инструментов. Естественно, что такое производство группировалось преимущественно в городах. Больше половины городских ремесленников этих специальностей пребывало в Москве и Петербурге.

В социальном отношении к промышленным рабочим приближалась некоторая часть работников, обслуживавших транспорт и связь. Между городами и сельскими местностями транспортники и связисты разделились приблизительно поровну с небольшим превышением горожан, но по отдельным категориям работников, входившим в эту группу профессий, соотношения горожан и негорожан были различны, что видно из следующих данных: железные дороги в городах – 43,4 %, в сельских местностях – 56,6 %, водный транспорт – соответственно 35 % и 65 %, извозный промысел – 63,2 % и 36,8 %, другие вида транспорта – 68,2 % и 31,8 %, почта и телеграф – 66,8 % и 33,2 %[104].

Города Центральной России к началу XX в. по наиболее значительным видам связи – железным дорогам и водному транспорту – отставали от городов Прибалтики, Польши и Западней Европы. При железных дорогах располагалось менее половины городов, а у пристаней – менее 1/4 из общего числа. С этим обстоятельством связано ограничение числа железнодорожников и речников в городах. Значение усовершенствованного транспорта для процессов урбанизации выражалось не столько в приумножении численности рабочих и служащих в городских поселениях, сколько в создании из ранее ничем не выделявшихся небольших поселений крупных центров торговли, а затем и промышленности, часть из которых становилась базой для создания новых поселений городского типа. Однако и для старых городов железнодорожное строительство имело существенное значение.

Крупнейшие города являлись основными центрами сосредоточения железнодорожников. Железнодорожных рабочих и служащих было: в Москве – 19,7 тыс. в Петербурге – 7,8 тыс., более 2 тыс. – в Орле и Воронеже, более 1,5 тыс. чел. – в Калуге, Козлове Тамбовской губернии, Ря-

зани, Ельце Орловской губернии, Курске, Саратове и Самаре. Перечисленные 11 городов составляли весьма малую часть всех зафиксированных переписью 1897 г. городов Центральной России, однако они вмещали в себя до 60 % всех рабочих и служащих железных дорог, находившихся в городах. Так велика была территориальная концентрация горожан-железнодорожников[105].

Почти 2/3 людей, занятых извозным промыслом, находилось в городах. Главными разновидностями этого занятия были легковой и ломовой извозный промысел. Первый преобладал над вторым в городах, второй над первым – в сельских местностях. Легковые извозчики в городах составляли более половины всех горожан, занятых гужевым промыслом, причем большая часть их – 43 % – находилась в двух столичных городах – Петербурге и Москве. В то время рост числа легковых извозчиков был показателем развития и упрочения специфического городского быта.

Торговые и смежные с ними занятия занимали малую часть городского и особенно сельского населения – соответственно 13 % и 2,4 %. Преобладание сельских жителей имело место в торговле строительными материалами, в продаже скота и в мелочной смешанной торговле. Некоторое превышение числа торговцев в городах над числом в селах наблюдалось в торговле зерном. Организационные особенности торгового дела обусловливали меньшую определенность его пространственного распределения, поскольку торговля была более подвижна, чем, скажем, промышленность: для многих торговцев было характерно постоянное передвижение. В том, что число горожан, торговавших сельскохозяйственными продуктами, преобладало над числом сельских жителей, занимавшихся того же рода торговлей, можно видеть некоторый показатель экономического подчинения сельских местностей городам.

Таким было распределение людей в промышленности и торговле между городами и уездами: в городах работников крупной и мелкой промышленности – 33,9 %, работников торговли – 15,1 %, всего 49 %; в уездах – соответственно 42,5 %, 8,5 % и 51 %, итого – 76,4 %, 23,6 %, 100 %[106].

Здесь не рассматриваются лица, входившие в состав «непроизводительного населения» (это задача специального исследования), так как в контексте общей характеристики социально-экономического развития и размещения основных сфер приложения труда они не относились к производственной сфере и в этом отношении не были основными, определявшими экономический строй общества. Но их пребывание в городах и сельской местности в большем или меньшем количестве означало многое. Оно символизировало различия в условиях жизни для горожан и негорожан, которые существенным образом сказывались на формировании и облике социальных слоев и групп в одном случае в городах, в другом – в сельских местностях.

Отметим также, что сосредоточение в городах непропорционально большой части многообразной категории людей, обобщенно обозначенной как «непроизводительная», отражало ведущую роль городов как центров административного управления, как мест пребывания обеспеченного населения и, наконец, как пунктов концентрации достижений культуры.

Отдельные города попадали в высшие разряды только по причине большого числа в них некоторых категорий «непроизводительного населения». Так, например, Кронштадт оказался в группе довольно крупных городов из-за значительного количества в нем военнослужащих (19,6 тыс. из 41,9 тыс. всего самодеятельного населения). Города-резиденции – Царское Село, Петергоф, Павловск, Гатчина – возвысились в силу непропорционально большого представительства в них гражданских и военных служащих. Но подобные города Центральной России все же составляли исключение.

В распределении жителей Центральной России по занятиям самый крупный показатель был у занятых сельским хозяйством: 47,7 % самодеятельных, 72,4 % всего населения; показатели Центрально-Промышленного района соответственно – 39,2 % и 62 %; показатели Центрально-Земледельческого района – 51,7 % и 81,8 %; показатели Северо-Западного района – 34,7 % и 63,5 %; показатели Поволжья – 65 % и 82,4 %[107].

Заметим, что нередко число жителей селений, причисленных к горожанам, было больше. Например, к Петербургу – 135,6 тыс., к Москве – 60 тыс., к Иваново-Вознесенску – 20,5 тыс., к Туле – 17,4 тыс., к Воронежу – 16,8 тыс., к Твери – 21 тыс. и т.д.[108].

Для уточнения структуры сельского населения следует перейти от губернских к поуездным показателям, а также выяснить, в какой мере занятия этого населения оставались типично «деревенскими» или наоборот становились «городскими».

Можно разделить территорию Центральной России на две категории местностей. Северо-Западный, Центрально-Промышленный и северная (приокская) часть Центрально-Земледельческого района обладали уездами, где менее 45 % жителей от общего числа имели главным занятием сельское хозяйство. В то же время в этих местностях не было таких уездов, в которых сельским хозяйством занимались бы более 85 % жителей. Другая категория местностей – это большая часть Центрально-Земледельческого района (без приокских губерний) и Поволжья. В этой категории местностей нет уездов, в которых жителей, занятых сельским хозяйством было бы менее 45 %, в то же время сюда входили все уезды с 85 % сельских хозяев в составе всего населения.

В первой категорий местностей наблюдается сдвиг от наиболее распространенного положения (68–85 % сельских хозяев) в сторону уменьшения. Среди них на первом месте находятся уезды Центрально-Промышленного

района. Здесь два совершенно уникальных во всей Центральной России уезда: Богородский Московской губернии и Покровский Владимирской губернии, где сельских хозяев среди негородского населения менее 25 % (в первом 6,9 %, во втором – 21,7 %). В этих уездах занятия земледелием вытеснялись следующими источниками средств существования: крупная промышленность – 66,8 %, мелкая кустарная промышленность – 6,1 %, услужение и поденный труд – 6,7 %, остальные – 8,2 %, сельским хозяйством занимались всего 12,2 % самодеятельных жителей[109]. Картина достаточно ясная: это определенно промышленные уезды, причем большая часть жителей была связана с крупной промышленностью. Доминировало занятие текстильным производством в различных формах.

Далее следует группа уездов с числом занимавшихся сельским хозяйством 25–45 % от числа жителей. География этих уездов расширяется. Вновь они больше всего представлены Центрально-Промышленным районом, преимущественно в примосковских губерниях и в приокских губерниях Центрально-Земледельческого района, а также в степной зоне Поволжья и Заволжья. Социально-отраслевая структура данной группы уездов самостоятельного населения была такой: сельское хозяйство – 33,9 %, крупная промышленность – 30 %, мелкая промышленность – 8,6 %, услужение и поденный труд – 8,5 %, остальные – 19 %[110].

Здесь сельское хозяйство почти уравновешивается занятостью в крупной промышленности; в этом главное отличие данных уездов от уездов первой группы. Обращает на себя внимание также повышение удельного веса «остальных», то есть в основном лиц непроизводительных «занятий». Рассматриваемая группа уездов преимущественно формировалась, как и первая группа, из местностей с распространением разных видов промышленного труда. Здесь встречались уезды с довольно высоким удельным весом самодеятельного населения, занятого в крупной промышленности: Бронницкий – 49,1 %, Коломенский Московской губернии – 44,1 %, Шуйский Владимирской губернии – 40,5 %, Московский – 38,1 %, Кинешемский Костромской губернии – 37,6 % Александровский – 34,2 %, Муромский Владимирской губернии – 31,1 %, Серпуховской – 30 %, Звенигородский – 34,6 %, Дмитровский Московской губернии – 26,4 %, Вязниковский Владимирской губернии – 25,9 %, Верейский – 24,3 % и Подольский Московской губернии – 22,2 %.

Помимо этих близких к Москве уездов из Центрально-Промышленного района в ту же группу уездов с малой долей жителей, занятых в сельском хозяйстве, входили две небольшие группы уездов из этого и соседнего Северо-Западного района: Горбатовский – 39,2 %, Балахнинский – 24,7 % Нижегородской губернии, а также Петербургский – 18,9 %, Царскосельский – 15,7 % Петербургской губернии.

Здесь встречались, помимо собственно промышленных уездов, то есть таких, в пределах которых располагались крупные заведения и в целом было развито промышленное производство, уезды, не отличавшиеся этим качеством, например, Воейский или Звенигородский. Однако зарегистрированная в этих уездах 1/4 часть сельских жителей была занята в крупной промышленности, что явилось результатом развитого в этих уездах отходничества.

Относившиеся сюда местности Центрально-Земледельческого района – это Егорьевский – 47,2 % жителей, работавших в крупной промышленности, и Рязанский уезды – 8,5 % жителей, занятых в той же промышленности, Рязанской губернии. Первый из них примыкал к промышленным уездам Центрально-Промышленного района. Соотношение занятий в Рязанском уезде было необычно для рассматриваемой категории уездов. Главным конкурентом сельскому хозяйству в Рязанском уезде была не промышленность, а «остальные», то есть в основном «непроизводительные занятия» – 35,1 %[111].

Ранее отмечалось, что в уездах, насчитывавших по 25–45 % сельских хозяев, более всего соперничала с сельским хозяйством крупная промышленность; следующими по числу занятых были «остальные занятия», которые были представлены среди данных уездов высокими показателями. Причина этого – присутствие в этих уездах с городами – губернскими центрами (например, Рязанский уезд).

В уездах с 45–65 % сельских хозяев уже нет таких резко выраженных конкурентов главному занятию. Занятия населения уездов указанной группы выглядели так: сельское хозяйство - 60 %, крупная промышленность – 12,8 %, мелкая промышленность – 6.1 %, прислуга и поденщики – 7,7 %, остальные – 13,4 %[112]. Отметим, что первая группа уездов, имевшая в составе населения до 25 % сельских хозяев, была представлена Центрально-Промышленным районом и частью Северо-Западного района, во второй группе – 25–45 % сельских хозяев – имелись уезды всех частей региона. Третья группа – 45–65 % сельских хозяев – охватывает практически всю территорию Центральной России без исключения.

Низкая доля сельских жителей, имевших основным занятием сельское хозяйство, естественна в районах с малоплодородными землями и развитыми неземледельческими работами. Но уезды с 45–65 % сельских хозяев в значительном количестве встречались в Центрально-Земледельческом районе и Поволжье, где были высокими плодородие почвы и уровень развития промышленности, и подобные показатели представляются чрезмерно низкими.

Из Центрально-Земледельческого района в эту категорию входил ряд уездов приокских губерний: Брянский уезд Орловской губернии – 46,2 %, Тульский – 55,1 % и Крапивенский уезды – 54,3 % Тульской губернии,

Зарайский – 60,7 % и Касимовский – 60,6 % уезды Рязанской губернии[113]. Группа приокских губерний по характеру своей экономики являлась переходной между Центрально-Промышленной и Центрально-Земледельческим районами, и это обстоятельство объясняет, почему в некоторых уездах этой группы губерний проявлялись черты, более свойственные промышленным территориям.

В Поволжье в рассматриваемую группу уездов входили Царицынский уезд Саратовской губернии – 59,2 % сельских жителей и Алатырский Симбирской губернии – 63,7 %. Нахождение подобных уездов в этом районе Центральной России в ряде случаев может объясняться повышением по сравнению со средним для этого района уровнем промышленного и торгового развития. Кроме того, такое можно предполагать в отношении поволжских территорий, где социально-экономическая жизнь оживлялась близостью к главному торговому пути России.

Основной причиной того, что сельское население забрасывало сельское хозяйство в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах, было чрезвычайно тяжелое положение крестьянства в силу аграрного перенаселения. Почти обезземеленное и превращенное в пауперов, оно в этих районах больше, чем где бы то ни было стремилось оставить свои нищенские и убыточные наделы.

Наибольшая часть уездов Центральной России приходилась на группу, в которой сельскими хозяевами были 65–85 %. В нее входили уезды из всех районов региона, однако не в одинаковой пропорции (например, Центрально-Промышленный и Северо-Западный районы имели в этой категории около половины своих уездов). Более 85 % сельских хозяев отмечено лишь в 5 % всех уездов Центральной России. Большая часть их находилась в Центрально-Земледельческом районе и в Поволжье; Центрально-Промышленный и Северо-Западный районы ими вовсе не располагали.

Какие занятия и профессии были представлены в местностях с наибольшей занятостью населения сельским хозяйством, видно из следующих показателей: сельское хозяйство – в уездах с 65–85 % сельских хозяев – 77,6 %, в уездах с более 85 % сельских хозяев – 90 %; крупная промышленность соответственно – 4,6 % и 2,1 %, мелкая промышленность – 8,6 % и 1,3 %, услужение и поденный труд – 6,4 % и 2,4 %, остальные – 2,8 % и 4,2 %[114]. В этих уездах иных занятий, кроме земледелия, было мало и самодеятельные жители были распределены по занятиям сравнительно равномерно.

Изучая распределение жителей по сферам деятельности и размещение их на территории Центральной России на рубеже XIX–XX вв., можно убедиться, что главным занятием после сельского хозяйства у сельских жителей была фабрично-заводская промышленность, затем «непроизводи-

тельные занятия». Следует иметь в виду, что при многообразии профессий весомость отдельных из них при процентном исчислении несколько искажается. Ранее, на примере Рязанского уезда, можно было видеть, как значительное увеличение числа людей «непроизводительных занятий» привело к резкому снижению доли жителей, работавших в сельском хозяйстве. То же обстоятельство может привести и к снижению доли лиц, занятых в промышленности. Например, в Московском уезде в крупной промышленности числилось занятыми 26,4 тыс. чел., что составило 38,1 % населения уезда.

Однако Коломенский уезд со значительно меньшим числом таких жителей (14,4 тыс.) отмечен большей долей промышленного населения – 44,1 %; также во Владимирской губернии: в Александровском уезде при 9,7 тыс. населения лица, занятые в промышленности, составляли 34,2 %, в Шуйском уезде – соответственно 10,7 тыс. и 40,5 %. Подобно этому как в городах, так и в уездах, степень социального экономического развития сказывалась не в резком выделении одного вида деятельности жителей, например, сельского хозяйства или промышленности, а в универсальности отраслевой структуры населения.

Такими были уезды при старых крупных городских центрах, что видно из следующих примеров социально-профессионального состава жителей некоторых из них: Московский уезд – сельское хозяйство – 29 %, крупная промышленность – 38,1 %, мелкая промышленность – 6,4 %, услужение и наемный труд – 10,7 %, остальные – 15,8 %; Тверской уезд – соответственно 65,4 %, 8,6 %, 5,3 %, 5,8 %, 14,9 %; Костромской уезд – 69,9 %, 7,5 %, 9,7 %, 4,6 %, 10,3 %; Псковский уезд – 72,5 %, 2,8 %, 2,2 %, 3,2 %, 19,3 %; Воронежский уезд – 75,2 %, 5 %, 4,2 %, 6,7 %, 89 %; Саратовский уезд – 71,8 %, 5,2 %, 4,9 %, 6,4 %, 11,7 %[115].

Проявление занятого в промышленности сельского населения было многозначным. Иногда работники концентрировались на немногих предприятиях, на которых они работали и в помещениях которых жили; в таком случае занятые в промышленности были замкнуты и изолированы от остального сельского населения. От такого возможного варианта могло быть много переходных ситуаций, при которых в уезде не имелось крупных заведений и тем более зданий, куда собирались на жительство рабочие; немало было уездов, в которых рабочие не трудились в том уезде, где были зарегистрированы переписью 1897 г., а уходили работать в дальние места. Конечно, при всех возможных многочисленных вариантах социальный облик уездов был различен. Учесть эти особенности и проанализировать их можно только в узколокальных исследованиях.

Все же при всех различиях конкретного облика промышленного сектора социально-экономической структуры уездов, когда данный сектор был достаточно велик, эти уезды складывались в особый тип промышлен-

ных уездов. Во всех них основные черты были едины и обуславливались усиленным отделением промышленных занятий от сельскохозяйственных.

Предшествующий обзор показал следующее: на ограниченном пространстве немногочисленных губерний, соединенных в родственные группы, встречались уезды со значительно отличавшимися социально-профессиональными структурами. Примером может служить группа уездов Северо-Западного района. Так, промышленному комплексу в столичной губернии: противостоял большой массив весьма слаборазвитых в экономическом отношении территорий, входивших в ту же группу северо-западных губерний.

В Петербургском уезде удельный вес сельских хозяев равнялся 29,5 %, в Царскосельском – 43,2 %, в Петергофском – 49,7 %. Но в той же Петербургской губернии имелся Новоладожский уезд с 70,7 % сельских хозяев. В Новгородской губернии этот показатель, кроме уездов Новгородского – 48,3 % сельских хозяев, Крестецкого – 52,7 % и Валдайского – 54,4 %, колебался в пределах 65–80 %, в Псковской – в пределах 75–85 %. В Поволжье с долей сельских хозяев в массе негородских жителей более 65 % имелось всего два уезда с показателями ниже этой границы и т.д.[116].

Названные факты тесного перемежевывания «земледельческих» и «неземледельческих» уездов очень существенны. Разделение между этими двумя типами уездов в значительной мере условно; выделение «промышленных» уездов основывается на том показателе, что до половины самодеятельных жителей таких уездов не считали своим основным занятием сельское хозяйство.

Районы с господствующим патриархальным деревенским бытом чередовались с узким слоем местностей, население которых заметно отходило от старых традиций. Это обстоятельство способствовало укреплению влияния на массу сельского населения городских социальных слоев и групп.

Уездов с малой долей сельских хозяев было не так много, но подобные уезды находились во всех районах Центральной России. Структура распределения уездов по доле лиц, занятых сельским хозяйством и иными видами деятельности, говорит о постоянном переходе сельских местностей от сохранявших почти в нетронутом виде деревенский хозяйственный облик к местностям, уже не имевшим в основном такого облика. В тех уездах, где сельское население сравнительно мало занималось земледелием, животноводством и другими видами сельскохозяйственной деятельности, основной противоположностью типично крестьянским занятиям была работа по найму.

Таким образом, становление и укрепление новой социально-экономической системы промышленного предпринимательства и рынка вело к

росту численности населения, особенно городского, усложнению его размещения на территории Центральной России, сложности социально-отраслевой структуры. Оно проявлялось в увеличении лиц, занятых не только в промышленности, но и в иных разнообразных сферах, как в производительных, так и в непроизводительных. В размещении новой социально-отраслевой структуры города региона обгоняли сельские местности. Однако в последних с неодинаковой интенсивностью в разных районах проходили аналогичные и встречные процессы. Это обстоятельство было важным фактором укрепления связей между городским и сельским населением.

В процессе урбанизации ведущим началом был рост промышленности, отделение индустриального труда от земледельческого. Обеспечивало и стимулировало рост городов то обстоятельство, что основная масса крестьян была поставлена в условия невозможности обеспечить свое существование, страдая от малоземелья и аграрного перенаселения, возделывая находившиеся в их распоряжении небольшие и малоплодородные земельные наделы. Отход крестьян из сел усиливал миграционные процессы, вместе с тем отвлечение их от сельского хозяйства часто не означало переход в промышленность или прочное утверждение себя в какой-либо другой производственной сфере. Забросившие земледелие крестьяне порой после трудных поисков работы пополняли категории людей, живших случайными заработками, множили ряды безработных и деклассированных элементов.

Противоположность города и деревни в размещении и занятиях населения, олицетворявшая важные стороны противоречий социально-экономического развития страны, в силу историко-демографических особенностей Центральной России получила в ней невиданно резкое выражение. Она давала о себе знать во всех сферах – и в экономической, и в административной, и в культурной. Однако именно в Центральной России в силу тех же особенностей ее исторических судеб с большой силой проявлялись предпосылки и тенденции к сближению низших социальных слоев и групп. Единение обездоленного крестьянина и бедствующего горожанина, часто по происхождению того же крестьянина, становилось естественной основой этого сближения.

2. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В 1900–1913 ГГ.

2.1. Изменение численности и возрастно-полового состава населения

Численность населения 23 губерний Центральной России за 17 лет – с 1897 по 1913 гг. – увеличилась на 34,1 %. За рассматриваемый период в целом не наблюдалось столь резких различий в темпах прироста населения по отдельным губерниям. Наиболее значительно повысилась численность в Петербургской (+48,5 %), в Московской (+47,3 %), в Воронежской (+43,2 %) и в Рязанской (+53,8 %) губерниях. Сравнительно невысоким был прирост численности в группе губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов со значительным отходом населения (прил. 12).

В результате подсчетов составлен следующий динамический ряд прироста населения Центральной России в 1897–1913 гг. соответственно по отдельным годам: в 1897 г. – 2 %, в 1898 г. – 1,5 %, в 1899 г. – 1,5 %, в 1900 г. – 1,8 %, в 1901 г. – 1,8 %, в 1902 г. –1,4 %, в 1903 г. – 1,8 %, в 1904 г. – 1,9 %, в 1905 г. – 1,8 %, в 1906 г. – 1,3 %, в 1907 г. – 1,7 %, в 1908 г. – 1,7 %, в 1909 г. – 1,5 %, в 1910 г. – 1,4 %, в 1911 г. – 1,3 %, в 1912 г. – 1,7 %, в 1913 г. – 1,6 %[1].

Несколько повышенные показатели прироста численности населения приходились на 1904 г. (1,9 %) и 1908 г. (1,7 %). Сравнительно пониженным оказался рост населения в 1906 г. (1,3 %).

Для понимания особенностей движения населения отдельных районов целесообразно привести ряд дополнительных данных по районам и губерниям. Следует также выявить основные направления в динамике численности населения отдельных районов и губерний и связанных с ними сдвигов в размещении населения региона, а также происшедших изменений в плотности.

В среднем в Центральной России население возросло с 1897 по 1913 гг. в 1,4 раза. Несколько выделялись высоким темпом роста Центрально-Промышленный и Поволжский районы. В Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах население увеличилось в 1,3–1,4 раза. Из общего абсолютного прироста численности населения в 23 губерниях Центральной России на эти два района приходилось свыше половины прироста населения за весь этот период.

В результате неравномерного роста численности населения отдельных районов выявились весьма существенные сдвиги в удельном весе населения этих районов по отношению к общей численности 50 губерний Европейской России к началу 1914 г.: Северо-Западный – 5,2 %, Центрально-Промышленный – 10,4 %, Центрально-Земледельческий – 16,6 %, Поволжский – 10,4 %[2].

Из этих данных видно, что наиболее высоким был удельный вес численности населения Центрально-Земледельческого района по отношению к общей численности населения Европейской России. В следующих двух районах – Центрально-Промышленном и Поволжском – удельный вес оказался несколько меньшим и одинаковым, а в Северо-Западном районе наблюдался самый низкий удельный вес населения, так как в этом районе рост численности в течение изучаемых лет оказался несколько пониженным по сравнению со средними показателями других районов Центральной России, а также всей Европейской России.

Значительным был прирост населения Петербургской губернии (в 1,5 раза) главным образом за счет увеличения количества жителей Петербурга. Население Северо-Западного района, за исключением Петербургской губернии, с 1897 по 1913 гг. возросло лишь в 1,3 раза. Несомненно, что из Новгородской, Псковской и Олонецкой губерний происходил отход значительной части сельского населения на постоянную и временную работу в города вне своей губернии.

Рост населения в Центрально-Промышленном районе в значительной степени был обусловлен приростом городского населения, занятого в промышленности, и особенно за счет Москвы. Этот район по темпу роста населения находился на первом месте. Явление это отчетливо выступает, если сопоставить рост населения по всему Центрально-Промышленному району и по этому же району без Московской губернии. Население Московской губернии с 1897 по 1913 гг. возросло в 1,5 раза, численность же населения Центрально-Промышленного района без столичной губернии – всего лишь в 1,3 раза. Но при этом следует принять во внимание то обстоятельство, что население Москвы в значительней степени пополнилось выходцами из сельских местностей указанных семи губерний района.

Прирост населения Тверской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Калужской губерний выразился соответственно в 35,3 %, 33 %, 31,4 %, 30,5 %, 30,3 %. В Ярославской губернии по причине значительного отхода на заработки численность населения за 17 лет увеличилась всего лишь на 21,1 %.

В Центрально-Земледельческом районе выявились большие различия в темпах роста населения по отдельным губерниям в период с 1897 по 1913 гг. Наряду с губерниями, в которых рост населения был выше среднего по району, в некоторых прирост численности населения был сравнительно невысоким. Отметим наиболее существенные показатели. Численность населения возросла в Рязанской губернии в 1,5 раза, или на 53,8 %, в Воронежской – в 1,4 раза, или на 43,2 %, в Тульской – лишь на 32,8 % и в Пензенской – на 3 %. При этом в последних двух губерниях наблюдался значительный отход населения на заработки в другие губернии.

В Поволжье в указанный период численность населения росла более равномерно, чем в других районах Центральной России, хотя и здесь обнаружились некоторые колебания в показателях прироста. Наименьшим он был в Казанской и Астраханской губерниях – соответственно в 1,3 раза, или на 32,1 % и на 31,1 %; наибольшим – в Самарской и Саратовской – в 1,4 раза, или на 38 % и на 35,9 %[3]. Это объяснялось более интенсивными миграционными потоками в эти две губернии, а также несколько более высокой рождаемостью и пониженной смертностью. К тому же население этого района меньше отвлекалось отхожими промыслами и фабрично-заводской промышленностью.

На динамику численности населения Центральной России влияли также миграционные потоки в Сибирь. Рассматривая вопрос, из каких губерний региона направлялись переселенцы, следует отметить, что переселение по отдельным районам было весьма неравномерным. Об этом свидетельствуют подсчитанные данные периода с 1896 по 1912 гг. Так, из Северо-Западного района численность выходцев была минимальной – 26,8 тыс.чел., или 0,5 % всех выходцев Европейской России; несколько больше их было из Центрально-Промышленного района – 80,2 тыс. чел., или 1,8 %; значительным был миграционный поток из Поволжья – 377,9 тыс.чел., или 8,7 %, и самым большим – из Центрально-Земледельческого района – 1086,7 тыс.чел., или 24 %. В целом из-за миграций в Сибирь дефицит прироста населения Центральной России в указанный период составил 1571,6 тыс.чел., или 35 % всего дефицита прироста Европейской России[4].

Отмечая, что с конца XIX в. учет переселенцев велся полнее, В.В. Покшишевский в то же время писал, что переселения в Сибирь охватывали крестьянство всей Европейской России, усиливаясь, во-первых, там, где особенно велика была нужда, во-вторых, где отсутствие общины делало самого крестьянина более подвижным, в-третьих, в местностях, географически лучше связанных с Сибирью[5]. При этом положение новых путей, связанных с южными участками Сибирского миграционного потока, совпадало с распространением аграрного кризиса в южной степной части Поволжья и Заволжья и в некоторых губерниях Центрально-Земледельческого района и дополнительно вовлекало в движение большое число выходцев из этих губерний, что отрицательно влияло на динамику роста численности населения.

При этом следует выделить отдельные губернии Центральной России с наиболее значительным числом переселенцев в Сибирь с 1895 по 1914 гг. В этот период из Курской губернии переселилось 308,5 тыс. чел. семейных переселенцев, из Воронежской – 237,5 тыс. чел., из Тамбовской – 198 тыс.чел., из Орловской – 161,4 тыс. чел., из Самарской – 157 тыс. чел., из Пензенской – 124,4 тыс. чел., из Саратовской – 100,2 тыс. чел. В целом, по причине миграций в Сибирь дефицит прироста населения указанных

губерний составил 1287 тыс. чел. Наиболее «пострадавшими» в этом отношении губерниями Центральной России были Курская, Воронежская и Тамбовская, потерявшие более половины общей массы выходцев из семи губерний – 744 тыс. чел.[6].

На динамику численности населения Центральной России отрицательно влияли исключительно тяжелые условии жизни и высокая смертность переселенцев. К примеру, П.П. Семенов-Тян-Шанский на основании своего личного ознакомления с этими процессами утверждал, что при переселениях население значительно убывало. Убыль в рядах переселенцев центральных губерний составляла от 5 до 10 %; погибали главным образом дети и старики. Во время переездов переселенцев по железным дорогам, на пароходах и особенно на перевалочных пунктах потери людей достигали 30 %[7].

Н.Д. Телешов указывал, что при переселении в Сибирь инфекционные заболевания и смертность достигали неслыханных размеров. «Умирает здесь множество народа, и фраза переселенца, что они здесь «проедаются да детей хоронят», – сущая правда»[8], – писал он.

Одним из наиболее характерных явлений развития России по пути капиталистического предпринимательства являлся процесс значительного роста численности городского населения. Особенно интенсивно рост городов наблюдался в 1900-х гг. Темпы роста численности городского населения Центральной России были гораздо более высокими по сравнению с ростом всего населения региона. С 1897 по 1914 гг. численность городского населения возросла на 54,3 %, немного уступая общеимперским показателям – 58,4 %, тогда как численность всего населения в Центральной России увеличилась на 34,1 %, незначительно превосходя показатели России – 33,7 %[9]. В течение всего изучаемого периода на ускорение роста городского населения существенное влияние оказывало развитие промышленности и увеличение общей численности рабочих, занятых на фабриках и заводах. Но при этом нельзя забывать, что и по данным, относящимся к началу 1914 г., абсолютная численность городского населения и его удельный вес по отношению к общей численности населения продолжали оставаться невысокими.

В прил. 13 приведены данные о численности населения 23 губернских центров в 1897–1914 гг., а также подсчитаны показатели прироста населения этих городов. При среднем росте всего населения губернских городов Центральной России в 1,6 раза отдельные города в значительной степени различались по темпу прироста населения. Так, численность обеих столиц возросла в 1,7 раза каждая; за те же годы численность населения Пскова, Новгорода, Владимира, Твери, Курска, Воронежа увеличилась только в 1,1–1,2 раза.

Высокий прирост населения наблюдался в крупных торгово-промышленных центрах региона – Петербурге, Москве, Саратове, Самаре, Казани.

Численность населения указанной группы городов возросла в 1,5–1,7 раза, то есть население этих городов росло в несколько большем темпе, чем росло все городское население Центральной России. Численность населения отдельных городов, главным образом в промышленных и во вновь заселявшихся районах, увеличивалась еще более интенсивно.

Следует отметить, что особенности социально-экономического развития России в некоторой степени затрудняли определение фактического роста городского населения в регионе. Касаясь роста промышленного населения, следует отметить, что этот процесс можно было наблюдать в чистом виде лишь тогда, когда имелась территория, уже заселенная им. У населения такой территории не было другого выхода, как мигрировать в промышленные центры или в другие страны. Это относится прежде всего к Центрально-Промышленному и Центрально-Земледельческому районам. Но обстоятельства существенно менялись в слабозаселенных губерниях Северо-Западного района (кроме Петербургской) и в части степного Поволжья и Заволжья. Население таких территорий, выталкиваемое из земледелия в заселенном районе, могло перейти в незаселенные части территории и взяться за обработку новой земли. В этом случае происходил рост земледельческого населения, который шел не менее быстро, чем рост индустриального населения.

Центральная Россия в изучаемый период демонстрировала одновременное проявление обоих процессов. С одной стороны, в южные и восточные окраины страны направлялся огромный поток переселенцев из Центрально-Земледельческого района, с другой – шел параллельный процесс, связанный с образованием нового земледельческого населения на новых землях и отвлечением его от земледелия к промышленности.

С 1897 по 1914 гг. все население Центральной России возросло на 38,6 %, в том числе городское – на 43 %, сельское – на 34,1 %. Обе столичные губернии здесь лидировали в приросте городского населения: общий удельный вес прироста населения в них составил 45,7 %, городского – 65,5 %, сельского – 25,8 %. В Северо-Западном районе (без Петербургской губернии) численность населения выросла на 34,5 %, в том числе городского – на 37,3 %, сельского – на 31,7 %; в Центрально-Промышленном соответственно – 34,7 %, 39,2 % и 30,2 %; в Центрально-Земледельческом – 37,6 %, 41,6 % и 33,6 %; в Поволжском – 47,4 %, 53,7 % и 41 %[10].

На рост численности населения также влияли следующие факторы. Из Центрально-Промышленного района и обеих столичных губерний миграция в другие районы была очень слабой; из Центрально-Земледельческого района она была весьма интенсивной, отчасти в предыдущий район, в том числе и в обе столичные губернии, но главным образом в Поволжье – район, заселявшийся в пореформенную эпоху. Удельный вес городского

населения во всех этих районах отличался незначительно от удельного веса городского населения всей Европейской России.

В Центрально-Промышленном районе наблюдалось особенно быстрое повышение доли городского населения, рост сельского населения здесь был очень слабым – почти вдвое слабее, чем по России в целом; рост городского населения, напротив, был значительно выше среднего. В Центрально-Земледельческом районе была иная картина: доля городского населения здесь была небольшой и возрастала медленно; увеличение населения, как городского, так и сельского, здесь было значительно слабее, чем в среднем по России. Объяснение этого явления в том, что из этого района шел громадный отток переселенцев на окраины.

В Поволжье удельный вес городского населения был несколько ниже среднего. Между тем, динамика роста городского населения здесь была не только не слабее, но и гораздо выше среднеимперской. Отвлечение населения от земледелия к промышленности шло интенсивно, но на него накладывался огромный рост земледельческого населения вследствие миграционных процессов. По отдельным губерниям это «затемнение» процесса индустриализации населения еще нагляднее.

Используя данные ЦСК МВД и материалы переписи 1897 г., определим долю городского населения Центральной России к началу XX в. в 12,9 %, а к началу 1914 г. – в 15,3 %[11].

Уместно привести показатели на 1 января 1914 г. численности и удельного веса городского населения отдельных губерний Центральной России, подсчитанные по сведениям ЦСК МВД: Петербургская – 2328,9 тыс.чел., или 73,9 % всего населения, Московская соответственно – 1900 тыс. чел., 52,9 %, Ярославская – 207,6 тыс.чел., 6 %, Саратовская – 518 тыс.чел., 15,8 %, Астраханская – 187,9 тыс.чел., 14,3 %, Владимирская – 276,6 тыс.чел., 12,6 %, Тульская – 225,1 тыс. чел., 11,9 %, Орловская – 320 тыс. чел., 11,6 %, Казанская – 280,1 тыс. чел., 9,8 %, Пензенская – 187,1 тыс. чел., 9,8 %, Калужская – 132,8 тыс. чел. 9 %, Курская – 290,5 тыс. чел., 8,9 %, Нижегородская – 179,9 тыс. чел., 8,7 %, Тамбовская – 304,4 тыс.чел., 8,6 %, Олонецкая – 36,1 тыс. чел., 7,8 %, Костромская – 139 тыс.чел., 7,6 %, Тверская –179,2 тыс. чел., 7,5 %, Симбирская – 151,5 тыс.чел., 7,3 %, Рязанская –200 тыс. чел., 7,2 %, Новгородская – 110,1 тыс.чел., 6,6 %, Псковская – 92,1 тыс. чел., 6,5 %, Самарская – 242,2 тыс.чел., 6,4 %, Воронежская – 207,4 тыс. чел., 5,7 %[12].

Удельный вес городского населения был наиболее высоким в столичных губерниях – Петербургской (73,9 %) и Московской (52,9 %).

Сравнительно высокий удельный вес городского населения можно отметить в Ярославской (16 %) и Саратовской (15,8 %) губерниях. В данном случае сказалось влияние численности населения большого губернского города. Наиболее низкой была доля городского населения в губерниях Новгородской (6,6 %), Псковской (6,5 %) и Воронежской (5,7 %).

Можно проследить также значительные колебания в темпе прироста городского населения в связи с размерами города в период с 1897 по 1914 гг. В городах, имевших св. 50 тыс.чел. населения, прирост составил 64,8 %, в городах численностью 10–50 тыс.чел. – 47,1 %, а в малых городах – до 10 тыс.чел. – 28,3 %[13].

Следовательно, за рассматриваемые 17 лет наивысший прирост наблюдался в столичных и наиболее крупных губернских центрах, значительным он был в средних городах и незначительным приростом населения отличались малые уездные и заштатные города.

О сравнительно высокой концентрации городского населения Центральной России к началу 1914 г. можно судить по данным о численности населения в губернских центрах региона. Согласно общеимперским данным, 9 губернских городов (включая 2 столичных) вошли в число 29 самых крупных городов России с численностью населения св. 100 тыс. чел. Это обе столицы – Петербург и Москва, а также Саратов, Казань, Астрахань, Самара, Тула, Нижний Новгород и Ярославль.

Таким образом, сюда вошел один город Северо-Западного района, три города Центрально-Промышленного района, один город Центрально-Земледельческого района и четыре города Поволжья.

В этой небольшой группе самых крупных городов Российской империи к началу 1914 г. проживало 9346,9 тыс.чел., что составляло ок. 40 % от всего городского населения страны. В 9 городах Центральной России проживало 4971,5 тыс.чел., или св. 20 % всего населения городов империи, что равнялось половине населения 29 крупнейших городов[14].

Следовательно, население городов, представлявших собой крупные индустриальные и торговые центры, росло гораздо быстрее, чем население других городов.

Для исследуемого периода весьма характерным оказался высокий прирост населения пригородов крупных центров страны и особенно Петербурга. Население пригородов, как правило, было тесно связано в своей трудовой деятельности с экономикой самого города. Удельный вес населения пригородов по отношению к общей численности населения Петербурга непрерывно возрастал и за 14 лет увеличился более чем в 1,5 раза[15].

В пригородах Москвы наблюдался более высокий прирост населения по сравнению с ростом жителей самой Москвы и окраин, входивших в черту города. Так, с 1897 по 1912 гг. население Москвы возросло с 978,5 тыс. до 1398,9 тыс. чел., или на 43 %; население пригородов за эти 15 лет увеличилось с 60,1 тыс. до 218,3 тыс. чел., или в 3,6 раза. В результате этого удельный вес численности населения пригородов в общей численности населения Москвы повысился с 5,8 % в 1897 г. до 13,5 % в 1914 г.[16].

Процессы общего высокого роста населения, и притом весьма неравномерного по отдельным районам Центральной России, оказали существенное

влияние на показатели плотности населения как в целом по региону, так и в отдельных губерниях.

Следует отметить, что обычные представления об исключительно низкой плотности населения Российской империи были вызваны тем, что главное внимание обращалось на показатели плотности населения, исчисленные в отношении всей огромной территории страны. Но эти общие показатели, безусловно, являются недостаточными. Учитывая большие различия в плотности населения в отдельных районах страны и региона, необходимо выявить по возможности дифференцированные показатели.

Средние показатели плотности населения Центральной России приближались к аналогичным показателям Европейской России, немного уступая последним, в то время как эти показатели по районам исследуемого региона изменились более существенно. Они составили в 1897 и 1914 гг. соответственно: в Северо-Западном районе – 25 чел. и 34,4 чел. на 1 кв. версту, увеличившись на 9,5 чел., или в 1,4 раза; в Центрально-Промышленном – 40 чел., 54,1 чел., 14,1 чел., 1,4 раза; в Центрально-Земледельческом – 48,8 чел., 67,2 чел., 18,4 чел., 1,4 раза; в Поволжье – 26,3 чел., 35,5 чел., 9,2 чел., 1,3 раза (прил. 14).

Приведенные данные свидетельствуют о больших различиях в плотности населения по отдельным губерниям. Так, к началу 1914 г. на 1 кв. версту приходилось жителей в Московской губернии – 122,8 чел., в Петербургской – 80 чел., в то время как в Астраханской и Олонецкой губерниях эти показатели равнялись соответственно 6,3 и 4,1 чел. Средняя плотность населения Московской губернии превосходила показатели Астраханской губернии в 19,5 раза, а Олонецкой – в 30 раз; аналогичные показатели Петербургской губернии в отношении двух последних были выше в 12,7 раза и в 19,5 раза.

Эти общие данные уместно дополнить некоторыми более детальными. На 1 января 1914 г. из 23 губерний Центральной России с населением 34466,2 тыс.чел. только в двух губерниях плотность населения составляла 80 чел. и более на 1 кв. версту, в них проживало 6727,8 тыс.чел., или 12,3 % всего населения региона. В шести губерниях на 1 кв. версту приходилось жителей от 60 до 80 чел., там проживало 17859,3 тыс. чел., или 32,8 %; в десяти губерниях на 1 кв. версту – от 30 до 60 чел., в них проживало 20802,5 тыс.чел., или 38,2 %; в трех губерниях на 1 кв. версту – от 15 до 30 чел., в них проживало 7294,9 тыс. чел., или 13,4 %, и, наконец, в двух губерниях на 1 кв. версту – менее 15 чел., проживало 1781,7 тыс.чел., или 3,3 %.

Как видим, к началу 1914 г. лишь в пяти губерниях на 1 кв. версту приходилось менее 30 чел.; в этих губерниях проживало 9076,6 тыс. чел., или 16,7 % от общей численности населения 23 губерний Центральной России. В восьми губерниях на 1 кв. версту приходилось от 60 до 80 чел. и более и проживало 24587,1 тыс. чел., или 45,1 % от общей численности

населения. Наибольшее же количество населения проживало в шестнадцати губерниях с плотностью от 30 до 80 чел. на 1 кв. версту – 38661,8 тыс.чел., или 71 %[17].

По данным подсчетам, резкого различия в плотности населения трех районов Центральной России – Центрально-Промышленного, Центрально-Земледельческого и Поволжского – не было; исключение составлял Северо-Западный район, где средняя плотность была 19,2 чел. на 1 кв. версту (в данном случае в подсчеты не включена столичная Петербургская губерния). Плотность населения Центральных губерний региона являлась сравнительно высокой. Наиболее населенным географическим ареалом Центральной России были губернии: Московская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская и Тульская.

Данные о средней плотности населения отдельных районов и губерний, безусловно, не являются вполне достаточными для конкретного представления о высокой степени дифференциации показателей плотности населения всей Центральной России. Необходимо учесть, что в пределах губерний, а многие губернии занимали весьма значительные территории, наблюдались заметные различия в плотности населения. Поэтому считаем целесообразным по рассматриваемому вопросу привести еще некоторые данные.

К началу XX в. возрастной состав населения Центральной России характеризовался следующими показателями. В городах региона на 100 чел приходилось в возрасте 0–1 года – 2,7 чел., 1–15 лет – 27,3 чел., 15–60 лет – 63,7 чел., 60 лет и старше – 6,3 чел., неизвестного возраста – 0,1 чел.; в селах соответственно – 3,5 чел., 36,2 чел., 53,3 чел., 6,9 чел., 0,1 чел. Таким образом, на 100 чел. населения приходилось в рабочем возрасте 15–60 лет в городах – 63,7 чел., в селах – только 53,3 чел. Соответствующие показатели для детей в возрасте до 15 лет – 27,3 чел. и 36,2 чел. Как видим, больше детей указанных возрастов имелось в селах. Средние показатели младенцев в селах также превышали городские: соответственно в городе – 2,7 чел., в селе – 3,5 чел.

В подсчет были включены данные подворных земских переписей, произведенных преимущественно после переписи населения 1897 г., в которых возрастные интервалы были примерно одинаковыми. Удельный вес младенцев и детей мужского пола до 6 лет составил 21,6 %, детей и подростков мужского пола 7–17 лет – 24,5 %, мужчин 18–59 лет – 48 %, мужчин 60 лет и старше – 5,9 %. Доля младенцев и детей до 6 лет женского пола составила 21,4 %, детей и подростков женского пола 7–15 лет – 20,3 %, женщин 16–54 лет – 49,3 %, женщин 55 лет и старше – 9,0 %. Сельских жителей обоего пола: до 6 лет было 21,5 %, детей и подростков до 17 лет – 22,4 %, взрослых до 59 лет – 48,6 %, пожилых и престарелых 60 лет и старше – 7,5 %, всех возрастов – 100 %.

Особенностью распределения по возрастным группам мужчин и женщин был тот факт, что у мужчин старшая возрастная группа была несколько пониженной, чем у женщин. Группа рабочего возраста составляла 48,6 % от общей численности сельского населения[18].

В губерниях со сравнительно высокими показателями рождаемости удельный вес детского населения был тоже высоким, а доля населения рабочего возраста была менее значительна. Вместе с тем в некоторых губерниях с большей долей населения, занятого в промышленности и отхожих промыслах, таких, как Московская, Ярославская, удельный вес населения рабочего возраста оказался еще более высоким.

Изменения показателей возрастно-полового состава городского населения Центральной России с конца XIX в. по 1914 г. явились результатом значительных сдвигов в социально-экономическом развитии страны. О распределении городского населения Центральной России по полу с 1897 по 1914 гг. свидетельствуют следующие данные: соответственно по годам на 100 мужчин приходилось 91 и 96 женщин. В среднем по России на 100 мужчин приходилось 88 и 93 женщины. Следовательно, к началу 1914 г. удельный вес женщин среди городского населения по сравнению с 1897 г. значительно повысился[19].

В отношении ряда крупных городов приходится отметить некоторые особенности в распределении населения по возрасту и полу.

Темп роста численности женщин в Петербурге в первое десятилетие XX в. был более высоким по сравнению с темпом роста численности мужчин. Поэтому расхождение в общей численности мужского и женского населения столицы в эти годы уменьшилось. Сравнительно значительный рост дает возрастная группа до 15 лет, в которой было в 1890 г. 22,2 %, а в 1910 г. – 24,9 %. Заметно уменьшилась возрастная группа от 31 до 60 лет – с 34,9 % в 1890 г. до 32,1 % в 1910 г.

В 1910 г. в Петербурге на 100 мужчин приходилась 91 женщина. Но этот показатель различался по отдельным возрастным группам. Женщины преобладали в группах младше 10 лет и старше 51 года, а особенно в группах 60 лет и старше. Во всех остальных возрастных группах, главным образом работоспособного и репродуктивного возраста, преобладали мужчины (прил. 15).

Следующие данные характеризуют распределение населения Петербурга по возрастным группам в 1910 г.: 0–10 лет – 17,1 %, 11–20 лет – 18,4 %, 21–30 лет – 26,1 %, 31–40 лет – 18 %, 41–50 лет – 10,7 %, 51–60 лет – 5,7 %, 61–80 лет – 3,8 %, 80 лет и старше – 0,2 %, всего – 100 %. К 1910 г. в столице проживала значительная часть трудоспособного населения репродуктивных возрастов, она составляла более половины всего населения –

54,8 %; немало было также детей и подростков – свыше трети, или 35,5 %; удельный вес лиц пожилого и преклонного возрастов был сравнительно незначительным – 9,7 %[20].

С 1897 по 1915 гг. рост численности женщин в Москве происходил в более быстром темпе, чем мужчин. Численность женщин непрерывно возрастала: с 76 на 100 мужчин в 1897 г. до 89 – в 1915 г.

О распределении населения Москвы (без пригородов) по основным возрастным группам имеются данные переписей 1902 и 1912 гг. В рассматриваемые годы вполне определились существенные сдвиги в возрастном составе московского населения. Увеличился удельный вес двух возрастных групп – 0–9 лет и 20–29 лет, группа 30–39 лет в целом осталась стабильной, а удельный вес всех остальных групп понизился. Следует также отметить, что среди московского населения значительное место занимало население рабочих и репродуктивных возрастов: в 1912 г. удельный вес населения 15–59 лет составил 74,8 %. Материалы переписей населения дают наглядное представление о значительном росте детского населения (0–9 лет) в Москве с 1902 по 1912 гг.

Более детально динамику роста численности детей в Москве с 1902 по 1912 гг. отражают следующие данные по трем возрастным группам. Численность младенцев возросла с 23,4 тыс. чел. до 31,5 тыс. чел. (на 8 тыс. чел., или на 34,4 %); численность детей в возрасте 1–4 лет увеличилась с 60,7 тыс. чел. до 85,5 тыс. чел. (на 24,8 тыс. чел., или на 40,8 %); численность детей в возрасте 5–9 лет увеличилась с 62,8 тыс. чел. до 97,3 тыс. чел. (на 34,5 тыс. чел., или на 54,8 %); всего численность младенцев и детей до 9 лет возросла со 146,9 тыс. чел. до 214,2 тыс. чел. (на 67,3 тыс. чел., или на 43,3 %)[21].

Таким образом, группа детей в возрасте до 9 лет увеличилась более чем на 67 тыс. чел. Рост детского населения происходил гораздо более интенсивно по сравнению с общим ростом всего населения; численность младенцев увеличилась при этом более чем на треть всего роста численности детей «второй» столицы.

Безусловно, что все приведенные данные и подсчеты в целом свидетельствуют о создании постоянного населения городов, проживавшего там со своими семьями. Различия в численности мужчин и женщин в городах стали менее значительными. В ряде крупных городов в более быстром темпе по сравнению с общим ростом всего населения происходило увеличение детского населения.

2.2. Естественное движение населения

Исследование процессов естественного движения населения Центральной России в 1900–1914 гг. требует анализа его особенностей вследствие того, что при довольно высоких показателях как общей, так и детской смертности прирост населения был довольно высоким.

Невозможно ограничиться лишь общей характеристикой естественного движения населения. В течение всего изучаемого периода на огромной территории региона при разнообразии социально-экономических и санитарно-бытовых условий определились весьма значительные различия показателей естественного движения населения отдельных территорий. Наряду с местностями, в которых показатели естественного движения населения оставались в целом устойчивыми, имелись и такие территории, где происходило некоторое снижение показателей рождаемости и смертности. Учитывая все это, целесообразно подсчитать и систематизировать основные данные, в частности, относительные показатели естественного движения населения отдельных районов и губерний Центральной России.

Общеизвестно, в каких исключительно тяжелых экономических и санитарно-бытовых условиях находились низшие слои городского и сельского населения России в изучаемый период. Тяжелыми условиями жизни этих слоев был обусловлен процесс воспроизводства населения. Этого факта не могла скрыть и официальная статистика. В различных изданиях и отчетах можно найти немало ссылок на тяжелые условия и низкое качество жизни населения.

Уместно привести соответствующие показатели естественного движения населения 23 губерний Центральной России за отдельные годы. Так, в 1897 г. рождаемость составила 50 ‰, смертность – 31,7 ‰, естественный прирост – 18,3 ‰; в 1898 г. соответственно 48,6 ‰, 33,2 ‰, 15,4 ‰; в 1899 г. – 49,3 ‰, 31,2 ‰, 18,1 ‰; в 1900 г. – 49,3 ‰, 31,1 ‰, 18,2 ‰; в 1901 г. – 47,9 ‰, 32,1, ‰ 15,8 ‰; в 1902 г. – 49,1 ‰, 31,5 ‰, 17,6 ‰; в 1903 г. – 48,1 ‰, 30 ‰, 18,1 ‰; в 1904 г. – 48,6 ‰, 29,9 ‰, 18,7 ‰; в 1905 г. – 45 ‰, 31,7 ‰, 13,3 ‰; в 1906 г. – 47,1 ‰, 29,9 ‰, 17,2 ‰; в 1907 г. – 47,5 ‰, 28,4 ‰, 19,1 ‰; в 1908 г. – 44,8 ‰, 28,3 ‰, 16,5 ‰; в 1909 г. – 44,7 ‰, 29,5 ‰, 15,2 ‰; в 1910 г. – 45,1 ‰, 31,5 ‰, 13,6 ‰; в 1911 г. – 45 ‰, 27,4 ‰, 17,6 ‰; в 1912 г. – 43,7 ‰, 26,5 ‰, 17,2 ‰; в 1913 г. – 43,1 ‰, 27,4 ‰, 15,7 ‰[22].

Нельзя не обратить внимание на сравнительно большой прирост населения в 1897, 1899, 1900, 1903, 1904, 1907 гг. (от 18,1 ‰ до 19,1 ‰). Особо высокие показатели смертности наблюдались в 1898 г. – 33,2 ‰, в 1901 г. – 32,1 ‰, в 1905 г. – 31,7 ‰. Пониженный естественный прирост населения был в 1905 г. – 13,3 ‰, в 1909 г. – 15,2 ‰, в 1910 г. – 13,6 ‰. Сравнительно более высокий рост рождаемости происходил в годы относительного роста

промышленности 1897–1900 гг. Среднегодовой коэффициент умерших значительно возрос к концу XIX в. и уменьшился в 1897–1900 гг. и в 1911–1913 гг. Темп естественного прироста населения был более высоким в 1897–1900 гг.

Заслуживают внимания также показатели естественного движения населения Центральной России, исчисленные путем деления числа родившихся на число умерших. В приводимых ниже данных установлены соотношения числа родившихся к числу умерших по 23 губерниям региона с 1896 по 1913 гг. по пятилетиям. Так, в 1896–1900 гг. этот показатель равнялся 154,4, в 1901–1905 гг. – 153,7, в 1906–1910 гг. – 155,1, в 1911–1913 гг. – 162,1, в среднем – 156,3. Таким образом, в среднем за 1896–1913 гг. число родившихся превышало число умерших в 1,6 раза[23].

Рассмотрим сводные показатели рождаемости населения региона. Подсчеты коэффициентов рождаемости за каждые пять лет в 1896–1913 гг. по районам и губерниям представлены в прил. 16. Очевидно, что для большинства губерний средние показатели рождаемости по пятилетиям являлись в целом устойчивыми. Кроме того, за 17 лет значительно уменьшились показатели рождаемости почти по всем губерниям Северо-Западного района, по некоторым губерниям Центрально-Промышленного района незначительно снизились эти показатели по Центрально-Земледельческому и Поволжскому районам.

Рождаемость в Центральной России характеризуется также данными о количестве рождений, приходящихся на каждый заключенный брак (прил. 17). В среднем по 23 губерниям Центральной России в 1910 г. на заключенный брак приходилось 5,8 рождений, что было несколько выше показателей Европейской России – 5,3. Однако по районам региона эти показатели были близкими, за исключением Северо-Западного, где наблюдался наименьший показатель – 5,3. Наиболее высокими показателями отличались группы губерний Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В четырех губерниях – Тульской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской – были наивысшие показатели – 6,6–6,8 рождений.

Несомненно, что в целом приведенные показатели являются несколько преуменьшенными, так как имел место недоучет рождений церковной статистикой и государственными структурами.

Рождаемость в Центральной России в изучаемый период отличалась одним из самых высоких зарегистрированных в мире уровней. Среднее значение общего коэффициента рождаемости в регионе в 1896–1913 гг. равнялось 46,6 ‰, тогда как в Европейской России – 46,7 ‰, и было намного больше, чем в странах Западной Европы. В некоторых российских губерниях в отдельные годы величина коэффициента рождаемости превышала даже 60 ‰. Индекс общей рождаемости А. Коула в европейской части

страны в начале XX в. равнялся 0,54 и был самым высоким на континенте[24].

К сожалению, в России не велась регистрация рождаемости по возрасту матери и порядку рождения, за исключением Петербурга и, возможно, ряда других мест. Это затрудняет изучение возрастных особенностей рождаемости и определение величины суммарного коэффициента рождаемости, которая по существующим оценкам была также очень высокой. Так, по оценкам С.В.Захарова, суммарный коэффициент рождаемости в начале XX в. в Центральной России составлял 7,4. По оценкам А. Коула и Д. Трассела, в 1913 г. он равнялся в регионе 6,2–6,4[25].

В начале XX в. в Центральной России обнаружилась тенденция к снижению уровня рождаемости. По сравнению со странами Западной Европы это снижение было незначительным и запоздалым. С 1896–1900 гг. по 1911–1913 гг. коэффициент рождаемости снизился с 48,5 ‰ до 44,2 ‰. Однако на отдельных территориях и в социальных группах, в большей степени подвергшихся процессу модернизации, демографические изменения в рождаемости начались раньше и происходили достаточно интенсивно. С конца XIX в. по 1914 г. наблюдалась значительная географическая неоднородность в уровне рождаемости населения Центральной России. Так, в 1896–1900 гг. общий коэффициент рождаемости в 23 губерниях региона варьировал между 32,8 ‰ и 57,6 ‰, а в 1911–1913 гг. – между 29,3 ‰ и 55 ‰[26], причем в течение всего периода эта неоднородность в показателях рождаемости, в отличие от смертности, возрастала. Существенные различия в динамике уровня рождаемости наблюдались между губерниями Северо-Западного района и других районов Центральной России. При этом максимальные значения общего коэффициента рождаемости, которые наблюдались в Поволжских, а также в некоторых Центрально-Земледельческих губерниях, практически не изменились, а минимальные в Северо-Западных губерниях устойчиво снижались.

Приведенные подсчеты отражают не только географическую, но отчасти и национально-этническую основу территориальной дифференциации динамики уровня рождаемости. Особенности динамики общего коэффициента рождаемости приближают Северо-Западные губернии к Прибалтийским и даже к ряду стран Северной Европы. Однако о начале демографического перехода к новому типу рождаемости в этих губерниях можно говорить лишь применительно к периоду Первой мировой войны. В Центрально-Промышленных, а особенно в Центрально-Земледельческих и Поволжских губерниях демографический переход начался в последнюю очередь – с 1917 г.

В приводимом прил. 18 даются сравнительные показатели рождаемости населения в городах и в сельских местностях по отдельным районам и губерниям в 1911–1913 гг. Из этих данных видно, что в 18 губерниях

показатели рождаемости в селах были выше, чем в городах; в 5 губерниях рождаемость в городах была выше, чем в сельских местностях. Это явление наблюдалось во Владимирской, Ярославской, Костромской, Самарской и Астраханской губерниях.

Войны всегда были значительным ударом по уровню рождаемости в России. Массовая мобилизация мужского населения вызывала разрыв прежних семейных связей и резко сокращала возникновение новых семейных союзов. Все это в скором времени выразилось в снижении рождаемости. В первое десятилетие XX в. наиболее сильное влияние на снижение рождаемости оказала русско-японская война. Уже в 1905 г. коэффициент рождаемости сократился почти на 10 % по сравнению с 1904 г. Это результат мобилизации на войну более 1 млн. молодых мужчин из губерний Центральной России.

Национально-этническая дифференциация рождаемости была связана с конфессиональной. Снижение рождаемости у православных с 189 по 1910 гг. было незначительное, всего на 6,5 ‰; у протестантов значительно больше – на 9,7 ‰; у католиков несколько меньше – на 7,4 ‰; почти на одинаковом уровне с протестантами находились иудеи – 10,4 ‰; практически не произошло снижения рождаемости у мусульман – на 1,2 ‰. Вместе с тем общая тенденция, характерная дня народностей почти всех конфессий Центральной России, была на снижение рождаемости и постепенное приближение к новому демографическому переходу[27].

Снижение рождаемости в большей степени затронуло города, чем сельскую местность. Так, в 1913 г. общий коэффициент смертности для городского населения в среднем равнялся 30,2 ‰, для сельского – 48,8 ‰, индекс общей рождаемости А. Коула в начале XX в. для городского населения был 0,39, а для сельского – 0,56[28].

Если в Петербурге суммарный коэффициент в начале XX в. был небольшим – 3,1, то в сельской местности он достиг значительной величины. Так, результаты отдельных местных обследований показали, что рязанские крестьянки, независимо от семейного состояния, рожали в среднем 7,7 раза, костромские и ярославские – 8, воронежские – 8,9[29].

О сословных различиях в уровне рождаемости дают представление следующие данные возрастной структуры населения в 1900-х гг. Так, у дворян и чиновников доля младенцев и детей до 10 лет была 21,5 %, детей и подростков до 20 лет – 18,7 %; у купцов и мещан соответственно – 26,4 % и 21 %; у крестьян – 28 % и 21,5 %[30]. Как видим, привилегированные сословия отличались более низким удельным весом детских возрастов.

Представление о повозрастных особенностях снижения рождаемости в Центральной России дают соответствующие расчеты по Петербургу. С 1890 по 1910 гг. повозрастные коэффициенты рождаемости уменьшились во всех возрастных группах, но особенно заметно – в группе 20–34 лет.

Средний коэффициент рождаемости снизился с 3,31 в 1890 г. до 2,83 в 1910 г. При этом в распределении детей по порядку рождения несколько уменьшилась доля последних по очередности. Доля первых двух детей в 1890 г. составила 36,7 % всех рождений, в 1910 г. – 40,8 %, третьих и четвертых детей соответственно – 29,7 % и 29 %, остальных – 33,6 % и 30,2 %[31].

В 1900-х гг. в Центральной России в условиях почти полного отсутствия внутрисемейного регулирования деторождения уровень рождаемости и его дифференциация определялись особенностями процесса брачности. Вне брака в России рождалось мало детей. В изучаемый период их доля в общем числе новорожденных составляла 2,9 % и была одной из самых низких в Европе; в Англии эти показатели составляли 6,8 %, во Франции – 7,1 %, в Дании – 9,4 %, в Австрии – 11,4 %[32].

Практически во всех губерниях Центральной России (и в большинстве – Европейской) преобладал восточно-европейский тип брачности, для которого были характерны ранний возраст и всеобщность вступления в брак. Основой этого типа брачности и в XX в. являлась община и ее землепользование в условиях наличия значительных земельных угодий. Говоря об экономических стимулах ранней брачности у крестьян, Д.Н. Жбанков отмечал, что среди крестьян мужчины по достижении известного возраста должны были жениться по чисто экономическим соображениям, так как с помощью брака было принято основывать не только семью, но и хозяйство[33].

При традиционном типе рождаемости характер вскармливания (длительность периода, частота) был основным фактором, определявшим продолжительность интервала между рождениями и в итоге – общее число рождений в семье. Динамике изменения и географии лактационного поведения в Центральной России и его влиянию на уровень рождаемости не уделялось большого внимания в научной литературе.

Традицией предписывались следующие сроки кормления ребенка грудью. Известный этнолог Д.К. Зеленин отмечал, что у русского православного этноса обычно такое кормление продолжалось больше года, а в большинства случаев – до следующей беременности. Нормальным сроком считалось время «трех постов», то есть полтора-два года, поскольку учитывались только два поста в году – Великий и Успенский. Очень часто, однако, кормление грудью длилось три и даже четыре года, так как существовало твердое убеждение, что в период кормления не может наступить новая беременность. У мусульман период кормления четко регламентировался Кораном: женщины кормили своих детей два полных года. Эти различия в лактационном поведении являлись главной причиной более низкой рождаемости у мусульманских народов[34].

С учетом указанных сроков можно определить, что при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь

примерно 8–10 детей. Высокая младенческая смертность иногда увеличивала уровень рождаемости за счет сокращения лактационного периода и интергенетических интервалов.

Вероятно, что в 1900-х гг. существовала тенденция к сокращению лактационного периода у немусульманских народов Центральной России. В основе тенденции лежала, в частности, растущая занятость женщин в общественном производстве в городах, а также в домашнем хозяйстве в деревнях, прежде всего в тех, где был развит отход мужчин на заработки. Согласно существовавшему трудовому законодательству женщине-работнице был положен только четырехнедельный послеродовой отпуск. Женщин из высших слоев общества ограничивать период кормления побуждали причины косметического характера.

Об отходе от традиции у славянских народов свидетельствует уже упоминавшаяся литература по проблеме детской смертности, а также справочники по уходу за детьми. В них в начале XX в. отмечалось, что с 5–7 месяцев ребенка надо начинать прикармливать, а в 12–14 месяцев следовало отнимать от груди[35].

Ограничивающее влияние внутрисемейного регулирования на рождаемость в Центральной России было незначительным. Об этом свидетельствуют чрезвычайно высокий уровень рождаемости и, в частности, существующие оценки брачной рождаемости. Так, по расчетам А.Г. Вишневского, в начале XX в. суммарный коэффициент брачной рождаемости был очень высоким – 9,4 ребенка на женщину[36].

Если большинству населения Центральной России – крестьянам – различные методы предотвращения зачатия и плодоизгнания были малоизвестны, то среди горожан они были относительно распространены. Например, костромская крестьянка, жившая в браке до конца репродуктивного периода, в 1900-х гг. рожала в среднем 10,2 ребенка, в 1914–1915 гг. – 10,3. В Петербурге средний коэффициент брачной рождаемости в 1890 г. составлял почти 6,1, а к 1910 г. снизился до 5,7[37].

Несмотря на строгие положения Российского законодательства, религиозные запреты, аборты и контрацепция постепенно получали распространение[38]. С конца XIX в. многие журналы (например, известная «Нива») все чаще рекламировали соответствующую продукцию. На страницах журналов «Русская мысль», «Женское дело», «Женский вестник» и др. в 1900-х гг. уделялось немало места дискуссии о «неомальтузианстве». В одном из них говорилось, что «детопредупредительные меры создали целые отрасли промышленности, завоевали рынок. Только «роскошь» их услуг довольно долго не была доступна беднейшим слоям. Но ... всесильная конкуренция, понизив цены, гораздо убедительнее проповедей, и пьес, и поэзии о спасительной роли этого течения способствовала его распространению в слоях пролетарских»[39].

Изменения в традиционной системе регулирования отношений между полами, по крайней мере городских слоев общества, отражала русская литература (от А.П. Чехова, И.А. Бунина, В.В. Розанова до М.П. Арцыбашева и В.В. Каменского).

В первом десятилетии XX в. проблема абортов и контрацепции становится одной из наиболее часто дискутируемых в обществе. Так, если на III съезде врачей в память о Н.И. Пирогове в 1893 г. было представлено только два доклада по данной проблеме, то на XII съезде это была уже центральная тема, обсуждение которой вызвало широкий общественный резонанс. На съезде криминалистов, состоявшемся в начале 1914 г., большинством голосов – 39 против 13 – было принято решение, что закон не должен больше причислять аборт к преступлениям.

Многие специалисты того времени рассматривали аборт как альтернативу детоубийствам, которые существовали в Центральной России. Известный русский гигиенист И.В. Гран отмечал, что искусственный выкидыш менее всего был распространен в деревне, однако детоубийство там случалось чаще, чем в городах, где, наоборот, аборт практиковался сплошь и рядом[40].

Имеющаяся статистическая информация по отдельным больницам, исследования ряда ученых, юристов показывают, что к началу Первой мировой войны методы контроля рождаемости распространялись не только в высших сословиях, но и среди работниц в городах, а также начали проникать в крестьянские пригороды. Об их распространении свидетельствует обнаружившаяся с конца XIX в. тенденция к сокращению внебрачной рождаемости. Д.И. Багалей и Д. Миллер отмечали, что искать причину понижения внебрачной рождаемости следует не в усилении строгости нравов, а в широком развитии проституции, с одной стороны, и в большем распространении «презервативных и абортивных средств» – с другой[41].

Понижающее влияние на рождаемость оказывало значительное развитие отходничества, поскольку оно вело к временному прекращению супружеских отношений, а также к снижению уровня брачности. В исследованиях 1900-х гг. существование этой тенденции подтверждалось данными по отдельным уездам, волостям или выборочных обследований. Кроме того, отходники содействовали диффузии новых форм поведения из городов в уезды.

Социально-экономическую основу этих изменений можно связать с индустриализацией, урбанизацией, ростом грамотности, повышением уровня женской занятости, снижением уровня детской смертности и др. Это, в свою очередь, вело к формированию новых отношений между полами, в семье, потребности в детях и в итоге – к формированию новой модели репродуктивного поведения.

Б. Андерсон, А. Коул и Е. Харм исследовали зависимость индекса брачной рождаемости от ряда факторов. Наиболее тесная корреляционная связь была выявлена между рождаемостью и уровнем грамотности (для города – 0,454, для села – 0,699) и между рождаемостью в городах и долей женщин, занятых в промышленности (–0,691). Для других показателей, в том числе коэффициента младенческой смертности, теснота связи была невелика. Ф. Грапп и Е.Джонс подтвердили роль уровня грамотности как фактора снижения рождаемости (–0,83). Влияние изменения ролей на рождаемость определялось показателем отношения уровня грамотности мужчин к уровню грамотности женщин (–0,77). Для других факторов (урбанизация, социальный строй) теснота связи была невелика[42].

Влияние общинной организации русской деревни на демографическое развитие страны отмечалось в научной литературе. Аграрник П.П. Маслов считал, что общинный строй при чисто земледельческом хозяйстве побуждал к ранним бракам; общинники даже при земельной тесноте аккуратно исполняли заповедь «плодитесь и размножайтесь»; «премия за рождаемость» уплачивалась из общего земельного фонда общинников, при этом многосемейные поднимались экономически, сокращая земельный фонд малосемейных[43].

Проведенный анализ показал, что общинная организация являлась главным социальным фактором, определявшим высокий уровень рождаемости в Центральной России. Коэффициент корреляции между долей хозяйств, состоявших в крестьянской общине в 1897–1905 гг., и общий коэффициент рождаемости составили для 23 губерний региона 0,97, а в 1906–1910 гг. – 0,93. Иначе говоря, чем выше была доля частновладельческих крестьянских хозяйств в губернии, тем ниже в ней был уровень рождаемости. Модернизация постепенно разрушала общину в русской деревне (этому особенно содействовала столыпинская реформа) и поэтому определяла направления эволюции рождаемости.

Демографический переход, как правило, начинается с понижения смертности. В Центральной России в 1900-х гг. наблюдался традиционный тип смертности, который отличался огромным преобладанием экзогенных причин смерти и, следовательно, чрезвычайно быстрым вымиранием поколений и низкой средней продолжительностью жизни. Общий коэффициент смертности был одним из самых высоких в Европе; его средняя величина в 1896–1913 гг. составляла 31,8 ‰, что было немного выше показателя в Европейской России – 29,9 ‰. Правда, по районам Центральной России средний коэффициент смертности обнаруживал некоторые колебания: в Северо-Западном районе – 29 ‰, в Центрально-Промышленном – 31,6 ‰, в Центрально-Земледельческом – 32,1 ‰, в Поволжье – 34,6 ‰ (прил. 19).

В годы общественных бедствий (эпидемий, неурожаев или войн) уровень смертности значительно повышался, сокращая естественный прирост

и порой численность населения в отдельных уездах, губерниях и даже во всей центральной части России.

После «голодного пика» в 1892 г. в Центральной России обнаружилась явная тенденция снижения общего коэффициента смертности и сокращения амплитуды его колебаний к 1913 г. Значительно снизились показатели смертности в трех губерниях Центрально-Промышленного района – Московской, Ярославской, Владимирской, в одной губернии Центрально-Земледельческого района – Рязанской и в двух губерниях Северо-Западного района – Петербургской и Псковской. Однако в большинстве губерний Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, а также во всех губерниях Поволжья смертность оставалась еще довольно высокой.

Показатели смертности (прил. 20) подсчитаны без поправок на различие в возрастно-половом составе городского и сельского населения. Следует отметить значительные различия рассматриваемых показателей по отдельным губерниям. Так, в 12 губерниях Центральной России коэффициент смертности в среднем в 1911–1913 гг. в городах был выше, чем в сельских местностях, причем особенно высоким он был в Костромской, Самарской и Астраханской губерниях. В 11 губерниях более высоким оказался коэффициент смертности в селах. Причем амплитуда колебаний здесь была незначительной.

Отсутствующие полные данные о возрастной структуре смертности, за исключением года первой всеобщей переписи населения, затрудняют изучение смертности в Центральной России, определение средней продолжительности предстоящей жизни. Однако подсчеты на основе данных С.А. Новосельского дали следующие результаты: из 100 родившихся умирало на первом году жизни в 1897–1901 гг. в среднем 26 чел., в 1902–1906 гг. – 25,3 чел., в 1907– 1911 гг. – 24,4 чел.[44]. До сих пор рассматривались коэффициенты смертности. Однако надо сказать, что эти коэффициенты не дают достаточно полной и точной картины уровня смертности в регионе. Главный их недостаток в том, что они в значительной степени зависят от возрастного и полового состава населения. Более ценные данные можно получить на основе сведений о распределении умерших по возрасту.

Эти цифры говорят об очень многом. Оказывается в 1910 г. подавляющее большинства умерших – это младенцы и дети до 10 лет (64,3 %). Из общего количества умерших почти 2/3 приходилось на детей. Другой характерной чертой смертности населения Центральной России являлся тот факт, что доля умерших в молодые годы и в годы зрелости ненамного меньше числа умерших в старости. Так, например, умершие в возрасте 30–39 лет составляли 4 %, а в возрасте 60–69 лет – 5,9 %, то есть всего в 1,5 раза больше. Это говорит о том, что преждевременная смерть взрослых людей, которая являлась подлинной трагедией для семьи и огромным

уроном для общества и экономики страны, в Центральной России изучаемого периода имела место в колоссальных масштабах.

Высокому уровню смертности соответствовала низкая средняя продолжительность предстоящей жизни, причем в России она была значительно ниже, чем в других европейских государствах в ту же эпоху. В Центральной России средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного в 1896–1897 гг. составила для мужчин – 30,1 года, для женщин – 31,9 года, для обоих полов – 31 год; в 1907–1910 гг. соответственно – 31,9, 34, 33 года[45].

Если и можно говорить об увеличении средней продолжительности предстоящей жизни, то лишь об очень небольшом. Даже в 1907–1910 гг. средняя продолжительность жизни большей части населения Центральной России оставалась чрезвычайно низкой, характерной для традиционного типа смертности, но никак не для современного. Такое сопоставление позволяет утверждать, что изменения в динамике средней продолжительности жизни начались не с 1896–1897 гг., а позднее, по крайней мере с 1910-х гг. Несмотря на некоторый рост, средняя продолжительность предстоящей жизни в Центральной России была значительно ниже, чем, например, во Франции или в Англии, где ее величина в 1896–1905 гг. для обоих полов составляла соответственно 50 и 56,5 лет[46].

Говоря о повозрастных особенностях смертности населения в Центральной России, следует отметить, что смертность в регионе в 1900-х гг. была исключительно высокой в детском возрасте до 10 лет, в подростковом и рабочем возрасте, умеренной в пожилом возрасте. Смертность в регионе в целом была типичной для аграрно-индустриальных стран с низким уровнем развития санитарного дела и медицины, а также культуры быта широких слоев населения. К тому же Центральная Россия занимала особое место среди аналогичных государств по показателям исключительно высокой смертности детей и младенцев и исключительно низкой смертности групп пожилых возрастов.

Средняя продолжительность предстоящей жизни женщин была несколько выше, чем мужчин. В 1900-х гг. мужская смертность превышала женскую до 11-летнего возраста, а также в возрастах 40–45 лет, 70–80 лет и старше 90 лет[47]. В остальных возрастных группах женская смертность превышала мужскую, что, в частности, было предопределено высокой материнской смертностью.

Относительно низкой смертности в старческих возрастах в Центральной России, по сравнению с другими странами Европы, сложилось два взгляда. С одной стороны – это реалия, которая является специфической особенностью русского населения, результатом отбора более жизнеспособных в условиях высокой детской смертности. С.А. Новосельский указывал, что исключительно высокая жизненная энергия в старческом возрасте может свидетельствовать о врожденной жизнестойкости русского народа.

Другой точки зрения, в частности, придерживались П. Демени и А. Коул, которые рассматривали низкую смертность в старших возрастах как результат недоучета числа умерших и искажения численности старших возрастных групп в переписях. У Л.К. Гарсон достаточно убедительно показано, что по крайней мере в возрастных группах старше 70 лет низкая смертность в значительной степени преувеличена.

Касаясь вопроса повышенной смертности населения Петербурга в 1900-х гг., С.А. Новосельский и В.В. Паевский писали, что неблагополучие города в отношении смертности обусловливалось существовавшими в нем антисанитарными условиями и условиями социально-экономического характера. Показательны в этом отношении сведения о динамике заболеваний петербургского населения брюшным тифом в 1897–1911 гг. Так, в 1897–1901 гг. среднее число заболеваний в столице составило 5,7 тыс., в 1902–1906 гг. – 4,8 тыс., в 1907–1911 гг. – 3,7 тыс.[48]. По совокупности ряда признаков благосостояния жителей Петербурга 48 административных участков столицы были сгруппированы в 7. Так, в I группе участков доля хозяев и администрации среди самостоятельного промыслового населения составила 25,8 %, число личной прислуги на 100 самостоятельных – 34,7 чел., среднее число жителей на одну комнату – 1,5 чел., средняя годовая плата за квартиру – 933 руб., стандартизированный коэффициент смертности в 1909–1912 гг. – 12,6 ‰; во II группе участков соответственно – 24,6 %, 29,9 чел., 1,6 чел., 745 руб., 14,3 ‰; в III группе – 21,2 %, 19,9 чел., 2,1 чел., 536 руб., 18,3 ‰; в IV группе – 16, 7 %, 13,2 чел., 2,3 чел., 430 руб., 19,9 ‰; в V группе – 12,8 %, 8,9 чел., 2,6 чел., 353 руб., 21,9 ‰; в VI группе – 10,7 %, 5,4 чел., 2,9 чел., 213 руб., 24,5 ‰; в VII группе – 8,2 %, 4 чел., 3,3 чел., 190 руб., 27,2 ‰[49].

На основе анализа этих данных можно отметить, что по мере перехода от группы участков с преобладанием более зажиточного населения к группам участков с преобладанием бедного населения смертность непрерывно возрастала и в наиболее бедной группе была в 2,5 раза выше, чем в наиболее зажиточной.

По материалам переписей 1900 и 1910 гг. были произведены подсчеты и получены данные о влиянии степени благосостояния на заболеваемость населения сыпным тифом в Петербурге, из которых видно, что заболеваемость сыпным тифом обратно пропорциональна степени благосостояния.

На соотношение смертности и рождаемости населения Москвы в 1900–1914 гг. повлияли следующие обстоятельства. Эпидемии детских болезней 1909 г. отразились на повышенной смертности населения «второй» столицы. Однако в последующие годы небольшое снижение смертности населения можно объяснить изменением его возрастного состава и некоторым улучшением санитарного состояния города. Правда, это снижение смертности населения Москвы было довольно медленным – за период

в 17 лет оно измерялось величиной, указывающей сохранение жизни ок. 6 чел. из тысячи в год. Если сопоставить показатели смертности и рождаемости населения в Москве, можно увидеть, что лишь с 1910 г. определился небольшой естественный прирост населения. Рождаемость составила: в 1900 г. – 25,6 ‰, в 1901–1910 гг. – 28,8 ‰, в 1911–1913 гг. – 29,9 ‰; смертность: в 1901 г. – 23,7 ‰, в 1902–1906 гг. – 22,4 ‰, в 1907–1910 гг. – 24,7 ‰, в 1911–1914 гг. – 23,3 ‰[50].

В районах проживания менее обеспеченного населения Москвы показатели заболеваемости и смертности были весьма высокими. На основании данных санитарных врачей были произведены подсчеты инфекционной заболеваемости населения Москвы в 1902–1907 гг. по полицейским частям (прил. 21). Наименьшее количество больных приходилось на те части, где проживало главным образом зажиточное население. Так, например, при среднем показателе в 22,8 ‰ больных насчитывалось в Тверской части 13,2 ‰, в Городской – 16,2 ‰, в Арбатской – 16,5 ‰, в Пречистенской – 16,7 ‰. Первенство по заболеваемости принадлежало Мясницкой части, где был расположен Хитров рынок. За Мясницкой шли окраинные тогда части – Пресненская, Мещанская, Серпуховская, Сущевская.

Социально-экономическая и культурная неоднородность Центральной России в целом, а также городов и сел региона предопределили значительную территориальную дифференциацию динамики уровня смертности. При этом снижение уровня смертности охватило все губернии. Увеличение вариации в конце XIX в. объясняется тем, что вследствие голода в 1892 г. в ряде губерний смертность значительно возросла.

В целом в Центральной России уровень смертности повышался в направлении с запада на восток и с юго-запада на северо-восток. В 1900-х гг. район наивысшей смертности охватил главным образом Заволжские, Средневолжские, Нижневолжские губернии, отчасти Центрально-Земледельческие и Центрально-Промышленные. Этот район в большей степени страдал от неурожаев, кроме того, Поволжье являлось очагом холеры. Наименьший уровень смертности наблюдался в Северо-Западных губерниях.

Неоднозначно складывались соотношения уровней смертности городского и сельского населения. Общий коэффициент смертности в уездах был выше, чем в городах. Так, в 1913 г. в уездах он равнялся 30,7 ‰, в городах – 21,9 ‰. Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. во многих городах (особенно в Поволжье – очаге холеры) уровень смертности поднимался до больших величин и превышал рождаемость. Например, в 1901–1905 гг. наблюдался отрицательный естественный прирост в 23 % из общего числа городов[51].

Городское население формировалось под сильным влиянием миграции. В результате этого, в отличие от уездов, в российских городах преобладали

возрастные группы старше 20 лет, а численность мужского населения превосходила численность женского.

Существенной особенностью смертности в городах являлось то, что ее уровень был ниже, чем в селах, в возрастных группах 1–14 лет и 20–24 лет. Кроме того, в селах смертность женщин практически во всех возрастных группах от 15 до 40 лет была выше, чем мужчин. Причины подобного различия, включая большое распространение инфекционных болезней в детских возрастах и высокую материнскую смертность в деревнях, рассмотрены в ряде работ отечественных ученых[52].

Причины смертности в Центральной России начали регистрироваться в некоторых городах еще в конце XIX в.; в первые годы XX в. число таких городов значительно увеличилось. В подавляющем большинстве уездов регистрация причин смерти в сельской местности началась в 1891 г. и включала умерших от инфекционных болезней. Структура причин смерти в Центральной России отличалась наличием в ней значительной доли смертей от факторов экзогенного происхождения. Уровень смертности от инфекционных заболеваний был чрезвычайно высок по сравнению со странами Западной Европы[53].

Тенденция к снижению смертности в конце XIX в. сопровождалась определенными изменениями в структуре причин смерти. В частности, сокращалось число умерших от коклюша, дифтерии, скарлатины, кори, то есть болезней, которыми болели преимущественно дети в возрасте от 1 года до 8 лет, а также от тифа и оспы.

Необратимость происходивших изменений в структуре причин смертности определялась вызывавшими их социально-экономическими преобразованиями. Среди них выделим следующие: расширение продовольственной базы, повышение урожайности зерновых, увеличение посевных площадей, вследствие чего возросло потребление зерна на душу населения; рост грамотности; развитие санитарно-гигиенических мероприятий и здравоохранения (противохолерные мероприятия, обязательное оспопрививание, сывороточное лечение дифтерии, увеличение численности врачей, развитие сети земской медицины и т.д.); расширение сети водопроводов и канализации в городах[54].

На государственном уровне это проявилось в усилении и координации ранее разрозненных действий в борьбе со смертностью и заболеваемостью, в первую очередь – инфекционной. Издавались указы правительства об обязательной вакцинации, о гигиенических нормах и т.д. На индивидуальном уровне изменилось отношение к здоровью и его сохранению, к роли врача в жизни человека. Русская интеллигенция усердно работала в деревне в качестве земских врачей, учителей народной школы, агрономов, статистиков.

Н.О. Лосский писал, что, повинуясь чувству долга, понимая опасность неряшливости при лечении болезней, русские врачи достигли такой чистоты и антисептики, что московские клиники в этом отношении были лучше берлинских[55]. В городах Центральной России в начале XX в. были созданы «Общества борьбы с детской смертностью», а при них кухни «Капля молока».

Однако все названные мероприятия и приложенные усилия государства и общества оказывались явно недостаточными для решительного снижения смертности в Центральной России, особенно младенческой и детской. Даже в официальном обзоре «Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России», составленном директором Центрального статистического комитета П.И. Георгиевским, можно встретить признание в том, что в России за указанное время практически никакого серьезного уменьшения младенческой смертности не произошло[56].

Некоторое снижение детской смертности началось лишь в первое десятилетие XX в. Для более точной характеристики этого снижения приведем погодовые данные с 1897 по 1911 гг. Так, в 1897 г. этот показатель равнялся 26 ‰, в 1898 г. – 27,9 ‰, в 1899 г. – 24 ‰, в 1900 г. – 25,2 ‰, в 1901 г. – 27,2 ‰, в 1902 г. – 25,8 ‰, в 1903 г. – 25 ‰, в 1904 г. – 23,2 ‰, в 1905 г. – 27,2 ‰, в 1906 г. – 24,8 ‰, в 1907 г. – 22,5 ‰, в 1908 г. – 24,4 ‰, в 1909 г. – 24,8 ‰, в 1910 г. – 27,1 ‰, в 1911 г. – 23,7 ‰[57].

Необходимо отметить весьма большие различия показателей смертности младенцев по отдельным губерниям. Данные приведены за два периода – 1896–1897 гг. и 1908–1910 гг. (прил. 22). В это время детская смертность все еще учитывалась не полностью, причем этот недоучет был по некоторым губерниям значительным. В 1896–1897 гг. детская и младенческая смертность была наиболее высокой в Московской и Нижегородской губерниях. К 1908–1910 гг. коэффициенты детской смертности понизились преимущественно в ряде губерний с особо высокой детской смертностью (Московской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Петербургской, Казанской) и повысились в Курской и некоторых других губерниях. В большинстве же губерний изменения коэффициентов смертности младенцев к 1908–1910 гг. были сравнительно небольшими.

По уровню смертности младенцев в 1908–1910 гг. губернии Центральной России можно распределить по следующим трем группам: I группа с показателем смертности от 22 до 26 ‰ – 2 губернии – Астраханская и Казанская, расположенные на юго-востоке региона; II группа, где смертность была от 26 до 30 ‰, – 13 губерний – Петербургская, Ярославская, Псковская, Новгородская, Московская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Тульская, Тамбовская, Саратовская, Самарская, расположенных преимущественно в центральной полосе, на северо-востоке и юго-

востоке; III группа, имевшая показатель смертности от 30 ‰ и выше, – 8 губерний – Калужская, Тверская, Пензенская, Владимирская, Симбирская, Костромская, Олонецкая, Нижегородская, расположенных преимущественно на севере и в центральной части региона. В этой группе Нижегородская и Олонецкая губернии имели показатель детской смертности св. 32 ‰.

В среднем по 23 губерниям Центральной России в 1896–1897 гг. умерло в возрасте до 5 лет 47,1 ‰ из родившихся детей. Чрезмерно высокие показатели детской смертности в это время были в следующих губерниях: в Нижегородской – 53,8 ‰, в Тульской – 52,4 ‰, в Пензенской – 51,8 ‰, в Московской и в Саратовской – по 51,6 ‰.

С 1896–1897 гг. по 1908–1910 гг. смертность детей в возрасте до 5 лет в среднем по Центральной России уменьшалась с 47,1 ‰ до 43 ‰. При этом, наряду с группами губерний, в которых показатель детской смертности понизился, имелась группа губерний, где изменения в показателе смертности были сравнительно незначительными, а также группа губерний, где детская смертность повысилась.

Итак, уровень младенческой смертности в Центральной России был крайне высоким. Всего на возрастную группу от 0 до 1 года приходилось более 1/3 всех смертных случаев, а на детский возраст от 0 до 5 лет – до 60 %.

Проблему столь высокой детской смертности начали поднимать еще в XIX в. В целом ее объясняли невежественным уходом за детьми, недостаточным питанием, низкой санитарной культурой и жилищными условиями, положением женщины в обществе. Особое внимание в ряде работ уделялось способу кормления младенца.

Во многих местностях существовал обычай не кормить грудью младенца до его крещения и с первых дней давать ему прикорм. Высокая детская смертность была в тех губерниях (великорусские Северо-Восточные, Восточные и Центрально-Земледельческие), где наблюдались крайняя эксплуатация женщины на полевых работах до последних дней беременности и чуть ли не сразу после родов, а также крайне раннее прикармливание младенцев, обычай оставлять их во время полевых работ дома без материнского молока и т.д. В городах работницы отрывались на большую часть дня от детей и не могли их правильно кормить, переводили на прикармливание и искусственное кормление[58].

Относительно низкий уровень смертности у мусульман, по мнению ученых, находился в зависимости от их религиозно-бытовой жизни и требований Корана о кормлении грудью своего ребенка в течение двух лет. Исследования, проведенные в 1920 гг., показали, что короткие интервалы между рождениями, высокий порядок рождения по очередности, ранний возраст матери повышали младенческую смертность[59]. Приведенные све-

дения о младенческой и детской смертности по возрасту, вероисповеданию и месту жительства в 1900–1904 гг. сгруппированы в прил. 23.

Начавшееся снижение смертности в различной степени затронуло отдельные возрастные группы. Если исходить из динамики коэффициентов младенческой смертности, повозрастного распределения умерших, то в основном она происходила за счет возрастов от 1 года до 15 лет. Младенческая смертность в Центральной России оставалась высокой вплоть до 1914 г. Ее доля в общем числе смертельных случаев в начале XX в. несколько повысилась. В годы катаклизмов она понижалась в связи со снижением уровня рождаемости, как в период русско-японской войны, или в связи с ростом смертности в других возрастных группах в годы голода и эпидемий[60].

Следует заметить, что и в странах Западной Европы на рубеже XIX–XX вв. снижение младенческой смертности было очень умеренным и происходило медленнее, чем снижение общей смертности. Прогресс стал заметным примерно с 1910-х гг.[61].

Подсчитанные данные о младенческой смертности в Петербурге в 1900–1914 гг. свидетельствуют о том, что смертность этой возрастной группы в столице продолжала оставаться высокой на протяжении этого периода. И хотя она несколько снизилась – с 27,4 ‰ до 24,8 ‰, в среднем за 15 лет умерло в младенческом возрасте 25,5 ‰. Уместно сравнить уровень младенческой смертности в Петербурге и Москве. Так, доля смертности младенцев в 1906–1910 гг. составила в Петербурге 28 % по отношению к числу родившихся, в Москве – 25,8 %; в 1911–1915 гг. соответственно – 26,8 и 23,8 %. В Саратове также наблюдалась огромная смертность младенцев. В среднем за пятилетие – с 1903 по 1907 гг. – коэффициент смертности составил 37 ‰ с колебаниями по отдельным годам от 35,4 ‰ до 39 ‰[62].

Одной из главных трудностей российской статистики являлась проблема исчисления погодовой динамики населения страны и ее отдельных районов. Наиболее достоверны сведения по Центральной России, хотя из-за недостатков учета миграции в 1900 гг. и здесь существовало несколько вариантов оценок численности населения.

Согласно расчетам Р.И. Сифман, за 17-летний промежуток времени – от переписи 1897 г. до начала 1914 г. – население Центральной России росло преимущественно за счет превышения рождаемости над смертностью в среднем за год на 2,4 млн.чел.[63]. Естественный прирост являлся, таким образом, решающим фактором в росте населения региона.

Общий показатель естественного прироста населения Центральной России в 1896–1913 гг. в среднем составил 14,7 ‰, что было несколько ниже показателя Европейской России – 16,8 ‰. Однако по отдельным районам колебания коэффициентов составили от 11,0 до 17,5 ‰. Наи-

меньшими показателями естественного прироста отличались Петербургская (в среднем 6,0 ‰), Олонецкая (11,5 ‰), Ярославская (9,9 ‰) губернии. Из губерний с наиболее высокими показателями естественного прироста следует назвать Тамбовскую (18,4 ‰), Воронежскую (19,7 ‰), Самарскую (19,1 ‰), Астраханскую (18,6 ‰) (прил. 24).

Коэффициенты естественного прироста по отдельным губерниям Центральной России свидетельствуют, что с 1896 по 1913 гг. диапазон их колебаний несколько сократился; уровень естественного прироста достиг своих наибольших значений вследствие снижения смертности. Начавшееся снижение рождаемости воспрепятствовало его дальнейшему росту. Коэффициенты естественного прироста в большинстве великорусских губерний региона были примерно одинаковыми. Число губерний с коэффициентом естественного прироста больше 15 ‰ увеличилось в 1896–1900 гг., а затем практически не изменялось до 1914 г.

Более подробного рассмотрения заслуживают показатели естественного движения населения Центральной России в годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне (1911–1913 гг.). В среднем по 23 губерниям региона рождаемость равнялась 44,2 ‰. Весьма значительные различия этого показателя определились по отдельным губерниям. Рождаемость составляла в Самарской губернии 55 ‰, в Астраханской – 54,1 ‰, в Симбирской – 49,5 ‰, в Воронежской – 48,8 ‰, в Пензенской – 48,7 ‰, в Ярославской – 36,4 ‰, в Петербургской – 29,3 ‰.

Смертность в Центральной России в среднем составляла 28,8 ‰. В Самарской губернии показатель смертности был 34,7 ‰, в Олонецкой – 33,8 ‰, в Астраханской – 33,2 ‰, в Ярославской, Рязанской и Петербургский губерниях – от 25,1 ‰ до 22,3 ‰.

Естественный прирост в среднем в Центральной России в 1911–1913 гг. равнялся 15,3 ‰ и весьма различался по отдельным губерниям. Например, этот прирост составил в Астраханской губернии 20,9 ‰, в Самарской – 20,3 ‰, в Воронежской – 20,1 ‰, в Олонецкой – 11,9 ‰, в Московской – 11,6 ‰, в Ярославской – 11,3 ‰, в Петербургской – 7 ‰.

Показатели естественного движения населения Центральной России по районам были следующими. Наиболее высокие показатели рождаемости были в Поволжском и Центрально-Земледельческом районах – соответственно 49,7 ‰ и 45,8 ‰. В Центрально-Промышленном районе показатели рождаемости оказались в целом близкими к среднему по Европейской России – 42 ‰ и 43,9 ‰. Пониженная рождаемость была в Северо-Западном районе – 39,1 ‰.

При среднем показателе смертности в Европейской России в 27,1 ‰ в Поволжье он составил 32,1 ‰, в Центрально-Земледельческом районе – 28,1 ‰, в Центрально-Промышленном – 27,9 ‰, в Северо-Западном – 27,1 ‰. Выше среднего показателя естественного прироста населения в

Европейской России (16,8 ‰) был прирост в Центрально-Земледельческом районе – 17,7 ‰, в Поволжском – 17,6 ‰; ниже среднего в Центрально-Промышленном – 14,1 ‰ и в Северо-Западном районах – 12 ‰.

Наиболее резкие расхождения показателей естественного прироста населения в городах и сельских местностях Центральной России выявились по отдельным губерниям. В 22 губерниях естественный прирост в селах был выше, чем в городах; в одной губернии – Костромской – этот прирост оказался более высоким в городах, чем в селах.

Естественный прирост населения (15 ‰ и более) для сельского населения наблюдался в 13 губерниях, а для городского – лишь в одной. Невысокий прирост городского населения (менее 10 ‰) был в 15 губерниях, а сельского – в одной губернии (прил. 25).

Показательны данные о естественном движении населения Петербурга в 1896–1915 гг. В среднем за 20 лет показатели рождаемости и смертности несколько отличались: соответственно 29,5 ‰ и 24,6 ‰; естественный прирост был весьма незначительным – 4,9 ‰. В первое пятилетие наблюдался слабый прирост; в 1901–1905 гг. наступил перелом к лучшему, но все показатели естественного прироста в последующие пятилетия (1906–1915 гг.) оставались низкими – 4,2–4,6 ‰[64].

О естественном движении населения Костромы в 1896–1910 гг. имеются следующие данные: в 1896–1900 гг. рождаемость составила 37 ‰, смертность – 32,5 ‰, естественный прирост – 4,5 ‰; в 1901–1905 гг. соответственно – 41,3 ‰, 33,5 ‰, 7,8 ‰; в 1906–1910 гг. – 47,6 ‰, 41,4 ‰, 6,2 ‰; в среднем – 42 ‰, 35,8 ‰, 6,2 ‰[65]. Определившийся в этот период естественный прирост населения Костромы являлся невысоким.

Брачность в Центральной России в 1900 гг. в основном находилась на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости. Основные показатели в 1897–1911 гг. характеризуют брачность населения региона. Так, в 1897 г. она составила 9,1 ‰, в 1898 г. – 8,7 ‰, в 1899 г. – 9,3 ‰, в 1900 г. – 8,9 ‰, в 1901 г. – 8,6 ‰, в 1902 г. – 8,6 ‰, в 1903 г. – 8,9 ‰, в 1904 г. – 7,6 ‰, в 1905 г. – 7,6 ‰, в 1906 г. – 9,6 ‰, в 1907 г. – 9 ‰, в 1908 г. – 8 ‰, в 1909 г. – 8 ‰, в 1910 г. – 8,4 ‰, в 1911 г. – 8 ‰. По этим данным вполне определенно можно проследить некоторое снижение показателей брачности примерно на 20 %. Так, в среднем по 23 губерниям Центральной России в 1897–1911 гг. брачность составила 8,6 ‰.

Из отдельных годов со сравнительно повышенными показателями брачности были 1897, 1899, 1900, 1903, 1906, 1907 гг. Пониженная брачность отмечалась в 1904, 1905, 1908, 1909, 1911 гг., что связано с происходившими тогда военными действиями и социально-экономическими кризисами.

Приведенные подсчеты показателей брачности населения Центральной России по пятилетиям в 1896–1911 гг. также свидетельствуют о снижении брачности: 1896–1900 гг. – 9 ‰, 1901–1905 гг. – 8,3 ‰, 1906–1910 гг. – 8,6 ‰, 1911 г. – 8 ‰, в среднем 8,5 ‰[66].

Данные за 1898–1910 гг. также не показывают каких-либо значительных сдвигов в распределении вступивших в брак по возрастным группам (прил. 26). Таким образом, показатели 1898 и 1910 гг. практически не изменились. Они свидетельствуют о том, что резко преобладающая масса невест приходилась на возрастные группы до 25 лет (85–86 %), причем по отдельным годам колебания этого показателя были небольшими.

Кроме того, распределение по возрастным группам вступивших в брак в 1910 г. раздельно для различного вида населенных пунктов – губернских городов, прочих городов и сельских местностей – показывает, что браки в более ранних возрастах особенно были распространены в селах. В возрасте 20 лет и моложе невест оказалось в губернских городах 35,5 %, в прочих городах – 43 % и в сельских местностях – 56,7 % от общего числа невест. Мужчины вступали в брак в городах в более старших возрастах. Так, в возрасте 26 лет и выше их оказалось в селах 30,7 %, в прочих городах – 45,5 % и в губернских городах – 52,1 % от общего числа женихов[67].

Следует отметить, что по возрасту вступления в брак население Центральной России в 1900-х гг. резко отличалось от населения многих других стран высокими показателями ранних браков. Удельный вес вступивших в брак в 1906–1910 гг. в возрасте моложе 21 года в целом по региону составил для мужчин 30,2 %, для женщин – 54 %; в Англии соответственно – 4 % и 13,9 %; в Германии – 0,6 % и 16,4%; в Бельгии – 5,3 % и 20,5 %; в Голландии – 3,6 % и 13,3 %; в Сербии – 17,6 % и 56 %[68]. Как видим, повышенные показатели ранних браков были в Центральной России и в Сербии.

Следующие подсчеты показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого «постарения» брачности у женщин Центральной России в 1898–1910 гг. Невесты в возрасте 20 лет и моложе в 1898 г. составляли 54,7 %, в 1910 г. – 56,4 %; в возрасте 21–25 лет – соответственно 31,7 % и 28,9 %; в возрасте 26–30 лет – 7,1 % и 7,1 %; в возрасте 30 лет и старше – 6,5 % и 7,6 %. В целом эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения Центральной России в этот период жило в условиях традиционной брачности: 80–85 % браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля была более высокой[69].

Итак, более половины всех невест приходилось на возраст до 20 лет. Это говорит о том, что в ту пору девушки чаще всего вступали в брак в 18–20-летнем возрасте. При этом следует учесть, что в приведенные подсчеты входят и повторные браки. Если их исключить, то удельный вес младших

возрастных групп будет еще более значительным. В некоторых губерниях, даже включая повторные браки, св. 3/4 всех невест были моложе 21 года. Именно возраст вступления в брак в ту пору в значительной степени определял уровень рождаемости, о чем говорилось выше.

Поскольку особенности брачности в Центральной России в 1900-х гг., ее социально-экономические, демографические и другие факторы достаточно подробно изучались в ряде исследований, рассмотрим географическую дифференциацию брачности и ее динамику с точки зрения влияния на дифференциацию и динамику рождаемости. Как было отмечено выше, уровень брачности городского населения был ниже, чем сельского, и подчинялся несколько иным закономерностям. Географическая неоднородность брачного поведения выражалась в увеличении уровня брачности для городского населения с северо-запада региона на юго-восток, а для сельского населения – с севера на юг.

Статистические данные хорошо иллюстрируют роль брачности в территориальной дифференциации рождаемости в Центральной России. Так, коэффициент корреляции между индексом общей рождаемости и индексом брачности А. Коула для всего населения (на начало XX в.) 23 губерний равен 0,928 для городского и сельского населения соответственно – 0,865 и 0,919. Б.Ц. Урланис, исследуя зависимость между долей женщин, вступивших в брак в возрасте 20 лет и моложе, и уровнем рождаемости в тех же губерниях, получил коэффициент корреляции 0,69[70].

Среди факторов территориальной дифференциации брачности следует выделить исторические, национально-этнические и религиозные особенности, различия в степени модернизации отдельных районов Центральной России (прил. 27). Как видим, среди представителей разных конфессий высокая и ранняя брачность наблюдалась у православных; кроме того, женщины всех конфессий вступали в брак, как правило, раньше мужчин.

Прослеживалась наиболее сильная связь показателей уровня брачности с показателями грамотности. Была выявлена также тесная статистическая зависимость между численностью жителей сельских поселений и индексом брачности А. Коула, коэффициент корреляции между ними составил 0,802[71].

Изучение динамики брачности в Центральной России затрудняется тем, что нет сплошных данных о брачном состоянии населения региона по возрасту за длительное время. Только для ряда местностей можно представить динамику среднего возраста вступления в первый брак. В городах региона, особенно в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, повышение среднего возраста вступления в первый брак было существенным и в значительной мере отразилось на рождаемости. В других городах, и особенно в сельских местностях, изменения происходили медленнее.

Ряд данных 1900-х гг. о брачности сельского населения Гиблицкой волости Рязанской губернии показывает, что в целом тенденция среднего возраста вступления в первый брак в волости совпадала с тенденцией в Центральной России. Однако ранняя брачность по-прежнему преобладала на большей территории региона. Данные по Гиблицкой волости и динамика общего коэффициента брачности для православного населения региона показывают, что в 1900-х гг. уровень брачности несколько повысился, особенности общинного землеустройства и переделы земли, которые развернулись в деревне в ходе столыпинской аграрной реформы, стимулировали раннее заключение брака с тем, чтобы получить землю. Рост уровня брачности вызвал также увеличение доли таких браков, в которых жених был старше невесты[72].

В столице империи Петербурге возраст брачности, как показали результаты подсчетов, был относительно высок на рубеже XIX–XX вв. и с тех пор фактически не изменился до 1910 г. Так, в 1890 г. этот показатель для мужчин равнялся 26,8 годам, для женщин – 24,8, для обоих полов – 25,8; в 1900 г. соответственно – 26,7, 24,6, 25,7; в 1910 г. – 26, 24,1, 25,1; в 1910 г. (с пригородами) – 25,6, 23,8, 24,7[73].

Общий коэффициент брачности, рассчитанный для 23 губерний Центральной России, показывает, что уровень брачности медленно понижался с рубежа столетий к 1911 г. от 9–10 ‰ до 8 ‰, причем в городах это явление было более заметным, чем в селах. Понижение уровня брачности происходило за счет некоторого сокращения доли ранних браков (20 лет и ниже) при ее незначительном увеличении в следующей возрастной группе (21–25 лет). Однако, как указывалось ранее, подобные изменения почти не отражались на уровне рождаемости. Более заметным сокращение доли ранних браков было в городах, а также в Северо-Западных и Центрально-Промышленных губерниях Центральной России.

Тем не менее, изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выражалось в постепенном увеличении числа разводов. Хотя высшие церковные власти обычно препятствовали разводам, но случалось, что приходской священник (это было крайне редко) своею властью расторгал браки. Поэтому разводы, особенно в деревнях, вплоть до 1914 г. были большой редкостью. В 1912 г. число разводов среди православного населения составило всего 3,5 тыс., в 1913 г. – 3,8 тыс., причем львиная доля разводов приходилась на города[74]. Но в большей степени об этом свидетельствует принятый по настоянию общественности в марте 1914 г. Закон о раздельном проживании супругов[75].

Таким образом, в 1900-х гг. в Центральной России наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения про-

исходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в стране в конце XIX – начале XX в. были слишком слабы, чтобы воздействовать на брачность, так как они требовали определенного времени.

2.3. Миграционные процессы

В 1900–1913 гг. миграционные процессы в Центральной России проходили раннюю стадию миграционного перехода. Традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались в объеме, появились новые направления их потоков. Новая форма миграции (переселение в города) стала набирать темп с конца XIX в. Указанные миграционные процессы весьма противоречиво взаимодействовали с другими демографическими процессами.

Крестьянская колонизация в Центральной России имеет объемную историографию. Широко известно утверждение В.О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется». Не будем останавливаться на причинах крестьянских переселений, поскольку они подробно рассмотрены в специальной литературе[76].

География переселений из районов и губерний Центральной России показана в прил. 28–29. Как видно, наиболее активным было население Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В конце XIX в., особенно после строительства Транссибирской железной дороги, Зауралье становится основным направлением переселенческого движения, чему содействовала также политика правительства (особенно столыпинская реформа).

По данным статистики, в 1896–1912 гг. за Урал проследовало в прямом направлении 1571,6 тыс. семейных переселенцев. Наиболее значительными миграциями в Сибирь отличались некоторые губернии Центральной России, семь из которых направили в этот регион империи в 1895–1914 гг. до 1319,2 тыс.чел. Это были Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Самарская, Пензенская и Саратовская губернии. Значительная часть населения была занята отхожими промыслами внутри Центральной России. Наиболее активными в миграционном отношении по-прежнему были Центрально-Земледельческие губернии. В этих губерниях наблюдался наибольший естественный прирост населения, и аграрный кризис был наиболее сильным. В результате миграции численность населения заселявшихся районов увеличивалась более быстрыми темпами, чем в Центральной России. Если численность населения в Сибири к 1913 г. возросла более чем в 3 раза, то в Центральной России – в 2 раза[77].

По мере развития промышленности и аграрного кризиса увеличивалось число мигрантов в города и распространялось отходничество крестьян на

заработки. Учет миграции в города не был налажен удовлетворительно. Об этом можно судить по динамике общей численности городского населения или по данным городских переписей. Рост городского населения становится заметным с конца XIX в. В 1897–1914 гг. оно возросло многократно и большей частью за счет миграционной составляющей. Однако доля городского населения в общей численности населения Центральной России к 1914 г. увеличилась всего лишь с 13 до 17 %[78].

Отходничество крестьян на заработки, уходившее корнями в XV–XVI вв., было распространено в XIX в. в неземледельческих губерниях Севера и Центра Европейской России, а также в Поволжье до широкого использования на Волге паровых судов (бурлачество). Немецкий ученый А. Гакстгаузен, путешествовавший по России в середине XIX в., был поражен распространением крестьянских промыслов в этих губерниях.

Анализ статистических данных о числе отходников, проведенный по результатам паспортной статистики, свидетельствует о том, что в целом наблюдалась обратная переселению за Урал картина распределения губерний по интенсивности отхода крестьян. Ежегодная численность отходников возрастала в 1900-х гг. примерно в 1,2–1,3 раза. В 1906–1910 гг. было выдано св. 14,5 млн годовых паспортов[79].

В целом в Центральной России существовала районная дифференциация миграционных потоков. Земледельческие губернии с высоким уровнем рождаемости были связаны с заселявшимися районами Сибири, Северного Кавказа и т.д.; отходничество было распространено в промышленных губерниях центра. Внутренняя миграция играла заметную роль в изменении численности регионов заселения, а также городов, особенно столичных. В Петербурге и Москве в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами. Но вклад миграции в воспроизводство населения России был большим за счет ее противоречивого взаимодействия с другими демографическим процессами.

С одной стороны, миграция понижала уровень рождаемости и брачности за счет разлуки супругов, нарушений возрастно-половой структуры населения, изменения репродуктивных установок людей вследствие их перехода в более модернизированную среду (города) и др. Особенно ярко проявлялась роль миграции в воспроизводстве в годы экономических и других социальных кризисов. В условиях ограниченного использования методов внутрисемейного регулирования деторождения, миграция, разлучавшая супругов (а не снижение уровня брачности, как иногда ошибочно полагают), являлась главной причиной падения рождаемости. Кроме того, мигранты содействовали распространению эпидемий. С другой стороны, миграционные процессы могут способствовать сохранению высокого уровня рождаемости в традиционном обществе и замедлять начало демографического перехода.

Аналогичную сдерживающую роль играла миграция по отношению к другим демографическим процессам. Миграцию можно рассматривать, наряду с контрацепцией, абортами, стерилизацией, инфантицидом, отложенными браками и целибатом, как демографическую реакцию на падение уровня благосостояния. Это падение в Центральной России было вызвано ростом населения из-за резкого снижения смертности в ходе модернизации. Из этих реакций люди в традиционном аграрном обществе выбирают те, которые наиболее доступны и способствуют сохранению их прежнего уклада жизни. Таковой является миграция при наличии свободных земель. Если миграция затруднена, то люди предпочитают откладывать браки для поддержания своего экономического благополучия.

Кроме того, в 1900-х гг. в сельском населении различались две установки в поведении и, соответственно, два типа миграции. Первая – «новаторская» – характеризовалась желанием человека ехать в незнакомые, совершенно отличные от прежних индустриальные районы. Вторая – «традиционная» – характеризовалась тем, что человек не хотел менять свой прежний сельский уклад жизни, нелегко принимал новое. Аграрное перенаселение заставляло его отправляться туда, где были свободные земли. Поэтому в регионах заселения уровень рождаемости был не ниже, чем на родине переселенцев.

Нарастание революционного кризиса в России в начале XX в. вынудило правительство Николая II полностью отказаться от традиционной политики ограничения переселений. Право на них теперь получали все желающие, независимо от их имущественного положения. Правительство сознательно поощряло переселения на окраины безземельных и малоземельных крестьян. Таким путем правящие круги стремились ослабить социальную напряженность в центральных малоземельных губерниях и расширить базу для хуторского и отрубного землевладения. Поскольку безземельные неимущие крестьяне не имели необходимых средств для переселения в отдаленные окраинные районы империи, им предоставлялся ряд существенных льгот и привилегий.

Новый курс переселенческой политики был окончательно оформлен Законом от 6 июня 1904 г.[80]. Он освобождал новоселов от круговой поруки, расширял и увеличивал льготы и пособия переселенцам (путевые пособия, врачебно-продовольственная помощь, пониженный переселенческий тариф за проезд по железной дороге, ссуды на обзаведение хозяйством, равные 100 руб., а в Приморье – 150 руб. и т.д.).

Русско-японская война вынудила правительство приостановить переселения, однако уже в 1906 г. они были возобновлены. Однако много переселенцев возвращалось обратно (в 1910 г. обратные переселенцы в Центральную Россию составили 36 %, а в 1911 г. – 60 % всех мигрантов)[81].

С конца XIX в. в большинстве губерний Центральной России местные губернские статистические комитеты наладили учет движения населения, включая и миграционные процессы.

В отчетах губернаторов и ежегодных печатных обзорах губерний появлялись регулярные сведения о переселениях на окраины и в крупнейшие города империи. Однако и теперь, если крестьянское миграционное движение на окраины регистрировалось более или менее полно (главным образом в местах вселения), то приток жителей в города страны и вообще неземледельческие миграции фиксировались недостаточно качественно. Возможная неточность подсчетов и приведенных данных объяснялась несовершенством российской статистики того времени, а также тем обстоятельством, что уходившие на заработки в города, а отчасти и переселявшиеся на окраины, регистрировались дважды – по месту прежнего и нового жительства.

Можно частично учесть приток населения в города. С 1897 по 1914 гг. механический прирост в Петербурге достиг 1050 тыс. чел., в Москве – 833,4 тыс.чел. Предстоит большая работа по учету темпов миграционного движения в города. Однако этот «отлив» в местах убытия в официальных источниках почти не фиксировался. Так, например, механический «отлив» из Новгородской губернии составил в 1896–1914 гг. 3,6 тыс. чел., в Тверской зарегистрирован «прилив» в 1,8 тыс. чел., в Ярославской – отток в 4 тыс. чел. и т.д. В то же время перепись 1900 г. зарегистрировала в Петербурге 116,4 тыс. чел. уроженцев Тверской, 83,5 тыс.чел. – Ярославской, 50,8 тыс.чел. – Новгородской губерний и т.д.[82].

Процессы формирования населения Петербурга свидетельствуют о том, что в 1910 г. в столицу мигрировали 774,2 тыс. крестьян из 11 губерний Центральной России, или 71,9 % всех жителей столицы. Кроме того, на первые пять губерний (Тверская, Ярославская, Новгородская, Петербургская, Псковская) приходилось 55,9 % от общей численности рассматриваемой группы жителей Петербурга. В указанный период в составе крестьян, жителей столицы, был невысок удельный вес выходцев из губерний с более развитой промышленностью (Петербургская, Московская, Костромская)[83].

Материалы переписей 1900 и 1910 гг. выявили распределение всего петербургского населения по месту рождения. Так, в 1900 г. родившиеся в Петербурге составили 455,9 тыс. чел., родившиеся вне столицы, прибывшие сюда мигранты составили 983,7 тыс. чел., всего 1439,6 тыс. чел.; доля родившихся в Петербурге к общей численности населения достигла в это время всего 31,7 %. К 1910 г. общая численность населения столицы увеличилась в 1,3 раза, в том числе на 1/3 возросла численность уроженцев столицы и мигрантов. Однако мигранты по-прежнему доминировали в абсолютных и относительных показателях. Родившиеся в Петербурге

составили 610,2 тыс.чел., родившиеся вне Петербурга – 1295,4 тыс.чел., уроженцы столицы при этом составляли менее 1/3 населения (32 %).

В 1910 г. среди отдельных сословий петербургского населения родившиеся в Петербурге и мигранты были представлены следующим образом. Среди почетных граждан, купцов и мещан Петербурга местные уроженцы составляли более половины (51–54 %). Среди основной массы петербургского населения – крестьян – мигранты составляли большинство – 75,3 %. Сословия дворян и духовенства были представлены в большинстве лицами, мигрировавшими в столицу, – соответственно 59,1 % и 67,4 %. В целом же мигрантов среди столичного населения в это время было ок. 70%[84].

Показатели (прил. 30) позволяют выявить, каков был общий удельный вес группы постоянных жителей Петербурга в 1910 г. Группа родившихся в столице и поселившихся в ней до 1900 г. составила 55,5 %. Если распределить так же пропорционально и последнюю группу («неизвестно когда»), то общий удельный вес численности постоянных жителей Петербурга можно определить примерно в 60 %. Однако абсолютное и относительное большинство мигрантов, поселившихся в столице в разные годы, составило 1295,4 тыс. чел., или 68 %, причем более половины из них мигрировали в столицу за 10 лет до переписи 1910 г.

В работе, опубликованной Московской городской Думой, приведены данные о том, как распределялся в течение 15 лет (с 1897 по 1911 гг.) среднегодовой прирост населения Москвы по факторам влияния. Подсчеты данных по пятилетиям свидетельствуют о том, что хотя естественный прирост населения постепенно увеличивался, но все же миграция во «вторую» столицу намного превосходила его: в 1897–1901 гг. – в 4,2 раза, в 1902–1906 гг. – в 2,8 раза, в 1907–1911 гг. – в 3 раза[85].

Статистические источники и подсчеты показывают, что с конца XIX в. до начала Первой мировой войны из Центральной России на окраины выбыло св. 5 млн чел. Переселения, довольно значительные в 1914 г. (выбыло 336,4 тыс. чел.), резко сократились в 1915 г. (выехало 28,2 тыс. чел.) и почти сошли на нет в 1916 г. (11,2 тыс. чел.).

В 1915 г. специальным циркуляром Главного управляющего землеустройством и земледелием переселения на окраины были приостановлены до окончания военных действий[86]. Выселяться продолжали только лица, получившие разрешение на это до ввода в силу указанного циркуляра. В результате подавляющая часть мигрантов выбыла на окраины в 1897–1914 гг. В эти годы полным ходом продолжалось освоение и заселение земель в Европейской России и на Кавказе, хотя в Азиатскую часть страны устремлялось св. 3/4 (76,1 %) всех мигрантов Центральной России. На Кавказе тогда поселилось 18 % всех переселенцев, а на Украине – 6 %.

Основная масса переселенцев разместилась в Сибири и на Дальнем Востоке – 2549,9 тыс. чел. Они в основном расселялись в Западной Сибири (1726,2 тыс. чел.), что составило треть всех выбывших на окраины страны. В Томской губернии осталось 1470,1 тыс. чел. (28,1 %), а в Тобольской – только 256,1 тыс., или 4,9 %. За Западной Сибирью следовали Восточная Сибирь (456,5 тыс. чел., или 8,7 % всех лиц, переселившихся на окраины) и Дальний Восток (367,2 тыс., или 7 %). В Восточной Сибири основная часть переселенцев поселилась в Енисейской губернии (321 тыс., или 6,1 %), а на Дальнем Востоке – в Приморской области (225 тыс., или 4,3 %)[87].

Далее по числу переселенцев из Центральных губерний следовали Казахстан и Средняя Азия (1428,9 тыс. чел., или 27,3 % от общего числа всех мигрантов). Заселялся в первую очередь Казахстан (1301,5 тыс. чел.), а в Средний Азию прибыло только 127,4 тыс.чел. обоего пола. В самом Казахстане подавляющая часть новоселов разместилась в Акмолинской области (731,2 тыс. чел.).

На Кавказ переселилось 938,1 тыс. чел. обоего пола. Характерно, что в 1900-х гг. немалая часть мигрантов направилась в Закавказье (Бакинская губерния и Карсская область), на Северном Кавказе разместилось 507,1 тыс. чел., а в Закавказье – 431 тыс.чел. В Закавказье большая часть новоселов осела в Бакинской губернии (281 тыс. чел., или 5,4 %), в Карсской области (57,7 тыс., или 1,1 %) и в Черноморском округе (86,2 тыс., или 1,6 %). На Северном Кавказе новоселы осваивали в первую очередь Кубанскую область (219,5 тыс., или 4,2 %) и Ставропольскую губернию (53,1 тыс., или 1,1 %)[88].

Если в Азиатскую Россию переселялось преимущественно земледельческое население с получением на новых местах узаконенных земельных наделов, то в Закавказье шли главным образом переселенцы, которые не получали здесь земли. Немало мигрантов из Центральных губерний устремлялось также в города Закавказья и на нефтеразработки Бакинской губернии.

Украина и Северный Кавказ занимали особое положение. С одной стороны, Область Войска Донского и в 1900-х гг. продолжала привлекать земледельческое население (приток равнялся 240,4 тыс. чел., или 4,6 %). В Екатеринославскую губернию по-прежнему прибывали крестьяне преимущественно Центрально-Земледельческого района для работы на шахтах и промышленных предприятиях Донбасса. В Херсонской губернии много жителей оседало в быстрорастущих торговых городах, среди которых на первом месте находилась Одесса. С другой стороны, с Украины выселялись сельские жители на окраины страны.

В Центральных районах России усилился приток мигрантов в города (особенно в обе столицы).

Подавляющая часть внутриимперских переселенцев из районов и губерний Центральной России прибыла в следующие губернии: Томскую (1470,1 тыс. чел.), Петербургскую (1104,7 тыс. чел.), Московскую (787,3 тыс. чел.), Акмолинскую (731,5 тыс. чел.), Енисейскую (321 тыс. чел.), Бакинскую (281 тыс. чел.), Тобольскую (256,1 тыс. чел.), Область Войска Донского (240,4 тыс. чел.), Приморскую (225 тыс.), Кубанскую (219,5 тыс. чел.)[89].

Как уже отмечалось, сведения о губерниях по выходу переселенцев неполны, так как здесь учтены не все мигранты (зарегистрировано лишь 3,5 млн чел., или 68 % от общего числа), однако районы и губернии оттока по ним определить можно. На первом месте находился Центрально-Земледельческий район (720,5 тыс. переселенцев), затем следует Среднее Поволжье (200,6 тыс. чел.). Это были традиционные районы массового выселения.

Роль губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в заселении окраин оставалась небольшой. Самое значительное число внутрироссийских переселенцев дали Орловская (207,4 тыс. чел.), Воронежская (173,1 тыс. чел.), Тамбовская (138 тыс. чел.), Курская (133,1 тыс. чел.) и Самарская (122,7 тыс. чел.) губернии[90].

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. По подсчетам российских исследователей, в Европейской России в 1900-х гг. оно составило 23 млн чел. (10–12 млн чел. – по другим данным), а к началу 1914 г. – поднялось до 32 млн чел. (55,9 % трудоспособного населения российской деревни)[91].

Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Центральной России. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья. Участие уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.

2.4. Занятость населения по отраслям экономики

С конца XIX в. до 1913 г. городское население Центральной России увеличилось более чем вдвое. За эти годы, помимо количественного прироста городского населения, произошли существенные сдвиги в социально-профессиональном составе городского населения в результате дальнейшего развития России по пути предпринимательства и рыночных отношений.

После 1897 г. городских переписей было сравнительно немного (причем не все эти переписи были разработаны и опубликованы); сопоставимых переписей за рассматриваемые годы исключительно мало, и отно-

сились они преимущественно к крупным промышленным центрам (Петербург, Москва и др.).

Обратимся к более подробному рассмотрению основных показателей распределения самодеятельного населения Петербурга в 1910 г. по группам занятий и социальному положению. Укажем прежде всего на то, что самодеятельное промысловое население столицы (с пригородами) равнялось 665 тыс. чел. и составляло 56 % всего самодеятельного населения. Число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, торговле, транспорте и в трактирной деятельности, составляло 504 тыс. чел., или 42,5 % общей численности самодеятельного населения. Если к общему числу рабочих прибавить служащих промысловых занятий, многочисленную группу прислуги, а также безработных, то все указанные группы составят 2/3 общей численности самодеятельного населения Петербурга. Упомянем также, что число хозяев с наемными рабочими равнялось 3,7 % и хозяев-одиночек – 6,5 % самодеятельного населения.

Особого внимания заслуживают материалы, относящиеся к промысловому населению (промышленному и торговому). О распределении по социальным группам самодеятельного населения Петербурга в группах промысловых занятий в 1910 г. свидетельствуют следующие результаты подсчетов. Общая численность самодеятельного населения обоего пола составляла 665 тыс. чел., в том числе мужчин – 511,2 тыс., женщин – 153,8 тыс., или 100 %. Сюда включены хозяева: обоего пола – 44,3 тыс. чел., мужчин – 31,8 тыс., женщин – 12,5 тыс., или удельный вес обоего пола – 7,2 %, мужчин – 6,2 %, женщин – 8,1 %; администрация: соответственно – 40,6 тыс. чел., 32,5 тыс., 8,1 тыс., 5,9 %, 6,4 %, 5,3 %; рабочие: соответственно – 504 тыс. чел., 401,8 тыс., 102,2 тыс., 72,5 %, 78,6 %, 66,5 %; одиночки: соответственно – 76,1 тыс. чел., 45,1 тыс., 31 тыс., 14,4 %, 8,8 %, 20,1 %[92].

Следовательно, в составе занятых в промышленности и торговле в 1910 г. 665 тыс. чел. самодеятельного населения было рабочих – 72,5 %, одиночек – 14,4 %, администрации – 5,9 % и хозяев – 7,2 %.

Общая динамика числа рабочих в Петербурге по материалам двух переписей населения столицы в 1900–1910 гг. видна из приводимых данных. В 1900 г. общая численность рабочих, занятых во всех отраслях, равнялась 442,3 тыс. чел. К 1910 г. она поднялась до 504 тыс. чел., увеличившись на 13,9 %. В этом числе рабочих в добывающей и обрабатывающей промышленности соответственно по годам было 325,1 тыс. чел. и 350,2 тыс.; прирост с 1900 по 1910 гг. составил 7,7 %. В торговле и страховании соответственно – 54,6 тыс., 77 тыс., 41 %; в извозном промысле – 43,8 тыс., 51,6 тыс., 17,8 %; в трактирной торговле – 18,8 тыс., 25,2 тыс., 34 %.

Число рабочих в Петербурге возросло с 442,3 тыс. чел. в 1900 г. до 504 тыс. в 1910 г. В 1900–1910 гг. наблюдался рост числа рабочих

в фабрично-заводской промышленности за счет мелкой промышленности. Аналогичные процессы происходили и в других отраслях.

Из общего прироста абсолютной численности рабочих Петербурга за 10 лет в 61,7 тыс. чел. на долю обрабатывающей и добывающей промышленности приходилось 25,1 тыс.чел. Удельный вес отдельных сводных групп рабочих в общей численности рабочего населения Петербурга в 1910 г. был следующим: добывающая и обрабатывающая промышленность – 69,4 %, торговля и страхование – 15,4 %, извозный промысел – 10,2 %, трактирная торговля – 5 %.

Динамика числа рабочих Петербурга по полу и изменения удельного веса работниц в 1900–1910 гг. представлены следующими данными: в 1900 г. из 442,3 тыс. чел. мужчин было 368,6 тыс., женщин – 73,7 тыс., доля женщин среди рабочих – 16,7 %; в 1910 г. соотношения эти изменились так: 504 тыс., 401,8 тыс., 102,2 тыс., 20,3 %[93]. Увеличение доли женщин в 1910 г. объясняется расширением номенклатуры промышленности и инфраструктуры, в которых участие женщин было довольно высоким.

О распределении в 1910 г. всей массы рабочих Петербурга по сводным группам занятий и полу можно судить по следующим данным. В добывающей и обрабатывающей промышленности из 350,2 тыс. чел. мужчин было занято 261 тыс., женщин – 89,2 тыс., или 25,5 %, в торговле соответственно – 77 тыс., 70,8 тыс., 6,2 тыс., 8 %; в трактирной торговле – 25,2 тыс., 20,1 тыс., 5,1 тыс., 20,2 %; в транспорте – 51,6 тыс., 49,9 тыс., 1,7 тыс., 3,3 %[94].

В отдельных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности наблюдались резкие различия в занятости женщин. Более значительно женщины были представлены в текстильной промышленности (62,6 %), содержании в чистоте тела и одежды (58,5 %) и производстве одежды и обуви (47,8 %). Средними были показатели занятости женщин в производстве бумаги (30,7 %), в сельском хозяйстве, рыболовстве и охоте (28,7 %), в пищевой промышленности (28,6 %), в обработке кожи (26,1 %), в производстве жировых веществ (14,8 %), в химическом производстве (14,1 %), в полиграфическом производстве (13,9 %). Весьма низким был удельный вес работниц в машиностроении (3,3 %), в обработке дерева (2,1 %), обработке металла (1,4 %) и среди строительных рабочих (0,5 %).

По материалам двух переписей Петербурга в 1900–1910 гг. выявился сравнительно невысокий удельный вес несамодеятельного населения Петербурга. Приводимые данные даются без пригородов. Из 1248,1 тыс. чел. населения столицы в 1900 г. самодеятельного населения числилось 833,6 тыс., несамодеятельного – 414,5 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 49,7 несамодеятельных. В 1910 г. эти показатели равнялись соответственно 1637 тыс., 1045, 9 тыс., 591,1 тыс., 56,5 тыс.[94].

Следовательно, среди петербургского населения наблюдался некоторый рост числа несамодеятельных. В 1900 г. на 100 самодеятельных

приходилось 49,7 несамодеятельных, а в 1910 г. – 56,5, увеличившись на 6,8 чел.

В 1900-х гг. происходил значительный рост численности фабрично-заводских рабочих в Москве. Так, их число увеличилось с 121,4 тыс. чел. в 1906 г. до 159,3 тыс. чел. в 1913 г., или на 31,2 %. В результате этого удельный вес рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, в общей численности занятых в московской промышленности значительно повысился.

О распределении всего самодеятельного населения Москвы (с пригородами) раздельно по полу, по группам занятий и социальному положению в 1912 г. можно судить по следующим данным. Рабочие и ученики, занятые в различных отраслях хозяйства, составили 42,3 % всего самодеятельного населения. Если к этим группам рабочих присоединить еще служащих торгово-промышленных предприятий, прислугу и рабочих учреждений, домашнюю прислугу с 29,4 тыс. безработных, 12,4 тыс. лиц, занятых поденной работой, то указанные группы составят в общей сложности ок. 66 % самодеятельного населения Москвы.

Для характеристики распределения всей многочисленной массы московских рабочих в 1912 г. по отраслям хозяйства показательны следующие данные. Из 444,9 тыс. чел. (100 %) рабочие фабрик и заводов составляли 165,2 тыс., или 37,1 %; рабочие прочих видов промышленности – 126,8 тыс., или 28,5 %; рабочие транспорта, торговли и домовладений – 111,3 тыс. (25 %); ученики ремесленные и промысловые – 41,6 тыс. (9,4 %).[95]

Рабочих фабрик и заводов насчитывалось 165,2 тыс. чел., или 37,1 % всей массы московских рабочих. Хозяев, имевших наемных рабочих, было 4,2 %; лиц, живших доходом с земли и капитала, – 1,8 % всего самодеятельного населения. Хозяев-одиночек вместе с помогающими им членами семьи было 7,1 %. В трех группах рабочих мужчины составляли 46,5 % и женщины 23,2 %. В группе служащих торгово-промышленных предприятий мужчин было 11,9 % и женщин – 2,9 %.

Общая динамика численности рабочих Москвы (с пригородами) в 1902–1912 гг. представлена следующими данными. В 1902 г. число рабочих составило 374,7 тыс., прирост числа рабочих в процентах к предшествующей дате (1892 г.) – 51,3 %, число рабочих в процентах к числу рабочих 1892 г. – 151,3 %; в 1912 г. соответствующие показатели составили 444,9 тыс., 18,7 %, 179,6 %[96]. Численность рабочих в Москве возросла за рассматриваемое десятилетие на 28,3 %. Темп прироста рабочих в 1902–1912 гг. был достаточно высоким.

Увеличение численности женщин, занятых в промышленности, на транспорте, в торговле и домовладениях Москвы, в 1902–1912 гг. показывают следующие данные. В 1902 г. из 374,7 тыс.чел. мужчин было

302,6 тыс., женщин – 72,1 тыс., или 19,2 %; в 1912 г. соответственно – 444,9 тыс., 349,4 тыс., 96,2 тыс., 21,6 %.[97] Хотя за рассматриваемые годы число женщин среди рабочих увеличилось в 1,3 раза, однако их удельный вес в условиях общего высокого роста числа рабочих повысился сравнительно незначительно: с 19,2 до 21,6 % общей численности рабочих Москвы.

Распределение рабочих Москвы по основным отраслям и по полу, а также удельный вес женщин среди рабочих в 1912 г. были следующие. Из 444,9 тыс. чел. мужчины составляли 349,4 тыс., женщины – 96,2 тыс., или 21,6 %. В том числе рабочих фабрик и заводов насчитывалось 165,2 тыс.чел. обоего пола, включая 115,2 тыс. мужчин и 50 тыс. женщин, или 30,6 %; рабочие прочих видов промышленности соответственно – 126,8 тыс., 97,3 тыс., 29,5 тыс., 23,4 %; рабочие транспорта, домовладений и торговли – 111,3 тыс, 106,1 тыс., 5,2 тыс., 4,7 %; ученики ремесленные и торговые – 41,6 тыс., 30,8 тыс., 10,8 тыс., 26 %[98].

Как показывают приведенные данные, определились большие различия в применении женского труда по отдельным отраслям хозяйства. Относительно высокий удельный вес женщин оказался на фабриках и заводах – 30,6 % и незначительным в группе транспорта, домовладений и торговли – 4,7 %.

За десятилетие (1902–1912 гг.) темп роста численности несамодеятельного населения Москвы был более значительным, нежели самодеятельного. В 1902 г. из 1174,7 тыс. чел. самодеятельного населения насчитывалось 812,4 тыс., несамодеятельного – 362,3 тыс., на 100 самодеятельных приходилось несамодеятельных 44,6 чел.; в 1912 г. соответственно – 1616,4 тыс., 1051,3 тыс., 565,1 тыс., 53,8 чел.[99]. Удельный вес несамодеятельного населения в Москве, несмотря на его некоторый рост, продолжал оставаться сравнительно невысоким.

По материалам переписи Москвы 1912 г. были подсчитаны сплошные данные о распределении московского населения по социальному положению. Из всего населения в 1616,4 тыс. чел. самодеятельных было 1051,3 тыс., несамодеятельных – 565,1 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 53,8 несамодеятельных. В том числе хозяев с наемными рабочими насчитывалось 135,7 тыс., в том числе самодеятельных – 44,2 тыс., несамодеятельных – 91,5 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 207 несамодеятельных. Служащих торгово-промышленных предприятий было 159,9 тыс., из них самодеятельных – 67,5 тыс., несамодеятельных – 92,4 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 136,9 несамодеятельных. Хозяев-одиночек имелось 108,4 тыс., включая 49,3 тыс. самодеятельных и 59,1 тыс. несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 119,9 несамодеятельных. Среди прочих служащих непромысловых занятий и представителей либеральных профессий численностью в 99,1 тыс. самодеятельных насчи-

тывалось 57,7 тыс., несамодеятельных – 42,4 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 73,5 несамодеятельных. Рабочие транспорта, торговли и домовладений составляли 185,6 тыс., в том числе 111,3 тыс. самодеятельных, 74,3 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 66,8 несамодеятельных. Живших доходом с земли и капитала было 29 тыс., из них 19,2 тыс. – самодеятельных, 9,8 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 51 несамодеятельных. Численность рабочих фабрик и заводов составляла 242,8 тыс., включая 165,2 тыс. – самодеятельных и 77,6 тыс. – несамодеятельных, а на 100 самодеятельных приходилось 47 несамодеятельных. Жившие на пенсии и пособия составляли всего 59,1 тыс., в том числе 43,8 тыс. – самодеятельных и 15,3 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 34,9 несамодеятельных. Рабочих прочих видов промышленности насчитывалось 157,6 тыс., из них 126,8 тыс. – самодеятельных и 30,8 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 24,3 несамодеятельных. И, наконец, домашняя прислуга составляла 105,1 тыс., включая 99,1 тыс. – самодеятельных и 6 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 6,1 несамодеятельных[100].

Таким образом, в Москве в 1912 г. на 100 самодеятельных приходилось 53,8 несамодеятельных жителей. Наиболее высоким этот показатель оказался среди группы хозяев, имевших наемных рабочих (на 100 самодеятельных приходилось 207 несамодеятельных). В самой многочисленной группе рабочих на 100 самодеятельных приходилось только 45,3 несамодеятельных. Итак, в группе хозяев, имевших наемных рабочих, приходилось несамодеятельных в 4,6 раза больше, чем в группе рабочих.

Следует отметить также, что материалы переписей о социально-профессиональном составе населения ряда городов показали быстрое развитие промышленности и торговли в этих городах и увеличение удельного веса рабочего населения. Материалы переписей позволили также определить численность не только рабочих фабрично-заводской промышленности, но и рабочих мелкой промышленности, торговли, транспорта и др. По данным за 1910–1912 гг., численность рабочих Петербурга и Москвы составила 42–43 % всего самодеятельного населения этих городов. Гораздо более высоким был удельный вес рабочих среди самодеятельного торгово-промышленного населения. Так, по данным за 1910 г., он составил в Петербурге 76 %.

Многочисленными были в этих городах также группы низших служащих торгово-промышленных предприятий, прислуги и лиц, занятых поденной работой.

Вследствие значительного удельного веса рабочего населения во всем населении крупных городов процент самодеятельных хотя и несколько снизился в 1900 гг., все же продолжал оставаться достаточно высоким.

Теперь более подробно рассмотрим занятия населения районов Центральной России в 1900 гг. Сравним и сопоставим для этого районы и губернии региона, а также покажем факторы, влиявшие на распределение населения по занятиям.

Фабрики и заводы Северо-Западного района насчитывали более чем 105 тыс. чел. рабочих обоего пола и всех возрастов на самих предприятиях. Кроме того, работа раздавалась на дом почти 2 тыс. чел. Из приведенных данных видно, что фабрично-заводской промышленностью в большей степени было занято население Петербургской губернии, затем Новгородской и совсем незначительно – Псковской и Олонецкой губерний. Кроме того, следующие данные подтверждают тот факт, что женщины привлекались для работы на фабриках гораздо больше в местностях с наиболее развитой промышленностью. Так, в четырех губерниях района женщины-работницы составляли 29,5 тыс. чел., в том числе в Петербургской губернии – 27,6 тыс. чел., в Новгородской – 1,6 тыс. чел., в Псковской – 149 чел., в Олонецкой – 116 чел. Удельный вес женщин, занятых в промышленном производстве района, составил 16,8 %, в том числе в Петербургской – 29,4 %, в Новгородской – 18,3 %, в Псковской – 8,8 %, в Олонецкой – 10,5 %.

Распределение рабочих по отдельным группам производств, соотношение мужского и женского труда, а также труда взрослых, детей и подростков видно из следующих данных. Во-первых, наибольшее число рабочих было занято обработкой металлов и хлопчатобумажным производством – тем и другим более чем по 1/5 части всех рабочих – 20,4 тыс. чел. и 20,2 тыс. чел.; затем значительное количество рабочих состояли на фабриках и заводах, обрабатывавших питательные и минеральные вещества, а также на бумагоделательных фабриках и в полиграфических заведениях соответственно – 15,4 тыс. чел., 11,5 тыс. чел., 10,6 тыс. чел., или 54,5 %, 13,2 %, 18,4 %. Остальные же производства давали занятие менее чем 1/4 части рабочих.

Во-вторых, женский труд особенно часто применялся в производствах по обработке питательных веществ, в которых их участие было даже больше, чем мужчин – 8,4 тыс. чел.; наибольший перевес в рабочем составе женщин над мужчинами наблюдался на табачных, а также шоколадных фабриках; так, на петербургских фабриках этих категорий работало более 7 тыс. женщин, тогда как мужчин-рабочих не насчитывалось даже 1 тыс.; затем большая доля женщин была представлена в производствах по обработке волокнистых веществ и немного меньше – в химическом производстве, соответственно – 48 % и 43 %; в значительно меньшей степени женский труд применялся в бумагоделательном производстве, еще меньше – в производствах по обработке животных продуктов, минеральных веществ, а также в керамическом и полиграфическом и, наконец,

наименьшее участие женщин встречалось в производствах, обрабатывавших дерево и металл.

В-третьих, подростки принимали участие чаще всего в производствах по обработке волокнистых веществ (менее - в шерсте- и шелкоткацком), а также в бумагоделательном и полиграфическом – соответственно 4,6 %, 3,1 %, 9,4 %. Детский труд находил себе наибольшее применение в стекольной промышленности, особенно на новгородских заводах, а затем в портняжном и шляпном производствах, а также в типографской работе, в выделке коробок и пр.; в наименьшей же степени дети привлекались к производствам по обработке металлов, питательных веществ, шерсти и совсем не участвовали в шелкоткацком деле – соответственно 6,4 %, 4 %, 2,7 %, 2,3 %; 0,6 %, 0,5 %, 0,3 %, 0,1 %.

Наконец, в-четвертых, рабочие «вне заведения» имелись в производствах не всех групп: их не было на фабриках, обрабатывавших хлопок, лен, шерсть и шелк. Наибольшие показатели составляли рабочие «вне заведений» в химическом производстве (почти исключительно в производстве спичек и более всего в Новгородской губернии, бумагоделательном (гильзовом), обработке смешанных волокнистых веществ (тюлевом и менее – портняжном и вязальном) и некоторых других – соответственно 745 чел., 368 чел., 347 чел.[101].

Общее количество рабочих на фабриках и заводах Поволжья в 1897 г. составляло 52,9 тыс. чел., распределяясь весьма неравномерно по группам производств. Участие в производстве женщин, детей и подростков также было неравномерным. Общая численность женщин во всех группах промышленности района составляла 5,2 тыс. чел., или 10 %; больше их было в промышленности, по обработке льна, пеньки – 25,6 %, по обработке шерсти – 19,2 %, по обработке животных продуктов – 16,8 %; совсем незначительная доля женщин была в промышленности по обработке минеральных веществ, питательных продуктов, в хлопчатобумажном и деревообрабатывающем – соответственно 5,1 %, 3,3 %, 0,5 %, 0,3 %.

Занятость в промышленности района детей и подростков была также неравномерной. Из общей численности подростков в 2,8 тыс. чел., в том числе мужского пола – 2 тыс. чел., женского пола – 741 чел., более всего было занято в производстве шерсти, в обработке питательных веществ (почти все – мужского пола), в металлообработке (только мужского пола); менее всего – в химической промышленности, обработке животных продуктов, деревообработке (кроме женского пола). В хлопчатобумажной промышленности подростков не было. Численность детей составляла 861 чел., в том числе мужского пола – 616 чел., женского пола – 245 чел. Дети обоего пола, так же, как и подростки, не были заняты в промышленности по обработке хлопка; кроме того, дети женского пола не работали в деревообрабатывающей, металлообрабатывающей промышленности, в обра-

ботке животных продуктов, питательных веществ. Почти одинаковое количество детей мужского и женского пола работали в производстве по обработке шерсти – соответственно 243 и 204 чел., а в химическом производстве (с наименьшей занятостью детей) девочки преобладали над мальчиками – 12 и 2 чел.[102].

В фабрично-заводской промышленности Центральной России была занята лишь меньшая часть населения региона; значительно большая ее часть работала в сельском хозяйстве и других сферах, связанных с землей.

Промысловое огородничество вследствие близости столиц как обширных рынков сбыта, удобства сообщения и сравнительной плотности населения во всем рассматриваемом районе имело весьма большое развитие, сосредотачиваясь, впрочем, преимущественно в окрестностях городов как главных потребителей овощей.

Наибольшего развития огородный промысел достигал в Ярославской губернии, которая считалась колыбелью русского огородничества. Особенно широкой известностью пользовались здесь огородники Ростовского уезда, расходившиеся по многим губерниям России и даже за ее пределы, к примеру, в Германию; этот промысел здесь совершенно вытеснил земледелие, так что огородами была занята вся земля, кроме лугов и выгонов. Из 55 сел Ростовского уезда с сильно развитым огородничеством на первом месте стояли сс. Поречье и Угодичи. Огородное хозяйство в названном уезде велось почти исключительно женщинами.

В Петербурге насчитывалось 700–800 огородников-хозяев, арендовавших несколько тысяч десятин земли; особенно много огородов находилось по Нарвскому тракту Петергофского участка, а также на Выборгской стороне; о размерах этих огородов можно было судить по числу парниковых рам, которые у более крупных хозяев насчитывались тысячами. Владельцами огородов являлись почти исключительно ярославские крестьяне (из Ростовского уезда); работницы на огородах, известные под названием «капорок», были крестьянками Олонецкой, Новгородской и других губерний, нанимавшимися на лето.

Рыбные промыслы по размерам своих оборотов и по охвату местного и пришлого населения имели громадное значение в хозяйстве рассматриваемого района; поэтому весьма уместно остановиться на них несколько подробнее. Всю Каспийско-Волжскую рыболовную область можно разделить на 3 района: район Верхней Волги, от о. Селигер до Казани или до впадения Камы в Волгу; средний район – от устья Камы до Камышина, и нижний район – от Камышина до впадения Волги в море, то есть до северной части Каспийского моря. Рассмотрим два последних района.

От Казани до Самары и от Самары до Камышина рыболовство было еще сравнительно незначительным. Но более крупное промысловое значение волжское рыболовство приобретало в нижнем течении Волги. На

плесе от г. Царицына до г.Черного Яра рыболовство являлось уже главным промыслом населения, а хлебопашество и скотоводство – только подспорьем к нему; ниже Черного Яра, по мере приближения к г. Енотаевску, хлебопашество значительно уменьшалось, а близ Астрахани и ниже по взморью рыболовством занималось практически все взрослое население.

В административном отношении Каспийско-Волжское рыболовство было подчинено Астраханскому управлению рыбными и тюленьими промыслами во главе с Астраханским губернатором. Для удобства надзора все промысловое водное пространство (речное и морское) было разделено на участки с особыми надзирателями, смотрителями и целым штатом низших служащих, к обязанностям которых относилось наблюдение за правильностью производства промысла.

Одним из главных собственников нижневолжских рыболовных вод являлось государство (казна), воды которого, разделенные на 144 участка, сдавались в арендное пользование с торгов; остальные воды распределялись между различными собственниками, как отдельными лицами, так и различными учреждениями и обществами. Таковы были воды Астраханского казачьего войска, Главного управления Калмыцким народом, удельного ведомства (в Саратовской губернии), воды крестьянских и мещанских обществ, городские, Приказа общественного призрения, монастырей и частных лиц.

Всего насчитывалось ок. 80 мелких и 15 крупных частновладельческих и общественных участков. Самыми обширными из частных владений были воды фирмы бр. Сапожниковых (16,7 тыс.) и воды Синеморского имения Ф.И. Базилевского (29,1 тыс.).

Каспийско-Волжские промыслы привлекали сотни тысяч рабочих, занятых здесь в течение года или в определенные периоды лова, именовавшиеся «путинами». В весеннюю путину большинство рабочих нанималось с «распаления», то есть вскрытия реки. Наибольшее стечение рабочих было в период главного весеннего рыболовства, почти вдвое меньше их было в осеннюю путину и еще меньше во время «жаркого» и зимнего лова. По приблизительным подсчетам, весной было на всех промыслах до 100–120 тыс. чел. мужчин и женщин, как местных, так и пришлых рабочих, в том числе до 50 тыс. кочевников (киргизов и калмыков), не считая находившихся при женщинах детей, которых насчитывалось до 10 тыс. чел.[103].

Промысловая охота была развита главным образом в двух приморских уездах – Астраханском и Красноярском. Видное место занимала охота на водных птиц – уток, гусей, лебедей, цапель, морских фламинго, пеликанов, бакланов, чаек – для добычи шкурок, пуха и перьев; из полевой дичи здесь добывались в большом количестве серые куропатки, фазаны, дрофы, стрепеты и пр. Из зверей наибольшее значение имели лисицы, зайцы, сайгаки, несколько меньшее – кабаны, волки, хорьки, корсаки и суслики.

Кроме того, практиковался массовый сбор яиц водных птиц, носивший тоже промысловый характер, и скупка шкурок, голов, хвостиков и крыльев не только водных, но и полевых птиц, отличавшихся красивым оперением. Перо шло на модные украшения и вывозилось в значительном количестве за границу. Промысловых охотников в Астраханской губернии насчитывалось до 1,2 тыс. чел.[10]

Характерной особенностью Центральной России на рубеже XIX–XX вв. было наличие огромного числа ремесленников и кустарей в селах и городах, а также работников, занятых предпринимательством на дому.

Наиболее развитой отраслью мелкой промышленности по числу занятых лиц являлась текстильная. В ткацком и портняжном производствах были заняты ок. 40 % кустарей и ремесленников. Четвертая часть всех занятых в мелкой промышленности трудились в ремесленных и кустарных предприятиях по обработке дерева. Особенно широко в этой отрасли были представлены профессии экипажников, мебельщиков, ремесленников по изготовлению колес, бочек, плетению корзин и лаптей, изготовлению деревянной посуды и игрушек. Около 15 % кустарей и ремесленников были заняты изготовлением овчин, шуб и других различных кожаных изделий в кожевенном и обувном производствах.

Особенно много мелких заведений было в пищевкусовой промышленности: обработкой продуктов питания было занято св. 10 %, причем подавляющая их часть трудилась в мукомольном, крупяном и пекарном производствах. В металлической кустарной и ремесленной промышленности была занята десятая часть всех работников мелкой промышленности, особенно в заведениях слесарных, кузнечных и др. Мелкая промышленность играла ведущую роль в ряде производств региона: изготовлении обуви, одежды, предметов домашнего обихода, экипажей и различной металлической утвари (посуды, замков, ножей) и т.д.

К сожалению, статистика не дает точных и достаточно полных сведений по социальному слою кустарей и ремесленников. По сводным материалам земской статистики можно определить примерную численность этой категории населения Центральной России в конце XIX – начале XX в. Эти данные получены на основании сводки материалов местных обследований, в разное время проведенных в 23 губерниях Центральной России, и касаются 50 кустарных производств, сведенных в 7 основных групп. Это наиболее подробные данные о мелкой промышленности региона.

Расположив изученные 23 губернии по промысловым районам и картографировав полученные данные, получаем примерные контуры «промысловой территории» Центральной России. На северо-западе она ограничена Петербургской, Новгородской, Псковской и Олонецкой губерниями; на юго-западе – Калужской, Орловской, Курской и Воронежской

губерниями; на востоке – Костромской, Казанской, Самарской губерниями и на юго-востоке – Саратовской и Астраханской.

Наибольшая концентрация «промышленников» наблюдается в губерниях Центрально-Промышленного района – 547,6 тыс. чел.; к примыкающих к нему губерниях Центрально-Земледельческого района промысловая плотность в целом понижается до 340,5 тыс. чел.; в губерниях Поволжья, находящихся от предыдущего района к востоку и юго-востоку, численность кустарей и ремесленников понижается до 180,1 тыс. чел.; а в губерниях Северо-Западного (Озерного) района, находящегося на границе с Центрально-Промышленным, работников этих отраслей насчитывается 102,3 тыс. чел.

Распределение кустарей и ремесленников по отраслям производства, по районам и губерниям было также весьма неравномерным. Так, в Северо-Западном (Озерном) районе общее число их составляло 102,3 тыс. чел., из них более половины было занято в промыслах по обработке дерева – 53,1 тыс. чел., почти пятая часть в промыслах по обработке волокон – 18,2 тыс. чел., выделкой изделий из кожи занимались более десятой части – 12,2 тыс. чел. и почти 8 тыс.чел. составили группу занятых в разных промыслах, из которых 5,8 тыс. чел. приходилось на Петербургскую губернию. Металлообработкой в районе занимались 7,4 тыс. чел., обработкой минеральных веществ (глина, керамика, стекло) – 3,5 тыс. чел., а обработкой рога и кости – всего 13 чел. (исключительно в Олонецкой губернии).

В Центрально-Промышленном районе численность «промышленников» составляла 547,6 тыс. чел., из которых около половины было занято в обработке волокнистых веществ – 244,7 тыс. чел., четвертая часть в деревообработке – 134,5 тыс. чел., по 60 тыс. с лишним – в обработке кожи и металла, в обработке минералов – 11,4 тыс. чел., в разных производствах – 30,9 тыс. чел. и в обработке рога и кости – 2,6 тыс. чел.

В Центрально-Земледельческом районе работало 340,5 тыс. чел. кустарей и ремесленников, в том числе почти половина в мастерских по обработке волокнистых веществ – 160,1 тыс. чел., четвертая часть в обработке древесных материалов – 83,6 тыс. чел., почти восьмая часть в обработке кожи и меха – 43,2 тыс. чел., более чем по 20 тыс. чел. – в обработке металлов и разных промыслах, в обработке минералов – только 9,9 тыс. чел., а в обработке рога и кости – всего 383 чел.

В Поволжье кустарей и ремесленников насчитывалось 180,1 тыс. чел., из них обработкой дерева занимались 72,6 тыс. чел., волокнистых веществ – 45,6 тыс. чел., кожи и меха – 22,4 тыс. чел., рога и кости – 132 чел., минералов – 8,2 тыс. чел., металлов – 12 тыс. чел., в разных производствах было занято 19,1 тыс. чел. Таким образом, в сопоставлении с Северо-Западным (Озерным) районом набор основных промыслов трех других районов региона более разнообразен[105].

Н.А. Иванова выделяет городских и сельских кустарей и ремесленников. Данные о городских ремесленниках получены ею по материалам обследования ремесленной промышленности в 1910 г.; количество сельских «промышленников» подсчитано по данным А.А. Рыбникова и А.Г. Рашина; оба исследователя отмечали недостатки этих данных, в частности, разновременность сбора материалов, неполноту учета занятых в сельской мелкой промышленности ряда губерний. Добавим, что эти данные не позволяют также отделить наемных работников от работников, занятых в собственных заведениях. Тем не менее, других, более полных и достоверных данных не имеется.

При общем преобладании сельских кустарей число работников мелкой промышленности в целом и соотношение занятых в сельской и городской промышленности в различных районах региона было неодинаковым. Хотя это соотношение не вполне точно, так как по городской мелкой промышленности учтены лишь наемные работники, а по сельской, кроме того, также лица, занятые на своих предприятиях (то есть удельный вес первых занижается), определенные тенденции такое сопоставление выявить помогает.

Общая численность кустарей и ремесленников Центральной России составляла 1,5 млн чел., в том числе в городах – 217,8 тыс. чел., в селах – 1,2 млн чел. По числу работников мелкой городской и сельской промышленности впереди шел Центрально-Промышленный район – соответственно 80,4 тыс. чел. и 560,6 тыс. чел.; за ним шли Центрально-Земледельческий, Поволжский и Северо-Западный (Озерный) районы – соответственно 389,9 тыс. чел., 251 тыс. чел., 178,7 тыс. чел. Однако соотношение численности и занимаемых мест в этих районах было разным. За Центрально-Промышленным районом по численности кустарей и ремесленников в городах шли Северо-Западный (Озерный), Центрально-Земледельческий и Поволжский районы – соответственно 741 тыс. чел., 34 тыс. чел., 29,3 тыс. чел.; а в селах – Центрально-Земледельческий, Поволжский и Северо-Западный районы – соответственно 355,9 тыс. чел., 221,7 тыс. чел., 104,7 тыс. чел.

Наибольший разрыв был между численностью городских и сельских кустарей и ремесленников в Центрально-Промышленном районе – 480,2 тыс. чел., в Центрально-Земледельческом районе – 321,9 тыс. чел., несколько меньше в Поволжском районе – 192,5 тыс. чел. и значительно меньшим в Северо-Западном (Озерном) – 30,6 тыс. чел. Северо-Западный район, имевший по сравнению с остальными наименьшее число занятых в мелкой промышленности, отличался тем, что удельный вес среди них городских ремесленников был гораздо более высоким, чем в других районах, составляя 34 %. При этом в Петербургской губернии число ремеслен-

ников в городах составляло 41,4 % от общего числа ремесленников в районе.

Правда, удельный вес городских ремесленников в Центрально-Промышленном районе был несколько выше, чем в Северо-Западном, составляя 36,9 % от общего числа городских ремесленников региона. Но, учитывая то обстоятельство, что разрыв в абсолютных показателях между городскими и сельскими ремесленниками в этом районе был наивысшим, доля первых не представляется большей доли Северо-Западного района. Кроме того, численность кустарей и ремесленников в городах по отношению к селам в Центрально-Промышленном районе составляла 12,5 %.

В Центрально-Земледельческом районе доля ремесленников-горожан составляла 15,6 % от общей в регионе, а кустарей и ремесленников в селах – 28,6 %. Соотношение «промышленников» в городах и селах в этом районе составило 8,7 %. Соответствующие показатели в Поволжском районе составили 13,4 %, 17,8 % и 11,7 %. Общее соотношение доли в городах к селам составило 17,5 %.

Наконец, общая доля городских и сельских кустарей и ремесленников по районам составляла: в Центрально-Промышленном – 43,9 %, в Центрально-Земледельческом – 26,7 %, в Поволжском – 17,2 %, в Северо-Западном – 12,2 %[106].

Помимо земледелия, рыболовства и охоты, кустарных промыслов и фабрично-заводской промышленности, население Центральной России вынуждено было искать себе заработки на стороне. Передвижение рабочих совершалось главным образом в пределах губерний, районов и всего региона в целом, а порой – и по территориям других частей Европейской России.

Из всех губерний Центрально-Промышленного района исключение составляла Московская губерния, рабочее население которой никуда не уходило, находя себе вполне достаточный заработок на фабриках и местных промыслах, преимущественно в самой Москве и ее окрестностях; названная губерния, наоборот, привлекала к себе еще массу пришлых рабочих, исчисляемую десятками тысяч.

Для определения численности рабочих, занимавшихся отхожими промыслами, точных статистических данных, к сожалению, нет, однако подсчитанные данные в разных источниках показывают, что во всех остальных шести губерниях района численность отходников составляла более 1,3 млн. чел., или 14 % всей массы сельского населения. Так, из Калужской губернии ежегодно уходило на заработки св.150 тыс.чел., из Нижегородской – ок. 300 тыс.чел., из Тверской – ок. 250 тыс.чел., из Ярославской – не менее 100 тыс. чел., из Костромской – ок. 400 тыс.чел.

Большинство отходников привлекались неземледельческими промыслами, главным образом, ремесленными, причем основным направлением

движения рабочих повсеместно являлись обе столицы. На земледельческие занятия уходило сравнительно большее количество рабочих из Нижегородской губернии, направлявшихся преимущественно в Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии и Область Войска Донского; в меньшем числе – в Симбирскую и Казанскую губернии и в Уральскую область; из Калужской губернии на земледельческие промыслы уходили преимущественно женские артели жниц (в Курскую, Орловскую, Тульскую и Могилевскую губернии); еще в более ограниченном количестве встречались отходники-земледельцы в Костромской и Тверской губерниях: из губерний же Владимирской и Ярославской рабочие шли почти исключительно на неземледельческие заработки.

В Костромской губернии рабочие уходили, главным образом, на различные ремесленные промыслы, преимущественно в качестве плотников – 14 тыс.чел., затем каменщиков – 11 тыс.чел., овчинников – 9 тыс.чел., граборов и землекопов – 6 тыс.чел., портных – 6 тыс.чел., трепальщиков пеньки – 4,5 тыс.чел., штукатуров – 4 тыс.чел. и т.д. В рассматриваемой губернии отхожие промыслы получили особое развитие в северо-западной ее части, известной под названием «бабьей стороны», в уездах Солигаличском, Чухломском и Галичском; в иных местах все мужское население уходило на сторону с 12 лет, и женщины здесь работали не только в доме и в поле, но нередко исполняли общественные работы и обязанности. Подобные же явления наблюдались в Ярославской и Владимирской губерниях, где женщины выполняли должности десятских, старост и других деревенских чинов, посещали сходы и пр.

Рабочие уходили преимущественно в Петербург и Москву; кроме того, здесь замечалось постоянное движение отходников в Нижегородскую, Казанскую и Пермскую губернии, в различные поволжские города и даже в Баку. Во Владимирской губернии отхожие промыслы особенно были развиты во Владимирском и Покровском уездах, где в некоторых селениях уходило все способное к труду мужское население; рабочие уходили почти исключительно на различные ремесленные, торговые (офени) и др. неземледельческие промыслы; самое значительное движение рабочих было в Петербургскую, Московскую, Ярославскую, Нижегородскую, Пермскую, Самарскую, Таврическую, Херсонскую губернии и в Сибирь.

В Тверской губернии население уходило преимущественно на легкие промыслы, а именно прислугой (ок. 12 тыс. чел. мужчин и 6,5 тыс. женщин), извозчиками (4,5 тыс. чел.), дворниками, половыми и полотерами (почти 5 тыс. чел.); лесными промыслами было занято более 7 тыс. чел., плотников числилось 13,5 тыс. чел., каменщиков – 3,5 тыс. чел., сапожников и башмачников – 13 тыс. чел., рыболовов – более 1 тыс. чел. и т.д.; главное направление движения рабочих было в Петербургскую, Московскую, Новгородскую, Псковскую и Ярославскую губернии.

В Ярославской губернии рабочие уходили исключительно на разные неземледельческие промыслы в качестве плотников, каменщиков, шерстобоев, а также половых и главным образом трактирщиков, лавочников, подрядчиков и т.п.; большинство названных отходников направлялось в Петербургскую, Московскую, Владимирскую, Новгородскую, Лифляндскую губернии и в Область Войска Донского.

В Калужской губерний значительное число отходников привлекалось плотничным промыслом (ок.15 тыс. чел.) и фабричным (св. 20 тыс. чел.), а многие из них уходили также каменщиками (св. 10 тыс. чел.), овчинниками (почти 10 тыс. чел.), землекопами, портными, пенькотрепальщиками, чернорабочими и т.д.

Наконец, в Нижегородской губернии население отправлялось также преимущественно на различные ремесленные и неземледельческие промыслы – плотниками, судостроителями, пильщиками (в Нижний Новгород, в города по Волге, в Ростов-на-Дону, Азов и др. местности), матросами, лоцманами и водоливами на Волгу, каменщиками, штукатурами (в Нижний Новгород, Казань, Самару, в Сибирь); весьма сильно развит был также отход на фабрики своей губернии, а также Московской, Владимирской и др., отход «на низ» в «рыболовные ватаги» и пр.

В Нижегородской губернии, как было уже упомянуто, земледельческий отход был развит несколько больше, чем в остальных губерниях рассматриваемого района, вследствие получерноземного ее характера, но тем не менее, в противоположность другим отхожим промыслам, на рубеже XIX–XX вв. он ежегодно сокращался, главным образом, вследствие понижения заработной платы (на юге особенно, где ручной земледельческий труд вытеснялся машинным); прочие же отхожие промыслы, то есть неземледельческие, все более развивались в изучаемое время, с одной стороны, благодаря их выгодности, а с другой – вследствие постоянного возрастания малоземелья, порождавшего, в свою очередь, в связи с неудовлетворительным качеством почвы, все большее количество крестьян безлошадных и не имевших сельскохозяйственного инвентаря, которые, таким образом, поневоле должны были искать себе заработка на стороне[107].

В Центрально-Земледельческом районе отхожие промыслы стали развиваться лишь во второй половине XIX в. в условиях быстрого роста населения и увеличения потребности в заработках. Точных данных, отражавших количество крестьян, уходивших на заработки за пределы своих губерний и уездов, не имеется, хотя по некоторым губерниям есть сведения о количестве выдававшихся паспортов. В целом из северной половины района уходило на заработки значительно большее количество крестьян, чем из южной, причем отхожие промыслы можно разделить, как и в других районах, на две группы – земледельческие и неземледельческие.

Рассмотрим характер и значение тех и других промыслов. Отметим однако, что в южной и юго-восточной части района преобладали земледельческие отхожие промыслы, а в северной и северо-западной – неземледельческие. Наибольшее развитие отхожие промыслы получили в Рязанской губернии, в которой ежегодно выбиралось до 300 тыс. паспортов; за нею следовала Тульская – ок. 230 тыс., из которых выдано паспортов почти 162 тыс. – мужчинам и ок. 68 тыс. – женщинам. Число выданных паспортов в Тамбовской губернии достигало 200 тыс., а в Пензенской и Орловской – примерно по 150 тыс. Из Воронежской губернии уходило 70,9 тыс. мужчины и 4,8 тыс. женщин, а всего 75,7 тыс. чел., в том числе 58,5 тыс. мужчин и почти все женщины – на заработки земледельческие и лишь 12,4 тыс. мужчин – на неземледельческие заработки.

Из Курской губернии уходило 103,3 тыс. чел. Эти данные показывают безусловное преобладание земледельческих отхожих промыслов в Воронежской и Курской губерниях; в Рязанской и Тульской – наоборот, преобладали неземледельческие отхожие промыслы. Кроме того, те же данные позволяют определить количество лиц, уходивших в отхожие промыслы из Центрально-Земледельческого района, – примерно в 1,2 млн чел., что составляло до 8 % всего населения, а принимая во внимание, что уходили лишь взрослые работники обоего пола, приведенная цифра представляется довольно значительной, так как по отношению к населению в рабочем возрасте она составляет не 8 %, а 20–25 %.

Земледельческие отхожие промыслы имели три главных направления: на восток – в Поволжье, на юго-восток (для некоторых губерний – юг) – в Область Войска Донского и на Северный Кавказ (в Ставропольскую губернию и Кубанскую область), на юг и юго-восток – в губернии Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую и отчасти Харьковскую и Полтавскую. На восток – в Поволжье и Заволжье, а именно в губернии Самарскую, Саратовскую и отчасти Уфимскую, Оренбургскую и Астраханскую шли в основном из Пензенской губернии и из юго-восточных уездов Тамбовской и Воронежской губерний, хотя некоторая часть сельскохозяйственных отхожих промыслов из тех же местностей направлялась на Дон и Северный Кавказ.

Из остальных местностей Тамбовской губернии, кроме самых северных ее уездов, из южных уездов Рязанской и Тульской губерний, а также из большинства местностей Воронежской губернии преобладало движение на юг и юго-восток, то есть в Донскую и Кубанскую области, а также в Ставропольскую губернию, причем небольшое количество рабочих из этого района шли все-таки на восток и юго-запад.

Наконец, из губерний Курской, Орловской и некоторых местностей Тульской преобладало движение в украинские губернии, и сравнительно

небольшое количество сельскохозяйственных рабочих направлялось в Донскую область и на Кубань.

Несколько иной характер носили отхожие неземледельческие промыслы. Они не представляли столь значительного риска, как первые; заработки этого рода рабочих были более постоянны, хотя также подвергались некоторым колебаниям. Уходили рабочие в основном на более продолжительные сроки, на все лето, на зиму, иногда даже на весь год, за исключением нескольких недель, месяца или двух во время уборки хлеба, когда они возвращались в свои семьи. Иногда этого рода заработки почти равносильны были переселению в города и фабричные центры с сохранением лишь некоторой связи с родными.

Неземледельческие отхожие промыслы можно разделить на две категории: промыслы, не требовавшие специальных знаний, и промыслы специальные. Первые промыслы обычно были сопряжены с продолжительным отсутствием – почти переселением, вторые – лишь с временным отсутствием на менее продолжительные сроки. В неземледельческих отхожих промыслах первого рода принимали участие главным образом крестьяне северной части района, в особенности северных и средних уездов губерний Рязанской и Тульской, причем крестьяне из этих местностей уходили в основном в Москву и частично в Петербург, а также на фабрики Центрально-Промышленного района.

В таких отхожих промыслах принимали участие, главным образом, мужчины и сравнительно небольшое количество женщин. В столицах рязанские и тульские, а отчасти и тамбовские крестьяне являлись дворниками, извозчиками, фабричными рабочими, а женщины – чаще всего домашней прислугой. Среди петербургских извозчиков, особенно ломовых, довольно много встречалось крестьян из Зарайского, Рязанского и Касимовского уездов Рязанской губерний, Веневского – Тульской; среди дворников и фабричных рабочих Петербурга – крестьян Михайловского уезда Рязанской губернии, Тульского и Епифанского – Тульской губернии и т.п.

Кроме того, значительное количество татар Касимовского уезда Рязанской губернии было рассеяно по всей России в качестве буфетной и ресторанной прислуги. Наконец, крестьяне Зарайского уезда Рязанской губернии и Каширского – Тульской в значительном количестве переходили через Оку и работали на ближайших фабриках Московской губернии. Этого рода отхожие промыслы, благодаря росту обеих столиц и других крупных центров на рубеже XIX–XX вв., увеличивались в своих размерах и распространялись на юг Центрально-Земледельческого района.

Еще больший интерес представляет собой движение на заработки специальных рабочих, так как оно еще более привязывалось к отдельным местностям и отдельным занятиям, как на родине, так и в местах выхода. В данном случае уходу на заработки предшествовало развитие какого-либо

ремесла на месте. К этой категории отхожих промыслов относились: грабари (землекопы), горнорабочие, работники по добыванию торфа, каменщики, плотники, штукатуры, печники и т.п. строительные рабочие.

Грабари (землекопы) из некоторых уездов Курской губернии уходили преимущественно на юг и запад – в украинские губернии. Горнорабочие из многих местностей района отправлялись значительными массами главным образом на заводы и копи Донецкого бассейна. Из южных уездов Рязанской губернии – Данковского, Раненбургского и Скопинского, а также из Болховского уезда Орловской губернии довольно значительное число рабочих отправлялось на торфяники Московской и Владимирской губерний, где разработка торфа велась в очень значительных объемах. Характерным являлся еще отхожий промысел в некоторых приокских селениях Рязанской и Тамбовской губерний и в особенности Елатомского уезда, откуда очень много крестьян отправлялось в качестве низших служащих и судовых рабочих на окские и волжские суда.

Кроме того, почти из всех губерний Центрально-Земледельческого района на заработки уходило довольно значительное количество строительных рабочих, а именно плотников, каменщиков, печников, штукатуров и т.п. Часть их направлялась в Москву, но еще более значительная часть – в южные и юго-западные губернии, в города Одессу, Киев, Харьков, Таганрог, Ростов-на-Дону. Лишь очень небольшое количество их доходило до Петербурга, где на строительных работах с ними конкурировали рабочие из Костромской, Ярославской и Тверской губерний.

Выше уже было сказано, что рабочие различных строительных специальностей группировались по отдельным местностям и селам; поэтому, кроме движения на заработки в большие города, существовало еще передвижение строительных рабочих из одной местности в другую – из уезда в уезд и из губернии в губернию в пределах района. Так, например, в Пензенской губернии, где местных строительных рабочих было немного, славились рязанские плотники.

Следует отметить также, что в целом в Центрально-Земледельческом районе сравнительно меньшая часть строительных рабочих уходила на заработки в отдаленные губернии; более половины их обычно находило себе работу на местах. К примеру, в Воронежской губернии, по данным земских обследований, насчитывалось всего 16 тыс. плотников, из которых ок. 12 тыс. работали в своих уездах, а 4 тыс. уходили на заработки за пределы губернии; там же каменщиков было 2,3 тыс. чел., из них 1,4 тыс.чел. находили работу дома, а 900 чел. уходили на заработки. Печников насчитывалось до 1,8 тыс. чел., из которых уходило 300; кровельщиков – 1 тыс. чел., из которых уходило всего 150 чел. и т.д.

Заканчивая обзор промыслов населения Центрально-Земледельческого района, отметим, что, несмотря на богатую почву и почти предельную

распаханность земель, доходившую в некоторых уездах до 80 %, несмотря даже на значительные хлебные избытки, вывозившиеся за пределы района, нужда в неземледельческих заработках во второй половине XIX в. возрастала и к началу XX в. оказалась весьма значительной. Что касается промышленности и местных кустарных промыслов, то они существовали не повсеместно и развивались очень медленно, а поэтому были не в состоянии обеспечить местными заработками возраставшее население. Последствием этого являлось усиленное развитие отхожих промыслов и достигавшее значительных размеров переселение крестьян района на новые места, преимущественно в Сибирь.

Ко всему этому следует добавить, что лишь местные кустарные промыслы и некоторые отрасли обрабатывающей промышленности являлись естественным и наиболее выгодным дополнением к земледельческим занятиям населения, давая возможность земледельцу заработать что-нибудь в свободное от сельскохозяйственных работ время и улучшая его существование, не отрывая полностью от занятий земледелием. Большая часть остальных заработков, как местных на фабриках, так и отхожих, в большей степени отвлекала крестьян от земледелия – круглый год или преимущественно в летнее время и оставляла их свободными на зиму, когда они были свободны и у себя дома (строительные местные и отхожие промыслы, а также отхожие промыслы земледельческие).

Таким образом, оказывалось, что если развитие кустарных промыслов, а также некоторых видов промышленности, увеличивавших число рабочих на зиму и уменьшавших их число в летнюю пору на месте, являлось естественным и приспособленным к климатическим условиям Центрально-Земледельческого района дополнением к земледельческим занятиям его населения, то отхожие промыслы являлись естественным выходом только для избытка рабочих рук против потребностей местного земледелия. Поэтому усиление их развития к началу XX в. указывало на необходимость для части населения оторваться от местного земледелия, оставив его соответственному количеству земли населению, и перейти к неземледельческим промыслам и занятиям другого рода[108].

В Северо-Западном районе также наблюдался уход населения на заработки за пределы своих губерний. Отхожие промыслы, благодаря близости столицы, получили в большинстве местностей значительное, а в отдельных случаях даже интенсивное развитие и таким образом приобрели весьма важное экономическое значение. Однако привести точные цифры уходивших из губерний на сторону рабочих за недостатком статистического материала не представляется возможным.

По данным земских обследований 1890 гг., число лиц, участвовавших в отхожих промыслах, определялось в 340–350 тыс.чел. Вся масса отходников, таким образом, составляла более 10 % всего сельского населения и

более 20 % его взрослой работоспособной части. Отхожими промыслами было занято больше всего в Новгородской губернии (особенно в Кирилловском, Боровицком и Белозерском уездах) – 145 тыс. чел., затем в Петербургской губернии – 90 тыс. чел., в Псковской – 60 тыс.чел. (более в Новоржевском, Великолуцком, Порховском, Псковском и наименее – в Торопецком уезде) и в Олонецкой губернии – 40 тыс.чел.

Центральным пунктом, куда направлялась основная масса рабочих, являлась, конечно, столица. Сюда прибывали на заработок в огромном количестве не только рабочие-мужчины, но женщины и даже дети. Большинство отходников работало в Петербурге в качестве легковых и ломовых извозчиков, домашней прислуги, половых, дворников, каменщиков, землекопов, а также мастеровых, простых поденщиков на фабриках и заводах, огородников и т.д. Значительная часть отходников привлекалась еще к работам по сплаву леса и лесных материалов, а также проводу судов по водным системам.

В отходе рабочих из деревни по временам года наблюдалось две волны: одна осенью (август-сентябрь), другая – весной (апрель). Наибольшее осеннее оживление движения отходников объяснялось окончанием сельскохозяйственной страды и наступлением почти свободного времени для сельских жителей; весеннее движение соответствовало появлению огромного спроса на работников для сплава леса, судовых работ, строительства и ремонта домов и улиц столицы и, наконец, сельскохозяйственных работ.

Большинство отходников на рынке труда предлагало только свою физическую силу, и лишь немногие из них являлись сюда с некоторыми профессиональными знаниями. Вследствие огромного наплыва рабочих в столицу, применение своему труду находило далеко не все пришлое население. Хотя, конечно, рабочие-профессионалы – плотники, маляры, коновалы (из Новгородского уезда) и др. оказывались обеспеченными работой в значительно большей степени, нежели остальная масса пришлых рабочих, которым нередко приходилось из-за отсутствия работы возвращаться домой[109].

Население Поволжья, так же, как и других районов, кроме земледелия, рыболовства, кустарных промыслов и фабрично-заводской промышленности, часто вынуждено было искать себе заработок на стороне, причем передвижение отходников совершалось главным образом в пределах самого района, который привлекал к себе массу рабочих еще из соседних губерний и районов. По нашим подсчетам, общее число участников отхожих промыслов в районе ежегодно превышало 400 тыс. чел., что составляло 4,5 % всей массы сельского населения.

Разные губернии района участвовали в отхожих промыслах далеко не в одинаковой степени. Более всего рабочих направлялось из Казанской гу-

бернии, как наименее обеспеченной землей в количественном и качественном отношениях. Из Казанской губернии ежегодно уходило на заработки св.180 тыс. чел., или до 9 % всего сельского населения. Менее всего рабочих на сторону уходило из Самарской губернии, притом лишь из ее северных уездов, что составляло до 30 тыс. чел., или 1,2 % сельского населения губернии. Что же касается бедных рабочей силой южных уездов заволжских степей, то они не только не отправляли население на сторону, но привлекали его огромные массы к себе как с севера Самарский губернии, так и из Казанской, Симбирской, Саратовской и соседних губерний Центрально-Земледельческого района.

По данным комиссии по упорядочению отхожих промыслов, размеры нехватки заволжской части Самарской губернии в пришлых рабочих определялись примерно в 230–250 тыс.чел. Симбирская и Саратовская губернии по числу выхода рабочих на сторону занимали среднее место между названными губерниями: из первой ежегодно уходило на заработки до 45 тыс.чел. (3,1 % сельского населения), а из второй – до 60 тыс.чел. (2,8 %).

Астраханская губерния в этом отношении занимала совершенно особое положение. Она почти совсем на отправляла рабочих на сторону, только небольшая часть крестьян Царевского уезда уходила на сельскохозяйственные работы в Самарскую губернию и в Область Войска Донского. Вместе с тем в пределах губернии ежегодно происходило большое передвижение рабочих на рыбные и соляные промыслы, составлявшие основное занятие населения губернии. По официальным данным за 1898 г., в губернии уходило на заработки 94,5 тыс. чел. (11 % всего сельского населения), в том числе 23,7 тыс. киргизов и 17,7 тыс. калмыков. Кроме того, рыбные и соляные промыслы привлекали большое количество рабочих из других губерний и районов. На одних только рыбных промыслах в горячее время работало до 120 тыс. чел.

Все отхожие промыслы населения района можно разделить на две большие группы – земледельческие и неземледельческие. Тот и другой виды отхода имели примерно одинаковое развитие. Главным местом, куда направлялся земледельческий отход, было Заволжье (губернии Самарская, Оренбургская и Уфимская), а также Ставропольская губерния и Область Войска Донского. С середины апреля ежегодно начиналось движение рабочих «в низа», продолжавшееся вплоть до сентября.

Первым на этом пути рынком рабочей силы являлась Сызрань Симбирской губернии. Здесь постоянно находилось не менее 50–200 чел. рабочих; в весеннее время число рабочих, преимущественно женщин, доходило до 500–800 чел.; в июне число косцов достигало 1–1,5 тыс. чел. и, наконец, в страдное время (в начале июля) – от 8 до 12 тыс. чел. Здесь

рабочие нанимались главным образом в северные уезды Самарской, в Уфимскую и Оренбургскую губернии.

Вторым рынком служил Саратов. В 1897 г. через него прошло примерно 60 тыс. чел. сельскохозяйственных рабочих – преимущественно из Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний. Небольшая часть из них оставалась в Саратове для найма в самом городе и ближайших к нему экономиях (гр. Воронцова-Дашкова, Столыпина, кн. Щербатовых, Устинова и др.); подавляющее большинство переправлялось за Волгу. Здесь рабочие сосредоточивались в слободе Покровской (до 10 тыс.чел.), Дьяковке, Малом Узене и Дергачах.

Кроме того, рабочие собирались для Николаевского уезда в селах: Балакове (по воскресным дням было от 3 до 5 тыс.чел.), Баронске (Екатериненштадт), Таловом Хуторе, Перелюбе, Семеновке, Большой Глушице и г. Николаевске; для Новоузенского уезда – в селах: Орловом Гае, Перекопном, слободе Ровной и г. Новоузенске; для Бузулукского уезда – в селах: Балейке, Покровке, Алексеевке, г. Бузулуке и др.

Из неземледельческих отхожих промыслов, кроме указанных уже рыболовства, соляных и солевозных промыслов (чумачество), наиболее развиты были погрузка судов и плотов, судовые работы, сплав леса, бурлачество, плотничество, распилка леса, валяльный и шерстобитный промыслы, каменные и малярные работы, портняжничество, извоз, пастьба скота, земляные работы и пр.[110].

Итак, при достаточно подробном рассмотрении видов деятельности населения Центральной России, ясно видны разнообразие занятий и их связь с социально-профессиональным составом основных слоев и групп в крупнейшем регионе России. При всем разнообразии видов занятий населения все же преобладали сельскохозяйственное производство и промышленность, тесно связанная с ним. Анализ всех имеющихся данных приводит к мысли о подвижности границ между различными социальными слоями и группами в условиях интенсивного развития рыночных отношений.

Развитие различных отраслей производства приводило к интенсификации миграционных процессов как внутри региона, так и за его пределами.

3. НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3.1. Демографический кризис

В годы Первой мировой войны, революции и последовавших за ними гражданской войны и интервенции социально-демографическая ситуация в стране резко изменилась. Ее изучение связано с определенными трудностями. В частности, по сравнению с предыдущими годами качество демографической информации заметно ухудшилось. Прежде всего, была расстроена система текущего учета населения в условиях военного времени и в результате реформ новых органов государственной власти, включавших отделение церкви от государства и создание новой системы учета естественного движения населения. Так, 18 декабря 1917 г. был утвержден Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния, который предусматривал обязательную регистрацию рождений, браков, смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений[1].

Но несмотря на обстоятельства, от тех лет осталось немалое статистическое наследие. Например, Л.И. Лубны-Герцык, изучая движение населения в 1916–1922 гг., использовал данные по 28 губерниям; В.З. Дробижев для периода 1917–1920 гг. приводил иную информацию по 16 губерниям, не считая городов[2].

Начавшаяся мировая война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. Вторую всеобщую перепись населения[3]. Однако в указанный период времени в стране провели фактически две переписи населения, результаты которых были необходимы для решения продовольственной проблемы, проведения аграрной реформы, послевоенного государственного строительства. В 1916 г. была проведена первая сельскохозяйственная перепись, во время которой были собраны сведения о сельском и частично о городском населении; в 1917 г. – сельскохозяйственная, поземельная и городская переписи. Кроме того, в этот период проводились различные выборочные обследования, существовали также различные косвенные источники информации о населении – материалы Министерства земледелия, Наркомздрава РСФСР, комитетов помощи беженцам, голодающим и т.д.

Бесспорно, данные периода Первой мировой войны являются неполными и часто противоречат друг другу. Например, ни одна из двух переписей не охватила всей территории страны. Но, как совершенно справедливо заметил Ю.А. Поляков, «...было бы неправильно совершенно пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции»[4].

Главным показателем демографического кризиса стало резкое сокращение общей массы населения Центральной России за четыре года войны: к началу 1914 г. оно составило 54446,5 тыс. чел. обоего пола, в 1916 г. – сократилось до 50003,5 тыс. чел. а в 1917 г. – до 43668,9 тыс. чел., уменьшившись на 10777,6 тыс. чел. (прил. 31–33). Напомним, что губернии региона не являлись театром военных действий, из них шел призыв в армию и шла отправка на фронты «великой войны»; вместе с тем в эти годы сюда прибывали беженцы и военнопленные; все это повлияло на изменение численности и состав населения региона.

Первая мировая война нанесла значительный удар по уровню рождаемости в Центральной России. Массовая мобилизация мужского населения вызвала разрушение прежних семейных связей и резко сократила возникновение новых брачных союзов. Все это в скором времени привело к снижению рождаемости. Влияние «великой войны» оказалось куда более значительным, чем Русско-японской. Было мобилизовано 16 млн. мужчин, то есть в 12 раз больше, чем в 1904–1905 гг. Это составило 40 % всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет[5].

Война началась летом и, следовательно, на число родившихся в 1914 г. она еще не могла повлиять. Таким образом, 1914 г. в отношении числа рождений следует рассматривать как мирный год. Только с 1915 г. начало сказываться «огненное дыхание» войны.

Однако точно проследить влияние войны оказалось невозможным из-за расстройства статистики естественного движения населения в результате ведения военных действий и начавшейся общей разрухи в стране. По сделанным расчетам на основе использования различного местного материала и данных переписи 1926 г. о возрастном составе населения динамика коэффициентов рождаемости в Центральной России в годы Первой мировой войны выражена в следующих цифрах.

Снижение рождаемости и повышение смертности наблюдалось во всех городах, но если в Петрограде и Москве рождаемость значительно упала, соответственно с 25 ‰ до 15 ‰ и с 31 ‰ до 14,7 ‰, а смертность повысилась соответственно с 21,5 ‰ до 46,7 ‰ и с 23,2 ‰ до 29,9 ‰, то этого нельзя сказать о Ярославле и Саратове, где снижение рождаемости не превышало 15–25 %[6]. Так как в целом по региону рождаемость к 1917 г. снизилась почти вдвое, то это означало, что особенно резкое снижение ее было в сельской местности.

Уровень рождаемости в годы Первой мировой войны, по имеющимся статистическим данным, снизился примерно на 45 %. Если число родившихся в 1913 г. в 12 губерниях Центральной России, Петрограде и Москве, по которым имеется непрерывный ряд данных, принять за 100 %, то динамика рождений представляется следующим образом: в 1914 г. – 102 %, в 1915 г. – 88 %, в 1916 г. – 69 %, в 1917 г. – 54 %[7]. Рост числа

рождаемости в 1914 г. объясняется тем, что в этом году рождались дети, зачатые еще в довоенное время. В связи с тем, что сельская местность больше пострадала от мобилизации, чем город, в ней наблюдалось и большее сокращение рождаемости.

Тенденции рождаемости в 1914–1917 гг. по данным текущего учета населения представлены в прил. 34. Материалы местной статистики дополняют данные о движении населения в эти годы. Коэффициент рождаемости в Орловской губернии составил в 1917 г. 29 ‰. Для Саратовской губернии имеются дифференцированные показатели по городу и селу: рождаемость в городах в 1917 г. здесь составила 19,1 ‰, а в селах – 18,7 ‰. Показатели рождаемости в Ярославской губернии в городах составили в 1917 г. 31,6 ‰, а в селах – 25,3 ‰[8].

Представление о сильном влиянии кризиса на репродуктивное поведение дает анализ деформации возрастных коэффициентов рождаемости. Так, у когорты женщин 1890–1894 гг. интенсивность рождаемости в кризисные годы была значительно ниже возможной, что отразилось на возрастном распределении рождений в последующие годы. Наиболее заметным снижение рождаемости было в молодых женских возрастах. Это подтверждается также некоторыми исследованиями[9].

На снижение рождаемости влияло еще и то обстоятельство, что в 1917 г. в сельской местности 23 губерний Центральной России отсутствовало 47,4 % мужчин трудоспособных и репродуктивных возрастов, а в некоторых из них – более половины, к примеру, в Олонецкой – 51,8 %[10].

Разразившийся кризис содействовал распространению внутрисемейного контроля рождаемости, в том числе и в деревне. Так, из отчетов больниц, анкет участковых сельских врачей следует, что с 1914 г. значительно возросло число абортов. С.А. Новосельский отмечал, что сознательное регулирование размеров семьи в этот период широко проникало и распространялось среди населения, являясь одной из причин наблюдавшегося повсюду падения рождаемости. Этому способствовало созданное войной настроение в связи с экономическим кризисом и неуверенностью в завтрашнем дне[11].

Другой исследователь этого вопроса А.Б. Генс снижение рождаемости тесно связывал с распространением абортов: «С 1914 г. … на селе осталась громадная армия «солдаток», потом и вдов, в связи с чем особенно усилился спрос на аборт, впервые вызвавший (спрос вызывает предложение) профессию бабок по абортам»[12]. Иной группой факторов, снижавших рождаемость, являлся рост заболеваемости женщин, психическое напряжение, которое вызывало длительное или временное бесплодие («аменорея военного времени»)[13].

Первая мировая война резко ухудшила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия го-

родского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным. Все это привело к увеличению смертности населения.

Коэффициент смертности в 1915–1917 гг. несколько снизился по сравнению с 1913 г. исключительно вследствие падения рождаемости. Поэтому для получения правильной картины уровня смертности уместно привести коэффициенты смертности для населения старше одного года (прил. 35, 36). При таком подсчете падение рождаемости исключается лишь частично. В те годы очень велика была смертность среди младенцев, двух- и трехлетних детей, численность которых к 1916–1917 гг. значительно сократилась.

Хотя используются средние коэффициенты смертности по региону в целом, но надо подчеркнуть, что они относились преимущественно к низшим социальным слоям города и деревни, составлявшим подавляющую часть всего населения. Высшие и более обеспеченные слои жили в гораздо лучших условиях и уровень смертности у них был значительно ниже.

В годы войны наметились негативные изменения в эпидемиологическом фоне региона, нарастали топливный и продовольственный кризисы. Начало будущим эпидемиям положили стихийная демобилизация и беженцы, рассеявшие очаги эпидемий по региону. Центральная Россия пережила небывалое усиление инфекционных заболеваний, голод и, как следствие, катастрофический рост уровня смертности[14].

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужского населения в Петрограде сократилась по сравнению с 1910–1911 гг. более чем на 10 лет и составила в 1917 г. 20,5 лет[15].

Меньшим было увеличение смертности в сельской местности, хотя здесь в большей степени мог оказаться недоучет смертей. Так, в Московской губернии смертность возросла с 31,5 ‰ в 1913 г. до 40,8 ‰ в 1918 г., в Костромской соответственно – с 30,9 ‰ до 49,6 ‰, в Орловской – с 27 ‰ до 36,4 ‰[16].

Естественно, что и младенческая смертность оставалась очень высокой. Об этом можно судить по уровню младенческой смертности в Петрограде и Москве. Доля умерших младенцев в 1913–1917 гг. в среднем составила в Петрограде 26,8 % к числу родившихся, в Москве – 23,8 %[17].

Особенности процессов рождаемости, смертности и миграции предопределили характер воспроизводства населения. В целом по Центральной России за период с 1914 по 1917 гг. включительно численность населения сократилась почти на 11 млн. чел. Имеющаяся информация не дает точной картины погодовой численности населения страны. В прил. 36 приведены оценки естественного движения населения в годы войны.

Убыль населения в этот тяжелый для людей период обеспечила отрицательный естественный прирост. Если его уровень в губерниях, Петро-

граде и Москве принять за 100 % в 1913 г., то в 1914 г. он составил 119 %, в 1915 г. – 73 %, в 1916 г. – 22 %, а в 1917 г. его величина впервые стала отрицательной, что явилось результатом резкого падения уровня рождаемости в годы Первой мировой войны.

Влияние войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин и отчасти ухудшением экономических условий.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работавших на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужские призывные возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии в годы Первой мировой войны было следующим: в 1913 г. – соответственно 5,9 ‰, 7,4 ‰, в 1914 г. – 5,5 ‰, 5,6 ‰, в 1915 г. – 4,1 ‰, 2,2 ‰, в 1916 г. – 3,9 ‰, 2,3 ‰. Количество нереализованных браков в губерниях Центральной России в годы войны оценивается в 1,7 млн[18].

Крупные войны, какой была Первая мировая война, служат причиной таких глубоких и необратимых изменений в составе населения, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях – нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения. Причины такого нарушения – повышение смертности людей в период войны и прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений.

Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводила к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывалась на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкавшие к ним годы.

Брачность порой считают главным фактором, определяющим снижение рождаемости в годы кризисов. Но эта точка зрения ошибочна, поскольку снижение уровня брачности в короткий интервал времени влияет лишь на интенсивность рождений первенцев. Это легко подтвердить простыми арифметическими подсчетами. «Недород» детей в 1914–1917 гг. составил 6 млн. чел., а дефицит браков – 1,7 млн. Делая заведомо неточное предположение о том, что у всех молодоженов протогенетический интервал равнялся одному году, можно сделать вывод, что большая часть «недорода» (4,3 млн) была обусловлена другими факторами.

В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях Центральной России, Петрограде и Москве, за 100 %, то в 1914 г. оно составило 85 %, в 1915 г. – 46 %, в 1916 г. –

44 %. В 1917 г. число браков увеличилось до 65 %[19], видимо, из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию, а также по причине возвращения раненых воинов домой, «прилива» беженцев и военнопленных, увеличения численности лиц, получивших «бронь».

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объяснялось введением полной свободы разводов и гражданского брака, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей.

Много было заключено фиктивных браков с эвакуированными иностранцами и военнопленными для того, чтобы эмигрировать. Уровень разводов, соответственно, значительно возрос. Однако судить об их количестве на основе имеющихся материалов трудно, поскольку техника их регистрации не была налажена. Можно отметить, что в Петрограде среди всех заключенных браков доля тех, в которых хотя бы один супруг был разведен, повысилась с 1,6 % в 1913 г. до 11,2 % в 1917 г.[20].

Безвозвратные потери российской армии, которая формировалась на территории Центральной России, в Первую мировую войну были велики. Число погибших солдат и офицеров составило, по наиболее достоверным оценкам, от 2,3 до 2,5 млн чел.[21].

Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в Первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, в большинстве своем довольно противоречивы. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь.

В результате разница, например, в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров колеблется в опубликованных работах от нескольких сотен тысяч до 1–2 млн чел. В подтверждение этого факта приведем ряд цифр безвозвратных демографических потерь российской армии, взятых из разных отечественных источников: 511,1 тыс. чел., 562,6 тыс. чел., 626,9 тыс. чел., 775,4 тыс. чел., 908 тыс. чел., 2300 тыс. чел., 3000 тыс. чел.[22].

Аналогичные расхождения в подсчете потерь российской армии имеют место и в зарубежных источниках и публикациях. Приведем здесь несколько цифр о количестве погибших российских воинов: 1290 тыс. чел., 1500 тыс. чел., 1700 тыс. чел., 2000 тыс. чел., 2250 тыс. чел., 2762 тыс. чел., 3000 тыс. чел.[23].

Наши исследования в этом вопросе опирались в основном на авторитетные статистические данные Ю.А. Полякова и Г.Ф. Кривошеева. Использованы также и другие источники, в которых содержится базовый материал по рассматриваемой теме[24]. Наибольшее значение придавалось установлению количества безвозвратных потерь российской армии, в том числе по их видам и категориям военнослужащих. В обобщенном виде эти данные представлены следующими цифрами.

Из безвозвратных демографических потерь российской армии в войне 1914–1918 гг. выделим безвозвратные боевые и безвозвратные небоевые потери. В числе безвозвратных боевых потерь было убито, умерло на этапах санитарной эвакуации: всего 1200 тыс. чел., в том числе офицеров и военных чиновников – 23,1 тыс. чел., нижних чинов – 1176,9 тыс. чел.; пропало без вести – соответственно 439,4 тыс. чел., 7,3 тыс. чел., 432 тыс. чел.; умерло от ран в госпиталях – 240 тыс. чел., 7,1 тыс. чел., 232,9 тыс. чел.; умерло от отравления газами – 11 тыс. чел., 161 чел., 10 тыс. чел.; всего безвозвратных боевых потерь – 1890,4 тыс. чел., 37,7 тыс. чел., 1852,6 тыс. чел. В числе безвозвратных небоевых потерь умерло от болезней: всего 155 тыс. чел., в том числе офицеров и военных чиновников – 10,3 тыс. чел., нижних чинов – 144,7 тыс. чел.; умерло в плену соответственно – 190 тыс. чел., 1,1 тыс. чел., 188,9 тыс. чел.; погибло, умерло в результате несчастных случаев и др. – 19 тыс. чел., 2,2 тыс. чел., 16,8 тыс. чел.; всего безвозвратных небоевых потерь – 364 тыс. чел., 13,4 тыс. чел., 350,3 тыс. чел. В итоге суммируем все безвозвратные демографические потери российской армии – 2254,4 тыс. чел., в том числе офицеров и военных чиновников – 51,4 тыс. чел., нижних чинов – 2203 тыс. чел.[25].

Санитарные потери армии (раненые, заболевшие, пострадавшие от газов) были колоссальными. Достаточно сказать, что только госпитализированных за время войны военнослужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении, учтено 5148,2 тыс. чел., из них раненых – 2844,5 тыс. чел., заболевших – 2303,7 тыс. чел. Если же учесть все случаи ранений, не требовавших эвакуации в госпитали, то число санитарных потерь возрастет еще на 50 %[26].

К началу войны находились в армии и на флоте 1423 тыс. чел., в ходе войны было призвано 13955 тыс. чел., всего было привлечено в вооруженные силы 15378 тыс. чел. В годы войны из вооруженных сил убыло всего 7429 тыс. чел., в том числе: убито, умерло от ран, болезней, от отравления газами, несчастных случаев и погибло из числа без вести пропавших (демографические потери) – 2254,4 тыс. чел. Кроме того, находились в лечебных заведениях (раненые и больные) – 350 тыс. чел., на длительном лечении и уволено со службы по инвалидности (тяжело раненые) – 349 тыс. чел. На основании постановления Временного правительства осенью 1917 г. были уволены с военной службы солдаты, достигшие предельного 43-летнего возраста – 226,6 тыс. чел.; оставалось в вооруженных силах на 1 сентября 1917 г. всего 7949 тыс. чел., из них: в составе действующей армии – 6512 тыс. чел., в составе тыловых формирований и органов военного управления, подчиненных Военному министерству, – 1437 тыс. чел.[27].

Подсчитанные численность и потери российской армии в Первой мировой войне дали возможность показать сальдо людского контингента страны, привлеченного в российские вооруженные силы.

3.2. Деформация возрастно-половой структуры

Первая мировая войны деформировала возрастно-половую структуру населения Центральной России. В отличие от возрастной пирамиды 1896– 1897 гг. и 1900-х гг. пирамида, отражавшая итоги демографического развития в 1914–1917 гг., имеет «демографические ямы» в возрастах от 5 до 14 лет, то есть родившихся в 1912–1916 гг., что является следствием падения рождаемости.

Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, от террора, меньшей сопротивляемостью болезням, а также большая их доля среди эмигрантов, изменили соотношение полов в общей численности населения. Если на рубеже XIX–XX вв. женщины по численности незначительно доминировали над мужчинами, то к 1917 г. этот разрыв увеличился многократно и достиг рубежа в несколько миллионов.

В 1914 г. городское население Центральной России в среднем имело следующее соотношение возрастов и полов. Так, в возрасте до 1 года (младенцы) мужской пол преобладал над женским – соответственно 18,8 ‰ и 15,2 ‰; в возрасте 1 года соотношение полов несколько изменилось: мужской – 16,9 ‰, женский – 13,7 ‰; 1–4 лет соответственно – 73,9 ‰ и 61,4 ‰; 5–9 лет – 138,1 ‰ и 118,7 ‰; 10–14 лет – 137,9 ‰ и 121,5 ‰; 15–16 лет – 23,1 ‰ и 23,1 ‰; 17 лет – 20,1 ‰ и 23,2 ‰; 18 лет – 14,8 ‰ и 23,2 ‰; 19 лет – 10,6 ‰ и 20,6 ‰; 20–29 лет – 138,1 ‰ и 195,9 ‰; 30–39 лет – 138,2 ‰ и 132,3 ‰; 40–49 лет – 115,3 ‰ и 95,7 ‰; 50–59 лет – 79,7 ‰ и 73,9 ‰; старше 60 лет – 66,5 ‰ и 71,8 ‰[28].

Сельское население в тот же период имело следующую возрастно-половую структуру. В возрасте младенцев представители мужского пола и здесь преобладали над женским – соответственно 19,3 ‰ и 15,8 ‰; в возрасте 1 года соответственно – 20,4 ‰ и 16,8 ‰; 1–4 лет – 99,7 ‰ и 83,7 ‰; 5–9 лет – 191,1 ‰ и 162,5 ‰; 10–14 лет – 172,5 ‰ и 141,6 ‰; 15–16 лет – 27,6 ‰ и 26,1 ‰; 17 лет – 24,5 ‰ и 25 ‰; 18 лет – 19,2 ‰ и 22,9 ‰; 19 лет – 9,1 ‰ и 18 ‰; 20-29 лет – 95,4 ‰ и 161,1 ‰; 30–39 лет – 88,4 ‰ и 110,8 ‰; 40–49 лет – 87,5 ‰ и 80,6 ‰; 50–59 лет – 66,3 ‰ и 61,8 ‰; старше 60 лет – 70,1 ‰ и 63,6 ‰[29].

Возрастно-половая структура городского и сельского населения Центральной России к 1917 г. значительно изменилась. В возрасте младенцев среди горожан мужчины составляли 20,8 ‰, женщины – 16,7 ‰; среди сельчан соответственно – 29,5 ‰ и 23 ‰; в возрасте 1 года горожан-мужчин было 17,9 ‰, женщин – 14,6 ‰; сельчан-мужчин – 30,8 ‰, женщин – 24,4 ‰; 1–4 лет соответственно – 76,9 ‰ и 64 ‰; 109,7 ‰ и 87,3 ‰; 5–9 лет – 127,3 ‰ и 109 ‰; 174,8 ‰ и 142 ‰; 10–14 лет – 128 ‰ и 113,6 ‰; 162 ‰ и 131,5 ‰; 15–16 лет – 23,9 ‰ и 21,6 ‰; 27,1 ‰ и 24,8 ‰; 17 лет – 21,6 ‰ и 22,1 ‰; 22,2 ‰ и 21,8 ‰; 18 лет – 17,9 ‰ и 23,3 ‰;

16,2 ‰ и 20,3 ‰; 19 лет – 12,5 ‰ и 21,2 ‰; 6,6 ‰ и 16,8 ‰; 20–29 лет – 148,3 ‰ и 189,7 ‰; 64,7 ‰ и 146,9 ‰; 30–39 лет – 149,6 ‰ и 133,7 ‰; 97,5 ‰ и 114,8 ‰; 40–49 лет – 120 ‰ и 104,8 ‰; 101,4 ‰ и 90,8 ‰; 50–59 лет – 76,4 ‰ и 82 ‰; 76,9 ‰ и 72,9 ‰; старше 60 лет – 52,9 ‰ и 76,2 ‰; 84,9 ‰ и 82,7 ‰[30].

Характеризуя возрастно-половой состав городского и сельского населения к 1917 г., отметим, что в деревне был гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По районам наиболее высокий удельный вес этой категории (в селах) дают Северо-Западный и Центрально-Промышленный районы, самый низкий – Центрально-Земледельческий и Поволжский районы, что явно объясняется большим отвлечением из двух последних районов мужского населения на фронт. Перевес деревни заметен и по более дробным возрастным категориям (в младенческом возрасте, в возрасте одного года и т.д.).

В деревне, по сравнению с городом, значительно выше была доля детей в возрасте 5–9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости, особенно юго-восточные губернии Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Это превышение видно и применительно к возрастной группе 10–14 лет с постепенным снижением разницы в 16–17 лет. Переломным является 18-летний возраст, отличающийся большим удельным весом горожан.

В годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные 1917 г. показывают огромный численный перевес женщин в самых детородных возрастах.

Начиная с 19 лет, наблюдается снижение удельного веса молодых мужчин, особенно в деревне (8 ‰). Если в детских возрастных группах было заметно сначала преобладание мужского пола, затем примерное равенство, позже преобладание женского, то с 18 и особенно с 19 лет численность женщин намного превышала численность мужчин. Группы возрастов 20–29 лет, 30–39 лет и 40–49 лет показывают превышение удельного веса обоих полов города над деревней. Возрастная группа 50–59 лет также показывает в целом по региону превышение удельного веса города над деревней, хотя в таких крупных районах, как Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий, эта группа в городе и деревне по удельному весу практически была равной. Зато группа в возрасте старше 60 лет преобладала в деревне значительно и повсеместно.

Итак, в деревне было относительно больше, чем в городе, детей и стариков, а город, по сравнению с деревней, имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет. Анализ данных по Центральной России показывает, что в деревне было относительно больше детей, рожденных в военное время. К 1917 г. дети обоих полов в возрасте 1–4 лет составляли 98,5 ‰, в городах –

70,5 ‰; соответственно в деревне младенцев было 26,3 ‰; в городе – 18,8 ‰; в деревне детей в возрасте 1 года было 27,6 ‰, в городе – 16,3 ‰.

Отметим также то обстоятельство, что в деревне и до войны был выше уровень рождаемости, к концу войны удельный вес детей в возрасте 5–9 лет был выше, он составлял 158,4 ‰, в городе – 118,2 ‰. Это относится и к детям 10–14 лет: соответственно 146,8 ‰ – в деревне, 120,8 ‰ – в городе[31].

Не столь значительной была разница в 15–16-летнем возрасте: 26 ‰ – в деревне и 22,8 ‰ – в городе; она почти исчезает для мужчин и приобретает обратное значение для женщин в 17-летнем возрасте: в деревне соответственно – 22,2 ‰ и 21,8 ‰, в городе – 21,6 ‰ и 22,1 ‰. Начиная с 18-летнего возраста, шло явное преобладание города над деревней: так, возраст 20–24 лет в деревне составлял 54,3 ‰, в городе – 85,7 ‰.

Возраст 20–29 лет составлял 51,6 ‰ в деревне и 83,3 ‰ в городе. С 19-летнего возраста наблюдается также резкое (особенно в деревне) преобладание женщин. Возраст 30–39 лет составил в деревне 106,2 ‰, в городе – 141,7 ‰; в городе мужчины этого возраста имели уже значительное численное преобладание над женщинами.

Возрастная группа 40–49 лет у мужчин имела больший удельный вес в городе и в деревне, хотя в абсолютных цифрах женщин было по-прежнему значительно больше. Пожилые, особенно после 60 лет, имели тенденцию превышения этих групп в деревне. Группа в возрасте 50–59 лет составила в деревне 74,9 ‰, в городе – 77,4 ‰; группа старше 60 лет соответственно 83,8 ‰ и 64,9 ‰[32].

Анализ аналогичных данных по районам и губерниям Центральной России обнаруживает те же черты и параметры, хотя с определенными колебаниями и отклонениями по отдельным возрастам.

Сравнение с данными 1897 г. показывает резкое падение в 1917 г. удельного веса мужчин в возрасте 20–29 лет. По 23 губерниям региона мужчины этого возраста составляли в 1897 г. 15,7 ‰, в 1917 г. – 7,7 ‰[33].

Исчислив по данным ЦСК и переписей 1916–1917 гг. погубернское соотношение числа мужчин и женщин, можно установить довольно точно число входивших в состав обычного населения мужчин на основании численности женщин, приведенной для соответствующих административных делений.

В некоторых губерниях Центральной России в значительной степени снизилось влияние войны – уход мужского населения в армию компенсировался присутствием военнопленных и беженцев (мужчин). Так, в сельской местности на 100 женщин приходилось мужчин: в Астраханской губернии в 1914 г. – 104,9, в 1917 г. – 104,2; во Владимирской – соответственно 88,7 и 89,9; в Воронежской – 99,7 (1917 г. – сведений нет); в Казанской – 98,5 (1917 г. – сведений нет); в Калужской – 83,7 и 89,1;

в Костромской – 85,9 и 89,6; в Курской – 99,2 и 99,5; в Московской – 86,3 и 86,9; в Нижегородской – 91,7 и 91,4; в Новгородской – 92,2 и 94,7; в Олонецкой – 91,9 и 92,8; в Орловской – 96 и 97,6; в Пензенской – 93,3 и 97,4; в Петроградской – 92,3 и 94,4; в Рязанской – 94,6 и 96,1; в Самарской – 98,4 и 100,7; в Саратовской – 97,5 и 100,2; в Симбирской – 94,7 и 96,8; в Тамбовской – 96,4 и 97,7; в Тверской – 87,7 и 85,9; в Тульской – 89,1 и 98,1; в Ярославской – 78,8 и 83,6[34].

Как правило, численность мужчин значительно отставала от численности женщин в губерниях с промысловым отходом (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская и др.) и была близка к последней в земледельческих губерниях.

В Центральной России к 1918 г. участники Первой мировой войны в возрасте 30 лет и старше составляли более 60 % этих возрастных групп[35]. В это время в регионе насчитывалось св. 500 тыс. чел. с физическими недостатками, из них ок. 70 тыс. – получивших увечья на фронтах Первой мировой войны[36].

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных безвозвратных потерь, существенные изменения в соотношении возрастных групп и полов. Эти внушительные сдвиги значительно повлияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая свое негативное воздействие прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных социальных слоев населения.

3.3. Особенности миграционных процессов

В годы Первой мировой войны практически каждый четвертый житель Центральной России оказался мигрантом. Это не могло не сказаться на ходе не только демографических, но экономических и политических процессов.

Структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени и, в отличие от довоенных лет, коренным образом изменилась. Почти прекратились отход крестьян на заработки, организованное переселение их в многоземельные районы Сибири и Дальнего Востока. Так, если в 1914 г. было зарегистрировано 336 тыс. переселенцев на восток страны, то в 1917 г. – лишь 6 тыс. чел.[37].

Одним из основных видов миграции была значительная военная мобилизация. В годы Первой мировой войны 15–16 млн.чел. было мобилизовано в армию. В 1917–1918 гг. массовые дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащих неконтролируемый характер.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и революционные события 1917 г. выразилась в многочисленном и разно-

образном по направлениям и причинам передвижении беженцев. В период Первой мировой войны наблюдалось перемещение огромных масс эвакуированных и выселенцев из оккупированных и прифронтовых районов в глубь Центральной России. Они направлялись преимущественно в города и вместе с воинским контингентом увеличивали долю городского населения в общей численности региона с 14,6 % в 1914 г. до 18,2 % в 1918 г.

По данным Особого комитета Великой княжны Татьяны Николаевны, покровительствовавшего беженцам, в 1916 г. в центральных губерниях насчитывалось более 3,2 млн беженцев, в том числе 513 тыс. поляков, 286 тыс. латышей, 200 тыс. евреев, 120 тыс. армян и 86 тыс. литовцев. М.М. Гран отмечал, что в целом по Европейской России в 1914–1917 гг. насчитывалось 10–15 млн беженцев. Другую оценку числа беженцев дал Е.З. Волков – 7,4 млн чел. на 1 июля 1917 г.[38].

Революционные события 1917 г. и их последствия вызвали новое мощное миграционное движение в Центральной России, которое не поддается точному измерению. Заведующий переселенческим отделом Народного комиссариата земледелия М.А. Большаков охарактеризовал его следующим образом: «Движение революционной эпохи характеризуется полным отсутствием закономерности, оно вспыхивает то в одном, то в другом месте, его нельзя предугадать, его размер нельзя установить – оно надвигается неожиданно и протекает в болезненных стихийных формах; да и самые причины его теснейшим образом связаны с общей хозяйственной разрухой, с нарушением связей между потребляющими и производящими районами, с ликвидацией промыслов и закрытием ряда промышленных предприятий и т.п.»[39].

Одним из наиболее крупных был отток населения из городов. Согласно подсчетам О.А. Квиткина, основанным на результатах соответствующих переписей, население 358 городов Европейской России уменьшилось с 10,5 млн чел. в 1917 г. до 7 млн в 1918 г.[40]. Причины убыли населения городов заключались в уходе горожан в деревню вследствие продовольственного и промышленного кризисов (только 1 млн рабочих отправился в деревню); в эмиграции части населения за границу, вызванной обстоятельствами войны и революции; в репатриации беженцев и оттоке воинских контингентов; в превышении смертности над рождаемостью.

Другой многочисленный миграционный поток состоял из крестьян, которые в массе своей шли теперь не за землей, а за хлебом. В 1918 г. вновь вспыхнуло переселенческое движение в многоземельные восточные районы страны. За первые четыре месяца 1918 г. за Урал переселилось более 175 тыс. чел. (помимо крестьян, в переселении принимали участие рабочие, создававшие на новом месте жительства трудовые коммуны)[41]. Но военные действия и неурегулированность земельных отношений приостановили движение на восток. Война воспрепятствовала начавшемуся орга-

низованному переселению крестьян из центральных губерний в южные, главным образом на Дон.

В 1914–1918 гг. изменился характер эмиграции. Экономическая эмиграция из западных губерний сменилась оттоком из страны тех, кто не принял новой власти и проживал на территориях, вошедших в состав СССР. Однако существующие оценки количества послеоктябрьских эмигрантов сильно разнятся.

Так, согласно русским архивам в Праге, число эмигрантов из Центральной России составляло 635–755 тыс. чел. Д. Изюмов определял величину русских беженцев в 863 тыс. чел. По замечанию Е.М. Кулишера, эти оценки не отражали всего объема эмигрантов, поскольку не включали в себя тех, кто родился на территориях, утерянных в результате войны, представителей других национальностей, иностранных граждан. Е.М. Кулишер определил численность эмигрантов всех категорий в 1,8 млн чел. Примерно в 3 млн чел. определили объем эмигрантского оттока Г. фон Ришма (на основе данных Красного Креста) и В.Г. Михайловский. С. Максудов увеличил его до 3,5 млн чел.[42]. Наибольшее распространение получила оценка в 2 млн чел., примерно соответствовавшая количеству нансеновских паспортов, выданных выходцам из Центральной России. Полагаем, что вероятное число эмигрантов, по мнению Л.К. Шкаренкова и Ю.В. Мухачева, составляло порядка 2 млн чел.[43].

Многочисленными и важными по последствиям были и другие эмиграционные потоки, в частности, взаимообратные движения военнопленных и репатриантов (бывших беженцев) в государства, образованные на территории бывшей Российской империи. В военный период насчитывалось порядка 2,4 млн русских военнопленных. Кроме того, еще в начальный период войны в Германии было задержано ок. 200 тыс. рабочих и ок. 65 тыс. представителей интеллигенции из России. В свою очередь, в Центральной России находилось примерно 2,2–2,6 млн вражеских военнопленных, главным образом из Австро-Венгрии[44]. При этом пленные славянского происхождения расселялись преимущественно в Центральной России, венгры и немцы – в отдаленных местах Российской империи.

Первая мировая война привела к резкому спаду эмиграционного движения из Центральной России. По существу, это были остаточные проявления мирного времени. За рубеж в годы войны, как правило, уезжали лица, которые уже были в пути, попали в нейтральные страны (Скандинавию, Голландию и т.д.) и не решались вернуться обратно. Война вызвала миграции совершенно особого, специфического характера – движение беженцев от наступающих войск неприятеля с их последующим возвращением как правило, частичным, в родные места.

Эвакуация населения из районов, охваченных войной, началась уже в конце 1914 г. в связи с вторжением немецких войск в польские губернии. В

1915–1916 гг. в результате военных неудач русской армией были оставлены Курляндская, Гродненская и часть Волынской губерний; бегство населения оттуда приняло массовый характер. В 1917 г. после оставления части Лифляндской губернии и начала наступления немцев по всему фронту эвакуация охватила фактически всю Прибалтику, Украину и Белоруссию.

Беженцам оказывалась материальная помощь, их устраивали на работу. Особый комитет Великой княжны Татьяны Николаевны занимался этим вопросом и вел учет численности и размещения беженцев в стране. По данным Л.И. Лубны-Герцыка, к началу 1915 г. было зарегистрировано 0,9 млн беженцев, на 2 декабря 1915 г. – 2,7 млн, на 29 мая 1916 г. – 3,3 млн. Основная их масса разместилась в центральных губерниях империи (1915 г. – 45,1 %, 1916 г. – 40,6 %); в прифронтовых губерниях беженцев проживало в 1915 г. – 29,9 % общего их числа, в 1916 г. – 25,9 %; на юге Европейской России в 1915 г. было зарегистрировано 13,3 % всех беженцев, в 1916 г. – 12,3 %; на окраинах их оказалось немного (в Сибири в 1915–1916 гг. – ок. 80 тыс., в Средней Азии – 115 тыс., в Закавказье – 160 тыс. чел.). Максимальное число беженцев расселилось в Екатеринославской (175 тыс.), Самарской (142 тыс.), Саратовской (114 тыс.), Тамбовской (125 тыс.), Минской (110 тыс.) и Харьковской (117 тыс.) губерниях. На начало 1918 г. только в центре России числилось до 3,3 млн. беженцев, затем их число возросло[45].

Приведенные цифры не могут считаться достаточно точными. Они лишь отражают масштабы этого массового явления и свидетельствуют о том, что, хотя немало беженцев не возвратилось в места постоянного проживания, все же эта миграционная волна (в отличие от других видов миграций) не оставила достаточно заметного следа в России.

На территорию Польши в основном из Центральной России прибыло 4,1 млн чел. временных мигрантов, среди которых репатриантов оказалось лишь ок. 1 млн чел. В Польшу хлынул огромный поток, среди которого было ок. 0,5 млн польских возвращенцев из Германии, находившихся там на временных работах, 65 тыс. немцев и австрийцев. Очень много поляков выехало с Украины, в том числе и ок. 600 тыс. русских; среди них преобладали представители «белой» эмиграции, которые затем бежали дальше в Европу (Германию, Францию и т.д.)[46].

В Литву в 1917–1918 гг. вернулось 215 тыс. беженцев, но 35 тыс. в 1914–1915 гг. выехавших в Центральную Россию остались. В то же время население Литвы в 1914–1923 гг. уменьшилось на 228,8 тыс. чел. Это подтверждают данные о том, что в Литву из Центральной России вернулась большая часть беженцев, общее число которых оказалось не столь значительным. Иная ситуация сложилась в Латвии. В 1914–1918 гг. сюда из Центральной России прибыло 220,5 тыс. чел. (обратно вернулось только

10 тыс.). В то же время население Латвии в 1914–1925 гг. уменьшилось на 530 тыс. чел. По разным причинам ок. 300 тыс. жителей Латвии так и не вернулось на родину из Центральной России. В Эстонии в 1914–1922 гг. численность населения уменьшилась на 127,6 тыс. чел. Уезжали из Эстонии в Центральную Россию в основном русские. Невосполненный отток отсюда жителей достигал 100 тыс. чел. Так, только в Таллине в 1917 г. русских было 40 тыс. чел. (25,6 % всего населения), а в 1918 г. всего 5,2 тыс. (4,9 %).

Итак, в целом в Польшу, Литву, Латвию и Эстонию в 1917–1920 гг. из Центральной России возвратилось ок. 2 млн. репатриантов, а общий отток населения из России составил не менее 5 млн. чел., в том числе ок. 700 тыс. русских, из которых большая часть вскоре ушла дальше в другие государства Европы[47].

Следует также учесть взаимный обмен военнопленными с Германией и Австро-Венгрией. Уже к 1 января 1918 г. оттуда в Россию возвратилось 3171,1 тыс. чел. русских пленных, или 93 % от их общего числа, составлявшего 3409 тыс. чел. Из России к 1920 г., в связи с договоренностью об отсрочке возвращения, выбыло 1409,6 тыс. чел. (из общего их числа, равного 2260 тыс. чел.)[48].

До сих пор остается не выясненным до конца вопрос масштаба «белой» эмиграции. Как справедливо отмечал Ю.А. Поляков, он вряд ли может быть решен на базе источников, имеющихся в распоряжении исследователей в России. К тому же, часть «белых» эмигрантов попадала в состав репатриантов, а некоторые таковыми и являлись.

К 1921 г., по данным Лиги Наций, российских эмигрантов в Польше насчитывалось 650 тыс. чел., в Германии – 300 тыс., во Франции – 250 тыс., в Югославии – 50 тыс., в Греции – 31 тыс., в Болгарии – 30 тыс., в Румынии – 100 тыс., в Финляндии – 19 тыс., в Турции – 11 тыс., в Египте – 3 тыс. В это число входило 100 тыс. немецких колонистов, 65 тыс. латышей, 55 тыс. греков, 12 тыс. карел и т.д. Попытка учесть «белых» эмигрантов по статистике стран пребывания показала, что в Польше их оказалось к 1923 г. 588,7 тыс. чел., почти все они прибыли туда в 1918 г. (321,3 тыс. чел.) и в 1919 г. (234,5 тыс. чел.). Однако перепись 1931 г. учла в Польше только 140 тыс. русских (с репатриантами), намного меньше, чем их было здесь в 1897 г. (почти 270 тыс. чел.); в 1931 г. русские концентрировались преимущественно в Виленском (45,4 тыс. чел.), Белостокском (35,1 тыс.) и Волынском (23,4 тыс.) воеводствах[49]. Тем не менее, большая часть политических эмигрантов навсегда осталась на чужбине.

Не меньшее, по сравнению с Первой мировой войной, влияние на движение населения в России оказали революционные события 1917 г.

Прирост населения сельских местностей Центральной России с конца Первой мировой войны и в годы революции может быть объяснен прежде

всего притоком в них городских жителей. Подсчитанное соотношение населения сельских местностей в 1918 г. к населению в 1914 г. по губерниям составило: в Московской губернии – 88,5 %, во Владимирской – 88,9 %, в Нижегородской – 94,4 %, в Костромской – 95,1 %, в Петроградской - 97,4 %, в Орловской – 98 %, в Пензенской– 99,8 %, в Новгородской – 99,9 % в Калужской – 103,2 %, в Саратовской – 103,4 %, в Рязанской – 106,4 %, в Тамбовской – 107,5 %, в Тульской– 108,5 %, в Симбирской – 108,9 %, в Тверской – 110,4 %, в Ярославской – 114,9 %[50].

Как уже указывалось, это был период голода в городах, когда вследствие общей хозяйственной разрухи и весьма значительного сокращения промышленности и торговли городское население оказалось в крайне тяжелых материальных условиях, что вызвало своеобразное «беженство» из городов в деревню. При этом мигрировало не только население больших городов; провинциальные промышленные и фабричные поселки оказались в еще более тяжелом положении, чем крупные города.

Городское население спасалось от голода туда, где ему представлялась большая возможность поддержать свое существование: на родину к родственникам, проживавшим в деревне, или в те губернии, которые всегда славились обилием продовольствия. Первым направлением миграционных потоков (на родину к родственникам столичного и вообще городского населения промышленных центров) объясняется прирост населения в таких губерниях, как Ярославская, Тверская, Тульская, Рязанская, Калужская. Вторым направлением (в поисках продовольствия) объясняется приток населения в Саратовскую, Симбирскую, Тамбовскую и другие «хлебные» губернии. Помимо этого, численность сельского населения увеличивали также дезертиры с фронта.

Убыль населения в северо-западной губернии (Олонецкой), далеко расположенной от столиц, объясняется отсутствием сколько-нибудь значительного прилива мигрантов из городских поселений и разрушающим влиянием войны (в частности, сокращением рождаемости). Сельское население промышленных губерний: Московской, Петроградской, Владимирской, Костромской, Нижегородской – находилось в положении, напоминавшем городское, и имело те же мотивы к миграции с насиженных мест.

О влиянии Первой мировой войны и революционных событий на миграции в города можно судить по следующим данным. Особенно велик был прирост населения столиц. В Москве он достиг огромных размеров: переписью 1912 г. было установлено 1617,7 тыс. жителей, по исчислению на 20 ноября в ней оказалось уже 1983,7 тыс. чел., а на 1 февраля 1917 г. – 2017,2 тыс. чел., с включением некоторых пригородов – даже 2043,6 тыс. чел. В Петербурге (Петрограде) численность населения определялась к середине 1912 г. в 2035,6 тыс. чел., в 1913 г. – 2124,6 тыс. чел., в 1914 г. – 2217,5 тыс. чел., в 1915 г. – 2314,5 тыс. чел., в 1916 г. – 2415,7 тыс. чел.,

в 1917 г. – 2420 тыс. чел. Следовательно, и здесь прирост населения составил 400 тыс. чел., или ок. 20 % по отношению к населению города в 1912 г., тогда как в Москве по отношению к тому же году он достигал 24 %. Значительную часть этого прироста составляли беженцы и военнопленные. Специальной переписью беженцев, произведенной в Петрограде 29 февраля 1916 г., было насчитано 100,7 тыс. чел., осевших в этом городе. По предварительным сведениям о числе беженцев на 20 декабря 1915 г., в Москве их числилось 140,1 тыс. чел.[51].

Из сопоставления этих величин видно, что одним притоком беженцев нельзя объяснить прирост столичного населения во время Первой мировой войны. Очевидно, здесь действовали также другие факторы, связанные с повышенным темпом общественной жизни в сложный период существования государства; это было время лихорадочного состояния страны, когда оба «сердца» России усиленно пульсировали.

Первая мировая война, а также революционные события внесли резкий перелом в движение городского населения. Нарушение темпа хозяйственной жизни и острые затруднения в снабжении городов продовольствием привели к весьма сильной убыли в них населения как за счет повышенной смертности, так и вследствие отлива городского населения в сельские местности. При этом снижение численности населения было тем выше, чем крупнее был город.

Особенно велика была убыль населения Петрограда, частично в связи с переводом резиденции правительства в Москву. В Петрограде насчитывалось в 1917 г. 2420 тыс. чел., в 1918 г. – 1469 тыс. чел. В Москве население сократилось с 1701,3 тыс. жителей по переписи 1917 г. до 952,2 тыс. чел. по переписи 1920 г.[52]. Из сопоставления исчисления на 1 февраля 1917 г. с цифрами переписи того же года (проходившей летом) можно заключить, что отлив населения из Москвы начался уже с весны 1917 г., надо полагать, в значительной степени в связи с начавшейся национализацией в аграрном секторе экономики.

Первая мировая война чрезвычайно ослабила и сократила переселенческое движение из Центральной России в восточные регионы страны. Влияние ее сказалось уже в 1914 г. В первые семь месяцев 1914 г. в путь отправилось 230,1 тыс. переселенцев из общего числа зарегистрированных в течение этого года 241 тыс. и 93,6 тыс. ходоков из общего их числа в 94,5 тыс.; в общей сложности 323,8 тыс. чел. из 336,4 тыс., то есть 96,2 % от всего числа переселенцев. Хотя и в обычных условиях осенью переселенческое движение значительно ослабевало, но все же столь резкого падения раньше не наблюдалось. В 1912 г. на осень приходилось 16,6 % переселенцев, а в 1914 г. всего 2,3 %, то есть в 7 раз меньше по сравнению с 1912 г.

В последующие годы войны количество переселенцев опустилось до крайне низкого уровня, причем в 1917 г. число обратных переселенцев

даже превысило численность прямых переселенцев, проследовавших из Центральной России в Сибирь. Так, в 1916 г. в прямом направлении ушло 9,2 тыс. чел., в том числе переселенцев – 9,1 тыс. чел., ходоков – 92 чел.; в обратном направлении двигалось 6,9 тыс. чел., из них переселенцев 6,8 тыс. чел., ходоков – 109 чел.; в 1917 г. в прямом направлении проследовало соответственно 4,8 тыс. чел., 4,7 тыс. чел., 89 чел.; в обратном направлении – 5,8 тыс. чел., 5,8 тыс. чел., 28 чел.[53].

Революционные события вызвали новые изменения в переселенческом движении. С одной стороны, его ослабила начавшаяся национализация земли. Надежда увеличить свое землепользование при разделе частновладельческих земель, несомненно, задержала на родине многих крестьян, которые при иных обстоятельствах пополнили бы ряды переселенцев. Все это, однако, не приостановило переселения и вскоре после окончания войны оно снова начало расти. Впрочем, это движение резко отличалось от довоенного как по местам выхода, так и по характеру причин, его вызывавших.

3.4. Изменения в социально-профессиональном составе городского и сельского населения

Социально-профессиональная структура Центральной России в годы Первой мировой войны была характерна для общества со средним уровнем развития, но обладала вместе с тем многими особенностями. Аграрно-индустриальный характер экономики региона обусловил значительное преобладание сельского населения над городским. Развитие капиталистических отношений привело к созданию многочисленных рабочих в городе и деревне. При этом в деревне сохранялись значительные пережитки прежнего уклада.

Весьма специфичной была социальная структура многих народов Северо-Западного и Поволжского районов, особенно Олонецкой и Астраханской губерний, в среду которых новый экономический уклад или не проник вовсе, или только начинал проникать. У ряда этих народов отсутствовали рабочие, национальные предпринимательские слои лишь начали зарождаться, и социальная структура отражала преобладание средневекового уклада.

Несмотря на имеющиеся отдельные противоречия в статистических данных, характеризующих социальные слои и группы, общие показатели социальной структуры региона достаточно ясны. Они могут быть представлены следующим образом.

Так, в Центральной России в 1914 г. городское население составляло 17 %, а сельское – 83 %. Помещики, предприниматели и высшее чиновничество составляли 15,9–16,3 %, в том числе сельские предприниматели –

11,4–12,3 %; интеллигенция и служащие – 2,2 %; рабочие – 14,8 %, в том числе сельскохозяйственные – 3,5–4,3 %; средние и низшие слои крестьянства и кустарей – 65,1–66,7 %[54].

Доля рабочих в 1913 г. (включая членов семей) определяется различными источниками и авторами в 16–17 % по отношению к общей численности населения. Эта цифра включает в себя городских и сельских рабочих, а также служащих госаппарата и социально-культурных учреждений. Представляется правильным выделить интеллигенцию и служащих в особую группу. Такое выделение проводится в ряде работ, где удельный вес интеллигенции и служащих в период мировой войны определяется в 2,2 %. В соответствии с этим удельный вес рабочих определяется в 14,8 %, включая сельскохозяйственных рабочих – 3,5 %. Преобладали по численности рабочие, занятые в крупной промышленности. Наиболее многочисленной группой рабочих были металлисты. За годы Первой мировой войны число рабочих, занятых в металлообработке и машиностроении, значительно увеличилось. Второй по численности группой рабочих были текстильщики.

Основная масса рабочих была сосредоточена в главных промышленных районах – Центрально-Промышленном и Северо-Западном – и прежде всего в двух столичных губерниях – Петроградской и Московской[55]. Крестьянство все больше переставало быть единым сословием, в нем все заметнее развивались процессы социальной дифференциации. Удельный вес зажиточных мелких хозяев и беднейших хозяев в общей массе населения определяется разными источниками в 65–70 %. Относительно и абсолютно преобладали низшие слои крестьянства – хозяйства, имевшие минимальный земельный надел, зачастую не обладавшие рабочим скотом, коровой, необходимым инвентарем[56].

Низшие служащие, интеллигенция, рабочие, средние и низшие слои крестьянства являлись основной массой трудового населения и составляли подавляющее большинство жителей региона, значительно меньшими показателями отличались высшие слои населения – помещики, чиновничество, предприниматели.

Помещики – представители дворянства в Центральной России – были тесно связаны с торгово-финансовыми и промышленными кругами. Процесс переплетения старых и новых землевладельцев продолжался с неослабевающей силой вплоть до октября 1917 г. В сотни старинных поместий пришли новые хозяева, многие из которых одновременно владели промышленными и торговыми предприятиями в городах или являлись представителями сельских предпринимателей. Поэтому численность собственно помещиков почти не поддается определению. По данным 1917 г., в 23 губерниях Центральной России существовали 47,3 тыс. частновладельческих хозяйств. В этих хозяйствах проживало 380 тыс. чел. В руках помещиков

региона находились огромные земельные площади. Некоторым помещичьим семьям принадлежали гигантские латифундии, равных которым не было ни в одной стране мира. Николай II и императорская семья владели более чем 8 млн дес., гр. С.Строганов – 1,5 млн, кн. Г.Витгенштейн – 800 тыс., кн. Г.Гогенлоэ – 712 тыс., кн. С.Голицын – 1 млн и т.д.[57].

Большинство источников вообще не выделяет в самостоятельную группу помещиков. Доля помещиков, городских и сельских предпринимателей определяется на 1913 г. суммарно в 15–17 %. Уровень состояния источников не позволяет в настоящее время дать более или менее точное определение численности не только помещиков, но различных групп городских предпринимателей (крупных, средних, мелких), высших чиновников и пр.[58].

Численность сельских предпринимателей и зажиточных крупных хозяев-крестьян также не поддается точному подсчету. По данным статистического сборника 1936 г., можно определить этот социальный слой в 1913 г. в 12,3 %. В литературе более поздней приводятся, полагаем обоснованно, данные о меньшем удельном весе сельского предпринимательства в общей массе населения – 11,4 %[59].

В ходе Первой мировой войны приток в армию офицеров шел в колоссальных масштабах, превысив довоенный уровень в 6–7 раз и существенно изменив его демографический, возрастной и социальный состав. За неделю до войны раньше срока были произведены в офицеры 2,8 тыс. выпускников военных училищ; с объявлением мобилизации в армию прибыли еще свыше 40 тыс. офицеров из отставки и запаса; с начала войны было сделано еще три выпуска из военных училищ подпоручиков, хотя и раньше срока, но с правами кадровых офицеров: в августе 1914 г. – 350 чел. в артиллерию, в октябре – 2,5 тыс. – в пехоту, в декабре – 455 – в артиллерию и 99 – в инженерные войска. Были выпущены почти все юнкера, поступившие в военные училища в 1913 г.

С сокращенным сроком обучения в дальнейшем стали выпускать только офицеров, правда, с чином прапорщика. Первый выпуск офицеров военного времени состоялся 1 декабря 1914 г., кроме того, офицеров готовили в специально созданных школах прапорщиков. К маю 1917 г. было подготовлено 172,3 тыс. прапорщиков, в том числе окончивших ускоренные курсы при военных училищах и в Пажеском корпусе – 63,8 тыс.; произведенных по экзамену при инженерных училищах по программе ускоренного курса – 96 чел.; окончивших школы прапорщиков, комплектовавшиеся из воспитанников высших учебных заведений, – 7,4 тыс.; окончивших обычные школы прапорщиков – 81,4 тыс.; произведенных за боевые отличия как с правами по образованию, так и без них – 11,4 тыс.; произведенных на фронте и в тылу по представлению строевого командования лиц с высшим и средним образованием – 8,1 тыс. В мае-октябре 1917 г. из военных учи-

лищ было выпущено 14,7 тыс. прапорщиков, а из школ прапорщиков – 20,1 тыс.; за девять месяцев 1917 г. военные училища подготовили 28,8 тыс. офицеров, а школы прапорщиков – св. 40 тыс. С учетом произведенных в этот период на фронтах общее количество подготовленных за войну прапорщиков составило св. 220 тыс. чел.[60].

Основной массой выпускников школ прапорщиков и ускоренных курсов военных училищ периода войны были выходцы из крестьян и мещан, причем доля выходцев из низов с каждым годом увеличивалась. Значительное число прапорщиков готовилось непосредственно на фронте из солдат и унтер-офицеров. В целом из общего числа произведенных в годы войны в офицеры св. 80 % происходило из крестьян и только 4–5 % – из дворян[61]. Это свидетельствует о том, что на протяжении 1914–1917 гг. социальный состав офицерства изменился коренным образом: из относительно замкнутого, отмеченного чертами кастовости общественного слоя, ближе всего находившегося к привилегированному дворянству, он превратился в разношерстную социальную группу, значительную часть которой составили представители демократической интеллигенции и крестьян.

Полных данных о дворянском землевладении к 1917 г., к сожалению, не имеется. Вместе с тем отрывочные и неполные сведения дают следующие количественные замеры дворянской земельной собственности региона. На 1 января 1916 г. 81,8 % заложенных земель принадлежало потомственным дворянам. Наибольшее количество таких земель было в губерниях с развитым дворянским землевладением: в Симбирской – 85 %, в Пензенской – 79 %, в Саратовской – 76 %, в Воронежской – 75 %, в Казанской – 74 %, в Тульской – 78 %, в Орловской – 70 %. Если в Поволжье было заложено 73 %, в Центрально-Земледельческом районе – 61,2 %, то в Центрально-Промышленном – только 30,5 % частновладельческих земель[62].

Однако если учесть, что в годы Первой мировой войны процесс перераспределения земли практически прекратился, то можно считать, что показатели 1914 г. вполне отражают состояние помещичьего землевладения в 1917 г. Итак, основная масса дворянских земель к 1917 г. находилась в руках помещиков-латифундистов, владевших землей, как правило, в нескольких губерниях Центральной России. Так, в Саратовской губернии им принадлежало до 90 % всей дворянской земли, в других губерниях региона – св. 70 % дворянского землевладения[63].

После октября 1917 г. в стране произошли кардинальные социальные изменения. Прежде всего была осуществлена ликвидация социального слоя помещиков. На основе Декрета о земле, принятого II Всероссийским съездом Советов, земля была национализирована, помещичья собственность на землю отменялась без всякого выкупа. В результате раздела помещичьих, монастырских и принадлежавших членам императорской семьи угодий крестьянство получило примерно 150 млн дес. земли. Ликвидация соци-

ального слоя помещиков означала, что он в целом был лишен своей экономической базы, перестал существовать как социально-экономическая сила.

Ликвидация помещичьего землевладения развернулась в конце 1917 – начале 1918 г. Однако часть территории региона в результате начавшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции уже весной и летом 1918 г. оказалась занятой противниками Советской власти (часть Поволжья и др.), поэтому окончательная ликвидация помещичьего землевладения произошла там позже, после освобождения указанных территорий.

Особенно быстро и решительно экспроприация помещиков проводилась в губерниях Центральной России. В 1917–1918 гг. в Московской губернии было конфисковано 1,9 тыс. помещичьих имений. В Можайском уезде насчитывалось 79 имений, из них 60 были взяты на учет в январе 1918 г. До середины февраля 1918 г. были учтены все имения Волоколамского уезда. В Тверской губернии, по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., насчитывалось 1,7 тыс. помещичьих имений. Из 970 наиболее крупных имений 810 были взяты на учет с ноября 1917 г. по май 1918 г. Массовая конфискация помещичьих имений в губернии происходила с ноября 1917 г. по февраль 1918 г.

Во Владимирской губернии в 1917 г. насчитывалось ок. 4 тыс. частновладельческих хозяйств. С ноября 1917 г. по май 1918 г. из 3,3 тыс. помещичьих имений, о которых имеются сведения, были взяты на учет почти все. К концу апреля 1918 г. конфискация имений в губернии практически полностью закончилась. Наиболее крупные имения – кн. Голицына, купца Демидова, акционерного общества «Торф» (Гороховицкий уезд) – поступили на учет еще в декабре 1917 г.[64]. По подсчетам П.Н. Першина, с ноября 1917 г. по январь 1918 г. в центральных губерниях России было конфисковано св. 3/4 общего количества помещичьих имений[65].

Одновременно с конфискацией проводилось выселение из имений их бывших владельцев. Наиболее крупные помещики – князья, графы, высшие чиновники – в большинстве случаев оставили свои поместья еще накануне установления Советской власти в уездах, где находились их имения. Выселение средних и мелких помещиков, их управляющих, крупных арендаторов в губерниях Центральной России почти полностью завершилось к осени 1918 г. В Орловской губернии в 1918 г. было выселено из своих имений ок. 90 % всех помещиков, в Ярославской губернии – примерно 2/3 их общей численности.

Еще в начале 1918 г. покинули свои имения крупные землевладельцы Ярославской губернии: кн. Куракины, гр. Шереметевы, гр. Мусины-Пушкины, Шебеко и др. В августе 1918 г. Мышкинский уездный исполком принял решение о выселении помещика Тропина за агитацию против Советской власти среди крестьян; он был арестован органами ВЧК. В сентябре 1918 г.

Мышкинский уездный земотдел предложил в двухнедельный срок покинуть имения двум крупным помещикам – Черкасову и Мануйлову. В октябре 1918 г. Троицкий волостной Совет Рыбинского уезда принял решение выселить в течение двух недель за пределы волости помещиков Коньковых, Сабанеевых, Масляковых, Демидовых, Бостельман и Опочинина.

В некоторых случаях новая власть проявляла гуманное отношение к тем помещикам, которые не участвовали в выступлениях против нее и соблюдали законы и распоряжения Советской власти. Так, например, постановлением Александровского уездного исполкома Владимирской губернии от 12 ноября 1918 г. предписывалось всех владельцев имений выселить, нетрудоспособных передать в распоряжение отдела социального обеспечения для определения в приюты и дома престарелых[66].

Некоторым помещикам, не оказывавшим сопротивления проведению советских законов, разрешалось проживать в их бывших имениях, при этом им ставилось в качестве обязательного условия перейти на положение трудящихся, не использовать наемный труд. Вопросы о проживании в имениях бывших помещиков обычно решались крестьянскими сходами, которые обращались с соответствующими ходатайствами в местные Советы. В имениях оставались преимущественно те бывшие владельцы, которые имели профессии врача, учителя, агронома и т.п. Так, бывшему владельцу имения Грандалово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, имевшему до 1917 г. 300 дес. земли, было оставлено для ведения хозяйства 7 дес. В том же уезде у бывшим помещикам ранее принадлежало 2,7 тыс. дес. земли. После конфискации они получили для ведения хозяйства 190 дес.

Однако на деле в имениях осталась незначительная часть бывших помещиков, причем это были главным образом выходцы из крестьян, представители интеллигенции, лица, в прошлом участвовавшие в выступлениях против абсолютизма, и т.п. В их распоряжении находилось небольшое количество земли. Так, в восьми уездах Тверской губернии, где, по переписи 1917 г., числилось 1,6 тыс. частновладельческих хозяйств, к 1918 г. проживал всего 181 бывший помещик. В Орловском, Елецком, Волховском и Ливенском уездах Орловской губернии в 1917 г. насчитывалось св. 2 тыс. имений, в которых имелось 230 тыс. дес. земли. После ликвидации помещичьего землевладения в этих уездах осталось 243 бывших помещика, они пользовались 2 тыс. дес. Земли[67].

В центральных губерниях Европейской России экспроприация помещиков и других нетрудовых землевладельцев в основном завершилась в течение первой половины 1918 г. По сведениям Наркомзема РСФСР, в регионе 86 % всех земель помещиков перешло к крестьянам-единоличникам, ок. 11 % – поступило в распоряжение Советского государства, примерно 3 % – использовалось кооперативами. В результате первых советских аграр-

ных мероприятий землепользование крестьянства увеличилось на 70 %. Крестьяне-единоличники получили различного помещичьего инвентаря на сумму 350 млн руб. золотом; совхозам было передано 23 тыс. лошадей, а крестьянам-единоличникам – св. 300 тыс.; коров – соответственно 43,4 тыс. и более 200 тыс.[68].

Сразу после октября 1917 г. началась ликвидация крупных и средних городских предпринимателей. Эти социальные слои сходили с исторической сцены в результате развернувшейся с конца 1917 г. национализации фабрик и заводов, частных банков, торговых предприятий, торгового флота, доходных домов и пр. В апреле 1918 г. произошла национализация внешней торговли; 28 июня 1918 г. был подписан правительственный Декрет о всеобщей национализации крупной промышленности.

К концу Гражданской войны подавляющее большинство крупных и средних промышленных предприятий Центральной России было национализировано. На основе постановления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) началась национализация мелких частных предприятий с числом рабочих от 5 до 10[69].

Таким образом, в 1918–1920 гг. были в основном ликвидированы крупные и средние слои городских предпринимателей. Эти слои, лишенные своей экономической базы, перестали существовать как самостоятельная социальная сила. С одной стороны, многие представители предпринимателей, сохранив определенные материальные ценности, связи, организационные навыки, занимались в различной форме непроизводительной деятельностью, в частности, вели спекулятивную торговлю. С другой стороны, определенное число бывших специалистов стало служить Советскому государству.

Большинство высших чиновников, тесно связанных с помещиками и предпринимателями, выступили против преобразований и поэтому были изгнаны из государственного аппарата. Вместе с тем основная масса служащих-специалистов продолжала свою работу.

В годы Первой мировой войны в городах Центральной России по численности преобладали рабочие, занятые в крупной промышленности. Наиболее многочисленной группой рабочих были металлисты, число рабочих мест в металлообработке и машиностроении значительно увеличилось. Второй по численности группой были текстильщики. Основная масса рабочих сосредоточивалась в главных промышленных районах – Центрально-Промышленном и Северо-Западном – прежде всего в двух столичных губерниях – Петроградской и Московской[70].

Изменение численности рабочих региона в годы войны происходило в разных отраслях производства неодинаково: в одних отраслях наблюдался процесс сокращения, в других – заметный рост. Так, в хлопчатобумажной промышленности число рабочих снизилось на 4 %; в машиностроении,

наоборот, увеличилось на 114,6 %; в химической промышленности – на 59,5 %. По данным промышленной и профессиональной переписи 1918 г., число промышленных рабочих на постоянно действовавших с 1913 по 1917 гг. предприятиях увеличилось на 18,5 %. Особенно быстрый рост числа рабочих был в производствах, работавших на нужды войны; например, в группе, производящей вооружение, число рабочих увеличилось на 85,6 %; по другим отраслям производства этот рост был еще выше. Так, в группах по производству машин, инструментов и аппаратов к 1917 г. число рабочих составило 211 % от уровня 1913 г.

Несмотря на произошедшие изменения в численности и составе рабочих региона к 1917 г., доля рабочих фабрично-заводской промышленности, включая предприятия, подчиненные фабричной инспекции, и казенные предприятия, составила 19,3 %, а сельскохозяйственных рабочих – 24,3 %. Незначительным был удельный вес строительных рабочих, рабочих железнодорожного и водного транспорта, чернорабочих и поденщиков, рабочих учреждений связи, торговли, однако довольно высоким был удельный вес в общей массе лиц наемного труда – прислуги в учреждениях, на предприятиях и в домах – 11,3 %[71].

Соотношение численности промышленных рабочих, занятых на предприятиях, обслуживавших нужды обороны, и на предприятиях, не принимавших участия в этих работах, представлено в прил. 1. Эти далеко не полные данные по предприятиям, учтенным промышленной переписью, характеризуют передвижение рабочих из такой отрасли производства, как текстильная промышленность, в которой до войны была сосредоточена половина всех рабочих, в военную промышленность. Численность рабочих в ней увеличилась до 33,1 % в 1917 г.

Статистический материал фабричной инспекции охватывает значительную массу промышленных рабочих и дает интересные сведения о его территориальном размещении, распределении по важнейшим отраслям производства и степени концентрации. Однако следует помнить, что предприятия, принадлежавшие казне, Военному ведомству, Горному департаменту, а также многочисленные мелкие частные предприятия, не подчинялись надзору фабричной инспекции. Например, на 31 казенном заводе, расположенном в Петроградской губернии, было сосредоточено 134 тыс., или 30 % рабочих, занятых на всех предприятиях губернии[72].

Динамика изменения состава рабочих по полу на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в различных отраслях производства Центральной России в 1914–1917 гг. показана в прил. 2. Анализ этих данных свидетельствует о том, что в годы войны состав рабочих по полу сильно изменился. Если в 1914 г. было зарегистрировано всего 36,7 % женщин в обрабатывающей промышленности, то в 1917 г. женщины составляли 46,6 %,

в текстильной промышленности – соответственно 55,8 % и 64,5 %; по другим отраслям – 17,7 % и 28,7 %.

Состав рабочих-мужчин по возрасту также претерпел изменения вследствие сокращения призывных возрастов. Численность промышленных рабочих наиболее трудоспособного и детородного возрастов заметно сократилась. Сведения о возрастно-половом составе рабочих на прядильных и ткацких фабриках свидетельствуют о том, что убыль рабочих-мужчин была компенсирована за счет женщин, подростков и малолетних, численность которых увеличилась вдвое. В целом в текстильной промышленности региона сокращение мужской рабочей силы к 1917 г. составило в среднем 28,1 %.

Сводные материалы Комитета по хлопкоснабжению, а также Общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности содержат данные о числе рабочих на отделочных фабриках Центральной России в 1914–1917 гг. Из этих данных видно, что число рабочих-мужчин сократилось на 27 %, число женщин увеличилось на 21,8 %, подростков и малолетних – на 3 %. Убыль мужчин на этих предприятиях не была компенсирована за счет женщин, подростков и малолетних. Общее число рабочих к 1917 г. снизилось на 10 %.

Возрастно-половой состав рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, к 1917 г. выглядел следующим образом. Удельный вес мужчин всех возрастов в общей массе рабочих составлял 59,8 %, женщин – 40,2 %; резко поднялся также удельный вес подростков и малолетних. Это было характерно для всех отраслей промышленного производства за исключением предприятий по обработке минеральных веществ. Общая доля подростков и малолетних в целом увеличилась на 41,4 %, причем в металлургической промышленности – более чем на 100 %, в кожевенной – на 200 %, а в добывающей – почти на 700 %. Наибольший удельный вес малолетних (10,5 %) приходился на производство по обработке камня, земли и глины. Труд подростков больше всего применялся в производствах льна, пеньки и прочих волокнистых веществ (11,2 % общего числа рабочих) и в полиграфическом производстве (16,2 %). Подростки-девочки преобладали в текстильной промышленности: в возрасте 15–17 лет работавшие на обработке хлопка составляли 58,5 %, шерсти – 55,3 %, льна – 68,8 %. В 1917 г. удельный вес подростков и малолетних в общей численности рабочих всех предприятий текстильной промышленности повысился до 17 %, на предприятиях по обработке шелка, льна, пеньки, джута – до 21 %, в бумажной промышленности – до 23,5 %.

На предприятиях, работавших на оборону (по всем отраслям производства), мужчин было на 20 % больше, а женщин – на 50 % меньше, чем на других предприятиях. В некоторых отраслях производства работали почти одни мужчины: в добывающей промышленности – 99,9 %, на пред-

приятиях по обработке металла – 82 %, по обработке дерева – 81 %, в химическом производстве – 60,7 % (прил. 3).

В годы войны в составе рабочих Центральной России увеличилось число женщин, детей и подростков, состав рабочих пополнился за счет эвакуированных рабочих и крестьян, а также представителей мелких хозяев города и деревни. Пестрый в национальном, социальном и возрастно-половом отношениях контингент усложнился в годы Первой мировой войны. Принудительный характер труда военнопленных и низкая оплата беженцев делали эти группы для промышленности региона балластом, временным и случайным элементом в составе рабочих.

Самым сильным ударом, который Первая мировая война нанесла крестьянскому хозяйству, явилась мобилизация на фронт мужского населения рабочих возрастов. По 23 губерниям Центральной России удельный вес мобилизованных составил 22,6 % всех мужчин и 47,4 % трудоспособного мужского населения.

Крестьянские хозяйства сплошь и рядом оставались совсем без работников-мужчин. Это отчетливо видно из данных Всероссийской переписи 1917 г. Количество хозяйств, оставшихся без мужчин, по губерниям составило: в Астраханской – 31,7 %, в Казанской – 24,1 %, в Костромской – 36 %, в Курской – 33,5 %, в Московской – 44 %, в Нижегородской – 34,7 %, в Новгородской – 27,4 %, в Олонецкой – 35,7 %, в Орловской – 29,4 %, в Пензенской – 29,2 %, в Петроградской – 26,2 %, в Рязанской – 33,2 %, в Самарской – 32,3 %, в Саратовской – 30,7 %, в Симбирской – 32 %, в Тамбовской – 26,1 %, в Тверской – 36,8 %, в Тульской – 36,5 %, в Ярославской – 38,1 %[73].

Анализ приведенных данных показывает, что в своих хозяйствах в регионе в 1917 г. осталось лишь 38,7 % трудоспособных мужчин. При этом мужчин рабочего возраста на одно хозяйство приходилось в среднем 0,5–0,6 чел., тех же лиц на 100 дес. посева – 13,8 чел. Наименьшая обеспеченность рабочей силой в расчете на 100 дес. посевов наблюдалась в Нижневолжском и Заволжском районах – 12 чел.[74].

Однако эти средние показатели скрывают очень большие различия в обеспеченности рабочей силой отдельных групп крестьянских хозяйств. В то время как в низших хозяйствах на войну сплошь и рядом шли единственные работники, в хозяйствах богатых и зажиточных оставалось по 2–3 и более работников. В Рязанской губернии, например, у общинников в 1917 г. без работников было 35,6 % хозяйств, тогда как среди хуторян – 24,3 %, то есть в 1,5 раза меньше[75]. Сокращение количества рабочей силы повлекло за собой прежде всего сокращение предложения труда наемных рабочих и батраков в сельском хозяйстве.

В годы войны появился небольшой слой крестьянских хозяйств, преимущественно середняцких, которые прежде обходились силой своей семьи,

вынужденных нанимать батраков для замены ушедших на войну работников. Часто нанимали батраков вдовьи хозяйства.

С учетом наемных работников, занятых в хозяйстве крестьян, наличие рабочей силы в крестьянском хозяйстве Центральной России в 1917 г. можно представить следующими цифрами. Из общего количества рабочей силы по 23 губерниям в 19710,5 тыс. чел. максимальное число лиц трудоспособных возрастов равнялось 12961,1 тыс. чел., то есть 65,8 %. Из них мужчин было 28,1 %, а женщины составляли 71,9 %, или почти 3/4 всех трудоспособных лиц. Напомним, что в помещичьих хозяйствах доля женщин в числе наемных работников составляла в 1917 г. 58,8 %, то есть была значительно меньше, чем в крестьянских хозяйствах[76].

В годы Первой мировой войны женщины впервые стали главной силой в сельскохозяйственном производстве в масштабе всего региона. В целом у крестьян в расчете на посевные площади было больше наличных работников, чем у помещиков. Однако у крестьян было больше женской рабочей силы, а женщины не могли уделять производству равное с мужчинами время так же, как и не могли сравниться с ними в физической силе[77].

С весны и лета 1918 г. сначала в центральных районах и губерниях, а затем и на окраинах развернулась борьба беднейших слоев деревни с сельскими предпринимателями и зажиточными хозяевами из крестьян. Эта борьба проходила при активной поддержке и помощи городских рабочих.

Однако зажиточные сельские хозяева – «кулаки» – еще не были ликвидированы как «класс». Произошла лишь частичная экспроприация сельских предпринимателей при сохранении мелкотоварного хозяйства как основы сельскохозяйственного производства. Частичная экспроприация сельских предпринимателей была проведена главным образом не на основе обобществления их имущества, а путем раздела между мелкими крестьянскими хозяйствами.

Удельный вес сельских предпринимателей в Центральной России резко сократился. Если к 1917 г. они составляли примерно 15 % по отношению ко всему крестьянству, то к концу 1920 г. количество их хозяйств, по подсчетам Ю.А. Полякова, было св. 3 %.[78] При этом почти полностью исчезли многопосевные (св. 25 дес.) хозяйства. В целом сельская буржуазия была значительно ослаблена в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах, меньше – в Северо-Западном районе и Поволжье.

Большинство зажиточных хозяйств превратилось в средние. Однако деятельность многих представителей сельской буржуазии приобрела в значительной мере скрытый, нелегальный характер. Они сокращали запашку, продавали скот, но сохраняли орудия производства, деньги, занимаясь спекуляцией, ростовщичеством. У них оставались потенциальные возможности для быстрого расширения своих позиций.

Итак, после октября 1917 г. и в ходе Гражданской войны социальная структура Центральной России претерпела коренные изменения. Господствующие социальные слои, ранее находившиеся у власти, – помещики, чиновники и городские предприниматели – были ликвидированы как «класс», лишившись не только политического господства, но и своей экономической базы. Сельской буржуазии были нанесены серьезные удары, она сократилась абсолютно и относительно, ее экономические позиции оказались существенно ослабленными.

Представители этих слоев частично продолжали свою непроизводительную деятельность в нелегальной форме, частично перешли в другие социальные слои и группы. Значительная часть высших слоев, принявшая активное участие в вооруженной борьбе против новой власти, будучи разбитой, покинула пределы страны. В 1921 г. за границей находилось от 1,5 до 2 млн российских белогвардейцев (вместе с членами семей). Эта цифра включала также рядовых участников белогвардейских войск. Покинув Родину, эти люди в дальнейшем не вели антисоветской деятельности, искали пути возвращения в Советскую Россию.

Привилегированные слои населения императорской России, как уже отмечалось, были разбиты и в основном ликвидированы. Они были лишены политической власти и экономического могущества. В ходе длительной и ожесточенной Гражданской войны эти социальные слои и группы, оказавшие при поддержке зарубежных стран вооруженное сопротивление новой власти, потеряли значительную часть своих кадров. Многие бежали за границу. Эмиграция имела место и во время других революций, но никогда еще она не носила такого массового характера, никогда не имела такой серьезной политической и военной организации, как это произошло после событий октября 1917 г. в России.

Это было на редкость своеобразное и противоречивое положение. Сотни тысяч людей вышли из состава населения страны демографически; они перешли в категорию жителей других стран. Но в социальном и в политическом плане они занимали определенное место в соотношении социальных сил в России.

В дальнейшем, разумеется, этот фактор в социально-политическом балансе Советской страны сказывался все менее и менее, но непосредственно после окончания Гражданской войны он имел первостепенное значение.

Итак, особенность расстановки социальных сил, сложившейся к концу Гражданской войны, заключалась в том, что господствующие слои, лишенные политической власти, разбитые в вооруженной схватке, лишенные значительной части экономического могущества, сохранили еще значительные позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ численности и демографического состава населения в 1897–1917 гг. позволил обосновать следующие наблюдения и выводы. Будучи крупнейшим в стране, регион Центральной России являлся своеобразным срезом российского государства и общества.

Все приведенные данные и подсчеты свидетельствуют о складывании в довоенный период постоянного населения городов, проживавшего там со своими семьями. Различия в численности мужчин и женщин в городах стали менее значительными. В ряде крупных городов в более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения происходило увеличение численности детей в возрастной структуре.

Демографическая ситуация была типичной для традиционного способа воспроизводства населения. Однако в исследуемый период появились признаки демографического перехода к современному типу воспроизводства населения.

В течение всего изучаемого периода на огромной территории региона при разнообразии социально-экономических и санитарно-бытовых условий определились весьма значительные различия показателей естественного движения населения отдельных территорий. Наряду с местностями, в которых показатели естественного движения населения оставались в целом устойчивыми, имелись такие территории, где происходило некоторое снижение показателей рождаемости и смертности.

С 1900-х гг. до начала Первой мировой войны в Центральной России наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в стране были слишком слабы, чтобы воздействовать на брачность, эти изменения требовали определенного времени. Тем не менее, изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выражалось в постепенном увеличении числа разводов.

В этот период традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались, кроме того, появились новые направления миграционных потоков, в частности, переселение в города, которое стало набирать темп с конца XIX в.

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Центральной России. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья; участие

уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.

В годы Первой мировой войны и революции социально-демографическая ситуация в стране резко изменилась. Мировая война была значительным ударом по уровню рождаемости в Центральной России. Все это в скором времени выразилось в снижении этого показателя. В годы войны уровень рождаемости сократился наполовину. Падение ее происходило непрерывно из года в год.

Одной из главных причин подобной динамики рождаемости являлись миграционные процессы. В первую очередь отметим значительную военную мобилизацию мужчин, которая повлекла за собой длительный разрыв супружеских связей и вызвала сильную диспропорцию полов, что предопределило во многом динамику другого фактора рождаемости – брачность.

Первая мировая война резко изменила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным.

Однако, в отличие от рождаемости, существенных изменений в смертности гражданского населения Центральной России в годы войны не отмечалось, несмотря на указанные негативные факторы. Ее уровень несколько снизился в сельской местности, что было связано со снижением детской смертности в результате падения рождаемости, и несколько повысился в городах, где сосредоточивались беженцы и войска. Кроме того, уровень заболеваемости детскими инфекционными болезнями понизился.

Обычно война в сельской местности больше, чем в городах влияет на численность населения. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужчины призывного возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации.

Первая мировая война деформировала возрастно-половую структуру населения Центральной России. Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, меньшей сопротивляемостью инфекционным болезням, существенно изменила соотношение полов в общей численности населения в пользу женщин.

Значительные изменения в соотношении возрастных групп и полов оказывали влияние на общую демографическую ситуацию в регионе, негативно воздействуя прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных слоев населения.

В годы Первой мировой войны практически каждый четвертый житель Центральной России оказался мигрантом. Структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени и, в отличие от довоенных

лет, коренным образом изменилась. Почти прекратились отход крестьян на заработки и организованные переселения их в многоземельные районы Сибири и Дальнего Востока.

Одним из основных видов миграции была значительная военная мобилизация. В 1917–1918 гг. массовое дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащих неконтролируемый характер.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и революционные события 1917 г. выразилась в многочисленном и разнообразном по направлениям и причинам движении беженцев. В период мировой войны в глубь Центральной России двигалась огромная масса эвакуированных и выселенцев из оккупированных и прифронтовых районов. Они направлялись преимущественно в города и вместе с воинским контингентом увеличивали долю городского населения в общей численности населения региона.

Изменился характер эмиграции. Экономическая эмиграция сменилась оттоком из страны тех, кто не принял Октябрьской революции. Многочисленными и важными по последствиям были и другие эмигрантские потоки, в частности, взаимообратные потоки военнопленных и репатриантов (бывших беженцев) в государства, образованные на территории бывшей Российской империи.

Итак, в данной монографии раскрывается общая картина социально-демографического состава населения Центральной России в 1897–1917 гг. Полученные данные, выводы и наблюдения позволили воссоздать социально-демографическую структуру населения, углубить наши представления о крупнейшем регионе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См.: Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863–1886. Т.1–6; Он же. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России: Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1890. Вып.1; Он же. Характерные выводы из Первой всеобщей переписи //Известия Русского географического общества. СПб., 1897–1898. Т.33; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910; Он же. Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1911; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899–1902. Т.1, 2, 3, 6.

2. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России //Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг., 1916; Он же. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929; Он же. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978; Он же. Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958; Он же. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916; Он же. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. СПб., 1914; Он же. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России// Общественный врач. 1911. №4; Он же. Война и естественное движение населения // Общественный врач. 1915. №1; Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910-1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып.6; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929; Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756–1918 гг.). М., 1947; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика: Избранные произведения. М., 1974; Бинштоk Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России// Медицинская и демографическая статистика. М., 1968; Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902; Он же. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг. М., 1902; Он же. Смертность и рождаемость в капиталистических государствах Европы. М., 1938; Он же. Смертность грудных детей: Статистический очерк. М., 1925; Он же. Санитарно-статистические таблицы: Объяснительный текст и числовые сведения. М., 1910; Чупров А.И. Статистика народонаселения. М., 1910; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год (включительно). СПб., 1910; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги пересе-

ленческого движения за время с 1910 во 1914 гг. (включительно). Пг., 1916; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907; Соколов Д.А., Гребенщиков ВИ. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; Квиткин О.А. Население городов в Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 года // Бюллетень ЦСУ. 1923. №77; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930 и др.

3. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956; Писарев И.Ю. Народонаселение СССР: Социально-экономический очерк. М., 1962; Он же. Население и труд в СССР. М., 1966; Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Он же. Статистика населения. М., 1971; Он же. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. М., 1960; Он же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Он же. Избранное. М., 1985; Он же. Народонаселение: Исследования, публицистика. М., 1976; Он же. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. №1 и др.

4. Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989.

5. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978; Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998; Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения в России в XVII – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. Вып.2; Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. №3; Он же. Естественный прирост, миграция и рост населения Европы и Российской империи в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 2001. №5; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России // Советская этнография. 1980. №6; Они же. Динамика и расселение русского этноса (1678–1917 гг.) // Советская этнография. 1982. №4; Они же. Миграция населения в России в XVIII – начале XX века // Численность, структура, география // История СССР. 1984. №4; Они же. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (Конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. 1980. №3 и др.

6. Миронов Б.Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX – начала XX в.// Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972; Он же. Социальное расслоение русского крестьянства под утлом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории (XIX в. – 30-е годы XX в.). Минск, 1978. Ч.2; Он же. Грамотность в России 1797–1917 годов// История СССР. 1985. №4; Он же. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X–XX вв. // Студиа Хуманистика. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т.1–2; Он же «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: Питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история. 2002. №2.

7. Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987; Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. //Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979 и др.

8. Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения. М., 1990.

9. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Он же. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986; Он же. Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995; Он же. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999; Он же. Гражданская война: Начало и эскалация // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М.1994; Он же. Гражданская война: Взгляд сквозь годы // Там же; Он же. Поиски новых подходов в изучении истории Гражданской войны в России // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994; Он же. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) // Вопросы истории. 1995. №3; Он же. «Воскресить минувший век во всей его истине» // Свободная мысль. 1999. №6; Он же. Двадцатый век в череде столетий // Новая и новейшая история. 1999. №5; Он же. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. №3; Он же. Глава V. Население России в годы Гражданской войны. Демографические последствия голода 1921–1922 гг. // Население России в XX веке. М., 2000. Т.1; Он же (в соавторстве). Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996;. Он же (в соавторстве). Население России в XX веке // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. №2; Он же (в соавторстве). Численность и национальный состав населения России в 1917 г. // Вопросы истории. 1980. №9 и др.

10. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988; Она же. После революционных бурь: Насе-

ление России в первой половине 20-х годов. М., 1996; Она же (в соавторстве). Полвека под грифом «секретно» ...; Она же. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001; Она же. Демографическая дифференциация и социально-имущественное расслоение российского крестьянства в 1920-е годы // Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997; Она же. Занятия населения Москвы в 1900–1920-е годы // Проблемы региональной истории России. Липецк, 1997. Ч.II; Она же. Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999; Она же. Глава VII. Население России в 1920-е годы: Демографическая характеристика, демографические процессы // Население России в XX веке ... Т.1; Она же. Глава XVII. Население России в 1930-е годы: Демографическая характеристика // Там же и др.

11. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Новые источники по учету населения в СССР // Население России и СССР: Новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993; Она же. Крестьянская семья в 1920–1950-е гг.// Население России в 20–50-е гг. М., 1994; Она же. Эволюция крестьянской семьи в России за 60 лет (1897–1959 гг.) //Дискуссионные вопросы Российской истории: Материалы Третьей научно-практической конференции. Арзамас, 1998; Она же (в соавторстве). Глава III. Крестьянская семья в 1897–1917 гг. // Население России в XX веке ... Т.1; Араловец Н.А. Заболеваемость и смертность городского населения России: конец XIX в. – 1920-е годы // Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания ...; Она же. Городская семья в России, конец XIX века – начало XX века: Тип, размер, особенности смертности// Дискуссионные вопросы Российской истории: Материалы Третьей научно-практической конференции ...; Она же. Межнациональные браки в России в 1920-е годы// Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений ...; Она же. Разводимость городского населения РСФСР в 1920-е гг. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте Российской и мировой истории XIX–XX вв. Новосибирск, 1999; Она же. Глава II. Городская семья в конце XIX – начале XX века // Население России в XX веке ... Т.1; Она же. Глава VIII. Городская семья, 1914–1930 гг. // Там же; Она же. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социальных знаний: Сборник научных статей. Барнаул, 2001 и др.

12. Сенявский А.С. Российский город в 1960–80-е годы. М., 1995; Он же. Роль урбанизации в российском историческом процессе // История России, XX век. М., 1996. Гл.5; Он же. Российская урбанизация: Универсальные закономерности и национальная специфика // История. 1997. №24; Он

же. Российская урбанизация: Социально-демографические процессы и развитие городов // История. 1997. №27; Он же. Российская урбанизация: Урбанизация и тоталитаризм // История. 1997. №28; Он же. Урбанизация и демографические процессы в Российской Федерации (1960–1980-е гг.) // История. 1998. №4; Он же. Российская урбанизация: Некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999; Он же. Особенности российской урбанизации // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000; Минаев В.В. (в соавторстве). Демографическое развитие СССР в период социализма // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. Разд.II. Гл.1. С.91–109; Он же. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы Гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) //Новый исторический вестник: Научный журнал (СПб). 2001. № 1 и др.

13. Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья (1945–1965 гг.). Самара, 1996; Он же. Работники промышленности Поволжья: Демографический состав, образовательный и профессиональный уровень, 1946–1965 гг. Самара, 1999.

14. Население России в XX веке. М., 2000. Т.1.

15. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001; Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР. М., 1993.

16. См., например: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1897–1905. Вып.1–8; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1–2; Всеобщий календарь на 1890–1917 гг. СПб.; Пг., 1889–1916; Русский календарь на 1890–1916 гг. СПб.; Пг., 1890–1917; Сборник сведений по России за 1890,1896 гг. СПб., 1891–1897; Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи на 1895, 1897, 1899, 1900, 1902 гг. СПб., 1895–1902; Статистический ежегодник России 1904–1916 гг. СПб.; Пг., 1905–1918; Вся Россия: Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торговли, промышленности и администрации. Адрес-календарь на 1912 г. М., 1912; Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998 и др.

17. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906; Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923; Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып.1–2; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и

иностранных государств. Год первый – десятый. СПб.; Пг., 1907–1917; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.1–7, 12, 20–26, 28, 30–32, 35, 37–39; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. Вып.1 и др.

18. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи, 1880–1913: Поуездные итоги. М., 1926.

19. См., например: Обзор Владимирской губернии за 1896–1914 гг. Владимир, 1897–1915; Обзор Воронежской губернии за 1897–1915 гг. Воронеж, 1898–1916; Статистический обзор Калужской губернии за 1892–1914 гг. Калуга, 1893–1915; Обзор Костромской губернии за 1893–1903, 1905, 1907–1914 гг. Кострома, 1894–1915; Обзор Курской губернии за 1890–1915 гг. Курск, 1891–1916; Обзор Московской губернии за 1899–1914 гг. М., 1900–1915; Обзор Нижегородской губернии за 1899–1914 гг. Н.-Новгород, 1900–1915; Памятная книжка Пензенской губернии за 1891–1911 гг. Пенза, 1891–1911; Обзор Пензенской губернии за 1899–1914 гг. Пенза, 1900–1915 и др.

20. См., например: Справочная книга Ярославской губернии на 1890–1916 гг. Ярославль, 1890–1916; Памятная книжка Тульской губернии на 1890–1917 гг. Тула, 1890–1917; Адрес-календарь Тверской губернии на 1895–1916 гг. Тверь, 1895–1916; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1894–1914 гг. Тамбов, 1894–1914; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1895–1915 гг. СПб., 1894–1914; Памятная книжка Рязанской губернии на 1898–1914 гг. Рязань, 1898–1914 и др.

21. См., например: ГАРФ. Ф.А-374 – Совет Министров РСФСР; Ф.А-482 – Наркомздрав РСФСР; Ф.351 – Министерство продовольствия Временного правительства; Ф.4100 – Министерство труда Временного правительства; Ф.4265 – Статистический совет Временного правительства; РГАЭ. Ф.1562 – Центральное статистическое управление СССР; Ф.4372 – Госплан СССР; Ф.478 – Наркомзем РСФСР; Ф.1052 – Отдел динамики промышленности ЦСУ СССР; РГВИА. Ф.499 – Главное интендантское управление Военного министерства; Ф.369 – Особое Совещание по обороне государства; Ф.12564 – Главный комитет Всероссийского земского союза (ВЗС); Ф.12593 – Главный комитет Всероссийского союза городов (ВСГ); Ф.13251 – Центральный военно-промышленный комитет; РГИА. Ф.23 – Министерство торговли и промышленности; Ф.395 – Отдел сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственной статистики; Ф.1298 – Управление Главного врачебного инспектора МВД; Ф.32 – Совет съездов представителей промышленности и торговли и др.

22. См., например: РГИА. Ф.91 – Вольное экономическое общество; Ф.1284 – Департамент общих дел МВД; Ф.1290 – Центральный статистический комитет МВД; Ф.1405 – Министерство юстиции; Ф.1281 – Совет

министра внутренних дел; Ф.1282 – Канцелярия МВД; Ф.391 – Переселенческое управление МВД; Ф.563 – Министерство финансов; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26 – А.Г.Рашин; ЦГА РТ. Ф.1– Канцелярия Казанского губернатора; Ф.359 – Казанский губернский статистический комитет; Ф.1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии; ГАПО. Ф.5 – Канцелярия Пензенского губернатора; Ф.9 – Пензенский губернский статистический комитет; Ф.177 – Старший фабричный инспектор Пензенской губернии; ГАСамО. Ф.1. Самарский губернский статистический комитет; Ф.224 – Старший фабричный инспектор Самарской губернии; ГАСарО. Ф.1 – Канцелярия Саратовского губернатора; Ф.20 – Старший фабричный инспектор Саратовской губернии; Ф.421 – Саратовский губернский статистический комитет; ГАУО. Ф.48 – Симбирский губернский статистический комитет; Ф.76 – Канцелярия Симбирского губернатора; Ф.195 – Старший фабричный инспектор Симбирской губернии и др.

23. См., например: РГИА. Ф.20 – Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов; Ф.1233 – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; Ф.398 – Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ; Ф.592 – Крестьянский поземельный банк; Ф.593 – Государственный дворянский земельный банк; Ф.408 – Комитет по землеустроительным делам Государственного управления по землеустройству и земледелию; Ф.396 – Министерство земледелия; ЦГА РТ. Ф.2 – Казанское губернское правление; Ф.1062 – Заводоуправление Казанского порохового завода; ГАСамО. Ф.4 – Самарское губернское присутствие; Ф.700 – Сергиевский Самарский завод; Ф.701 – Самарский трубочный завод; ГАСарО. Ф.316 – Саратовский машиностроительный и котельный завод «Сотрудник»; Ф.624 – Главная контора мукомольной мельницы В.В.Богословского; ГАУО. Ф.120 – Государственный контроль по строительным сооружениям Волго-Бугульминской железной дороги; Ф.127 – Управление по строительству Волго-Бугульминской железной дороги и др.

24. РГАДА. Ф.1290 – Юсуповы; Ф.1273 – Орловы-Давыдовы; Ф.1277 – Самарины; РГИА. Ф.1291 – Земский отдел МВД; ОР РГБ. Ф.58 – И.И. Воронцов-Дашков; Ф.265 – Самарины; Ф.358 – Н.А.Рубакин; ЦГА РТ. Ф.81 – Казанская губернская земская управа; ГАПО. Ф.158 – Оценочно-статистический отдел Пензенской губернской земской управы; ГАСамО. Ф.327 – Инспектор сельского хозяйства Самарской губернии; Ф.5 – Самарская губернская земская управа; Ф.817 – Оценочное бюро Самарского губернского земства и др.

25. См.: Судебные уставы за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т.I–II; Уложения о наказаниях. СПб., 1913; Закон о раздельном жительстве супругов// Женское дело. 1914. №8; Григровский С.П. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах: Сборник

гражданских и церковных законов, с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода, с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением графических таблиц степеней родства. СПб., 1910; Он же. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводах и судопроизводстве по делам брачным. СПб., 1910; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). М., 1918–1920. №33, 47, 93; Декреты Советской власти. М., 1957. Т.I.

26. См., например: Вестник общественной гигиены. 1904. №9; Общественный врач. 1911. №4; 1922. №1; Медицинская беседа. 1904. №2; Женское дело. 1910. №37–38; 1914. №8; Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1920. №1–2; Военный сборник. 1902. №3; Трудовой путь. 1907. №11–12; Народное хозяйство. 1920. №18; Русское богатство. 1893. №11; 1897. №3; Русские ведомости. 1911. 23 февраля; 1913. 30 ноября; 1915. 13 февраля; Вестник Европы. 1909. №11; 1910. №1; 1915. №12; Кустарный труд. 1912. №3, 4, 14, 18, 20; 1913. №4, 9, 12, 15; Вестник финансов. 1901. №39; 42–43; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. №16; 1915. №17; 1916. №23–24; Церковные ведомости. 1917. №9–15; Новгородские губернские ведомости. 1906. №14, 23, 24; 1915. №9, 14, 17; Московские губернские ведомости. 1906. №14, 35, 37–41; 1915. №9, 11, 13–18; Рязанские губернские ведомости. 1907. №26, 29, 30; 1916. №7, 8, 9, Саратовские губернские ведомости. 1906. №8, 10, 29; 1915. №11, 13, 19; История СССР. 1957. №1; 1973. №1; 1985. №4; Отечественная история. 1995. №4; 1997. №6; 2001. №5; Вопросы истории. 1956. №12; 1976. №10; 1977. №7; 1980. №6; 1986. №4; Военно-исторический журнал. 1989. №9; 1993. №2, 4; 1998. №1, 5; 1999. №3 и др.

27. См. Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980.

28. См.: Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987; Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975 и др.

1. Население Центральной России на рубеже XIX–XX вв.: Общая характеристика

1. Подсчитано по: Россия, 1913 год ... С.11–13; Население России за 100 лет ... С.18–97; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.
2. Там же.
3. Там же.
4. Подсчитано по: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний,

сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч.1. Табл.XI. С.88.

5. См.: Там же. Ч.1. Табл.XVI. С.134–135; Сборник Саратовского земства. 1894. №6. С.189–199; РГИА. Ф.571. Оп.9. Д.8; Ф.573. Оп.6. Д.73. Л.30, 34–35.

6. См.: Анфимов А.М. Земельная аренда в России ...; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России ... С.360–331; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.54–190; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России ... С.71–195; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.13–48, 77-88; Кочешков Г.И. Указ. соч. С.5–19; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России ... С.17–72, 198–261; Белоусов Р.А. Экономическая история России ... Кн.1. С.19–228; Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения. СПб., 1900. С.1–2; Временник Центрального Статистического комитета. СПб., 1898. №45. С.54.

7. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей, преобладающих вероисповеданий. СПб., 1905. С.21; Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1909. Вып.I. С.91; Население России в XX веке ... Т.1. С.31–46; РГИА. Ф.573. Оп.3. Д.4641. Л. 7 об.–8, 26 об.–27; Оп.18. Д.27678. Л.2–3, 12–13; Ф.1291. Оп.3. Д.107. Л.9; Д.139, 145, 162; Д.165. Л.5–6 об., 13–14 об.; Д.202. Л. 2 об., 3 об., 4; Оп.53. Д.23. Л.4, 43; Д.225. Л.4 об., 5, 14, 24 об., 26, 28.

8. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1902 год. СПб., 1897–1902; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции. М., 1923. С.151–155.

9. Подсчитано по: Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. СПб., 1902. С.3–33; Первая всеобщая перепись населения: Российской империи 1897 года: Уезды империи с показанием населения по переписи 28 января 1897 года. СПб., 1897. С. 3–25; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905. С.3–108; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей ... С.3–120.

10. Подсчитано по: РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.66. Л.81, 29, 110; Д.462. Л.1, 114 об., 120-121 об.; Д.85. Л.2–14 об., 34–41, 33–23 об., 24–26 об.; Д.1501. Л.4–5, 8–9; Д.306. Л.31, 94, 134; Д.1819. Л.29–29 об., 83–84; Д.1911, 1712. Л.2, 11 об., 3–3 об.; Д.1955. Л.2–2 об., 34, 40, 41 об., 56; Д.3439. Л.3, 4, 8, 10, 28, 30, 34; Д.3445. Л.4.

11. Подсчитано по: РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.3380. Л.309 об.; Д.3439. Л.100, 108 об., 109–110.

12. Подсчитано по: РГИА. Ф.1291. Оп.3. Д.165. Л.5–6 об.; 13–14 об.; Оп.53. Д.23. Л.4, 43; Д.225. Л.28.

13. Там же.

14. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.9–90; Т.2. С.8–91; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160–161; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

19. Статистический временник Российской империи. СПб., 1896 С.XX; Семенов П.П. Указ. соч.; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.; Чупров А.И. Статистика народонаселения ... С.325.

20. Население России в XX веке ... Т.1.С.7–73.

21. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.26; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19.

22. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.IV; Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1897–1902 год. М., 1897–1902; Обзор по г. Москве за 1905 год. М., 1907. С.3–118.

23. Там же.

24. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1890–1898 гг. СПб., 1900. С.21–25; Федоров А.В. Закон о всесословной воинский повинности 1874 г. и крестьянство// Исторические записки. Т.46. С.189; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.58. Л.22–25.

25. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160–161; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики ... С.479; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней ... С.19–90; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России ... С.7–19; Вестник общественной гигиены 1904. №9. С.1451; Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. //Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР ... С.138–153.

26. Подсчитано по: Вопросы демографической и санитарной статистики ... С.73–74; Движение населения в Европейской России за 1897–1902 год. СПб., 1900–1905. Вып.50–66.

27. Там же.

28. Там же.

29. Подсчитано по: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: Статистические материалы подворной переписи по губернии. Воронеж, 1897. С.252–254.

30. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1902 год …; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.517–518.

31. Там же.

32. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России … С.179.

33. Движение населения в Европейской России за 1897–1905 год ... Вып.50-66; Новосельский С.А. Демография и статистика: Избранные произведения … С.119; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика: Избранные произведения . С.164–165; Население России в XX веке. Т.1. С.7–73.

34. См.: Отчет медицинского департамента МВД за 1892 г. СПб., 1896. С.1.

35. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1905 г. СПб., 1907. С.V.

36. Подсчитано по: Движение населения в России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1910. С.19–91; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

37. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1905 год …; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1915. С.19; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.517–518.

38. Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии … С.181.

39. Подсчитано по: Новосельский С.А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России … С.15–16 и др.

40. Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30.

41. Подсчитано по: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии ... С.252–254; Общий свод по империи … Т.1–2; Материалы высочайше учрежденной 16 января 1901 г. Комиссии … Ч.3. С.126–127.

42. Подсчитано по: Общий свод по империи … Т.1. С.160–161; Россия, 1913 год… С.16–17; Новосельский С.А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. №4. С.44; Он же. Смертность и продолжительность жизни в России … С.144–145; Население России в XX веке… Т.1. С.7–73.

43. Подсчитано по: Движение населения в России за 1908, 1909 и 1910 гг. ... С.19–91; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

44. См., например: Новосельский С.А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России … С.15–16 и др.

45. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России... С.169–170; ГРАЭ. Ф.1562. Оп.1. Д.15. Л.25; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.12. Л.15–17.

46. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии ... 1987. С.252–254; Куркин П.И. Указ. соч. С.83; Он же. Статистика движения населения в Московской губернии ... С.183.

47. Птуха М.В. Очерки по статистике населения ... С.371–381.

48. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1897–1905 год ... Вып.50–66; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.16–91; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

49. Подсчитано по: Там же; Отчет о народном здравии за 1892 г. СПб., 1894. С.2–3, 23–25.

50. Рашин А.Г. Население России за 100 лет ... С.164.

51. Семенов П.П. Указ. соч.; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.

52. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.260–261; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. Т.XII. С.88–98; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии ... Ч.3. С.126–127; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.52–56; Ф.1291. Оп.1. Д.25. Л.5–15; Воронов И. Народное хозяйство и народное здоровье // Медицинская беседа. 1904. №2. С.34–36.

53. Там же.

54. Там же.

55. Подсчитано по: Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г.Москвы и Московской губернии. М., 1927. С.27–92.

56. Подсчитано по: Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1912. Вып. IV. С.12; Обзор Костромской губернии за 1897–1904 год. Кострома, 1898–1904; Иванов И.И. Опыт санитарного исследования г. Костромы // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1891. Вып.IV. С.172.

57. Подсчитано по: Материалы по статистике г.Саратова. Саратов, 1921. Вып.I. С.4–5; Статистический обзор Саратовской губернии за 1897–1903 год. Саратов, 1898–1904.

58. Подсчитано по: Шефер А. Обзор Самарской губернии за 1893–1903 год. Самара, 1894–1904; Город Куйбышев: Очерки истории Самары-Куйбышева. Куйбышев, 1940. С.83; Обзор Нижегородской губернии за 1897–1903 год. Н.Новгород, 1898–1904; Общий свод по империи... Т.1–2; Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих родных языков. СПб., 1905. С.3–60; РГАЭ. Ф.1562. Оп.1. Д.15. Л.25–55.

59. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России ... С.V.

60. Подсчитано по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России … С.36–37.

61. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1890–1900 год … Вып.33–62; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.6. Л.12–19.

62. См.: Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии … С.512.

63. Там же.

64. Материалы для оценки земель Владимирской губернии: Суздальский уезд. Владимир, 1902. Т.VIII. Вып.III. С.14–15; Обзор Владимирской губернии за 1896, 1901–1903 год. Владимир, 1897, 1902-1904.

65. Чупров А.И. Указ. соч. С.353.

66. Подсчитано по: Общий свод по империи… Т.1–2; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.6. Л.12–19.

67. Подсчитано по: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год … С.88–89; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.52–56; Ф.1291. Оп.1. Д.25. Л.5–15.

68. Подсчитано по: Покровский В.И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения// Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т.2. С.182; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России// Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг. 1916. Ч.2. С.14–94.

69. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1895–1905 год … Вып.45–84; Россия, 1913 год … С.24–25; Турчанинов Н.В. Указ. соч. С.3–85; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. С.78–97.

70. Подсчитано по: Общий свод по империи … Т.1–2; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.50. Л.2–22.

71. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России … С.101–157; Он же. Русские в мире … С.122–176.

72. Подсчитано по: Общий свод по империи … Т.1. Табл.VI. С.91, 104; Турчанинов Н.В. Указ. соч. … С.3–85.

73. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д. 60, 88, 108, 682, 978–980; Оп.11. Д.10; Ф.395. Оп.2. Д.3451-в, 3577-г.

74. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. … Псковская губерния. СПб., 1900. Вып.34. С.IV.

75. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. Вып.5. С.3–48; Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. СПб., 1902. С.3–33.

76. Подсчитано по: Перепись Москвы 1902 г. М., 1904. Ч.I. С.19–91.

77. Главнейшие данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Население Москвы по занятиям. М., 1907. Вып.VI. С.44–47.

78. Подсчитано по: Главнейшие данные переписи Москвы ... С.44–47.

79. Подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 13 января 1902 г.: Население по семейному состоянию и сословиям. М., 1904. Вып.IV. С.32–92.

80. Подсчитано по: Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.: Население. СПб., 1912. Ч.I. С.290.

81. Подсчитано по: Россия, 1913 год ... С.11–13; Население России за 100 лет ... С.18–97; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

82. Там же.

83. Там же.

84. Подсчитано по: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч.1. Табл.XI. С.88.

85. См.: Там же. Ч.1. Табл.XVI. С.134–135; Сборник Саратовского земства. 1894. №6. С.189-199; РГИА. Ф.571. Оп.9. Д.8; Ф.573. Оп.6. Д.73. Л.30, 34–34 об., 35.

86. См.: Анфимов А.М. Земельная аренда в России ...; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России ... С.360–331; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России ... С.54–190; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России ... С.71–195; Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России ... С.13–48, 77–88; Кочешков Г.И. Указ. соч. С.5–19; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России ... С.17–72, 198–261; Белоусов Р.А. Экономическая история России ... Кн.1. С.19–228; Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения. СПб., 1900. С.1–2; Временник Центрального Статистического комитета. СПб., 1898. №45. С.54.

87. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей, преобладающих вероисповеданий. СПб., 1905. С.21; Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., 1909. Вып.I. С.91; Население России в XX веке ... Т.1. С.31-46; РГИА. Ф.573. Оп.3. Д.4641. Л. 7 об.–8, 26 об.–27; Оп.18. Д.27678. Л.2–3, 12–13; Ф.1291. Оп.3. Д.107. Л.9; Д.139, 145, 162; Д.165. Л.5–6 об., 13–14 об.; Д.202. Л. 2 об., 3 об., 4; Оп.53. Д.23. Л.4, 43; Д.225. Л.4 об., 5, 14, 24 об., 26, 28.

88. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1902 год. СПб., 1897–1902; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции. М., 1923. С.151–155.

89. Подсчитано по: Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. СПб., 1902. С.3–33; Первая всеобщая перепись населения: Российской империи 1897 года: Уезды империи с показанием населения по переписи 28 января 1897 года. СПб., 1897. С.3–25; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905. С.3–108; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей ...С.3–120.

90. Подсчитано по: РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.66. Л.81, 29, 110; Д.462. Л.1, 114 об., 120–121 об.; Д.85. Л.2–14 об., 34–41, 33–23 об., 24–26 об.; Д.1501. Л.4–5, 8–9; Д.306. Л.31, 94, 134; ; Д.1819. Л.29–29 об., 83–84; Д.1911, 1712. Л.2, 11 об., 3–3 об.; Д.1955. Л.2–2 об., 34, 40, 41 об., 56; Д.3439. Л.3, 4, 8, 10, 28, 30, 34; Д.3445. Л.4.

91. Подсчитано по: РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.3380. Л.309 об.; Д.3439. Л.100, 108 об., 109–110.

92. Подсчитано по: РГИА. Ф.1291. Оп.3. Д.165. Л.5–6 об.; 13–14 об.; Оп.53. Д.23. Л.4, 43; Д.225. Л.28.

93. Там же.

94. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.9–90; Т.2. С.8–91; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27.

95. Там же.

96. Там же.

97. Там же.

98. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160–161; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

99. Статистический временник Российской империи. СПб., 1896. С.XX; Семенов П.П. Указ. соч.; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.; Чупров А.И. Статистика народонаселения ... С.325.

100. Население России в XX веке ... Т.1.С.7–73.

101. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.26; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19.

102. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.IV; Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1897–1902 год. М., 1897–1902; Обзор по г. Москве за 1905 год. М., 1907. С.3–118.

103. Там же.

104. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1890–1898 гг. СПб., 1900. С.21–25; Федоров А.В. Закон о всесословной воинский повинности 1874 г. и крестьянство // Исторические записки. Т.46. С.189; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.58. Л.22–25.

105. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.160–161; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики ... С.479; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней ... С.19–90; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России ... С.7–19; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР ... С.138–153.

106. Подсчитано по: Вопросы демографической и санитарной статистики ... С.73–74; Движение населения в Европейской России за 1897–1902 год. СПб., 1900-1905. Вып.50–66.

107. Там же.

108. Там же.

109. Подсчитано по: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии: Статистические материалы подворной переписи по губернии. Воронеж, 1897. С.252–254.

110. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1902 год ...; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.517–518.

111. Там же.

112. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России ... С.179.

113. Движение населения в Европейской России за 1897–1905 год ... Вып.50–66; Новосельский С.А. Демография и статистика: Избранные произведения ... С.119; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика: Избранные произведения ... С.164–165; Население России в XX веке... Т.1. С.7–73.

114. См.: Отчет медицинского департамента МВД за 1892 год. СПб., 1896. С.1.

115. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1905 г. СПб., 1907. С.V.

116. Подсчитано по: Движение населения в России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1910. С.19–91; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

2. Социально-демографическое развитие региона в 1900–1913 гг.

1. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Население России за 100 лет ... С.18–97; Россия, 1913 год ... С.11–26; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36-37; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.1, 4, 6, 7, 11, 23, 26, 36, 37, 51, 62, 63, 71.

2. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.6-7; Табл.XXI, XXII; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. С.19–91; Население России за 100 лет ... С.18–97; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27; Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

3. Подсчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.116. Д.187, 189, 201, 306.

4. Подсчитано по: Россия, 1913 год ...; Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С.47; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С.172–174; Турчанинов Н.В. Указ. соч. С.3–85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Указ. соч. С.3–81; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.168–202; Он же. Русские в мире ... С.183–205.

5. См.: Покшишевский В.В. Указ. соч. С.172–174.

6. Подсчитано по: Ямзин И.Л, Вощинин В.П. Указ. соч. С.47.

7. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.2. Д.31. Л.1–26; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.96; Кокшайский И.И. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880-1913 гг. Саратов, 1915. С.2–3; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.

8. Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980. С.121.

9. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.15–51; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 13, 16, 29, 30, 47, 50, 75, 76, 77, 78, 102, 233.

10. Подсчитано по: РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.88; Ф.1290. Оп.2. Д.1819; Оп.4. Д.35–91; Оп.5. Д.12–19; Оп.6. Д.37, 39; Оп.11. Д.18, 19.

11. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.36–37; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России ... С.74–77; О пределах возможных поправок и уточнений данных городского населения можно судить по следующим соображениям. Е.П. Семенов-Тян-Шанский считал необходимым при определении численности городского населения обязательно учитывать те населенные пункты, которые официально не относились к городским селениям, но являлись торгово-промышленными. На основании ряда подсчетов он писал, что городское население в указанных территориальных пределах (Европейская Россия с Предкавказьем, но без зауральских городов и Финляндии) считалось в 1897 г. достигшим 13 % всего населения; им же установлено – 15 %. Таким образом, если принять эту поправку В.П. Семенова-Тян-Шанского, то удельный вес городского населения по отношению к общей численности всего населения Центральной России будет составлять на 1 января 1914 г. не 15,3 %, а 17,3 %.

12. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.15–51; РГАЭ. Ф.1562. Оп.5. Д.1, 2; Оп.9. Д.18–27; Оп.11. Д.1; Оп.13. Д.18–22; Оп.15. Д.1; Оп.19. Д.9–19; Оп.20. Д.8–11; Оп.21. Д.8–19; Оп.31. Д.7–26; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–24; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.49, 54; ЦГА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.428, 429, 431, 432, 460, 461, 482. Л.1–26; Д.641. Л.1–10; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

13. Подсчитано по: Население городов Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917 и 1923 годов // Бюллетень Центрального статистического управления, 1923. Всероссийская городская перепись. М., 1923. С.49.

14. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С.19–92; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1922. Вып.II. С.3; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции ... С.151–155; Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.14; Пригороды и поселки Московской губернии: Экономико-статистический сборник. М., 1913. Вып.VI. С.59; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып.II. С.9; Михайловский В.Г. Записки о будущем населении Москвы и его распределении // Материалы к проектированию III очереди канализации г.Москвы. М., 1926. Вып.II. С.55–57; Города России в 1904, 1910 году. СПб., 1906–1914; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

15. Там же.

16. Там же.

17. Подсчитано по: Обзор Рязанской губернии за 1911 г. Рязань, 1913. С.10.

18. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.26. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Указ. соч. С.19–26, 62–95, 126–196; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.7, 63.

19. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Города России в 1904, 1910 году ...; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

20. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.3; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года ... С.51; Материалы по статистике Петрограда ... Вып.IV. С.9–10; Города России в 1904, 1910 году ...; Россия, 1913 год ... С.11–23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

21. Подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Возрастной состав населения Москвы и ее

пригородов ... Вып.III. С.90; Статистический ежегодник города Москвы ... Вып.IV. С.11–13; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии: Статистические данные по г.Москве за 1914-1925 гг. ... Вып.II. С.92; Города России в 1904, 1910 году ...; Россия, 1913 год ... С.11-23, 376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.10, 16, 20, 27, 32, 77, 78, 102, 233.

22. Подсчитано по: Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства ... Т.2. С.191; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1900–1910 гг. СПб., 1911–1912. С.I–II; Россия, 1913 год ... С.303–324; Новосельский С.А. Указ. соч. С.36-37; Покровский В.И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. СПб., 1914. С.14–92; РГИА. Ф.395. Оп.2. Д.3451-в, 3577-г; Ф.433. Оп.1. Д.58; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.48, 120, 121, 123, 176, 182, 183, 184, 185, 186, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 228, 235, 236, 237.

23. См.: Куркин Л.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы ... С.8–11.

24. Подсчитано по: Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР ... С.131.

25. Подсчитано по: Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 1990. С.18.

26. Подсчитано по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С.131.

27. Движение населения в Европейской России за 1900–1910 год ... Вып.62-93; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.19, 20, 27, 67; Россия, 1913 год ... С.303–324.

28. Там же.

29. Подсчитано по: Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР ... С.96; Он же. Социальная история России периода империи Т.1. С.158-218.

30. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2.

31. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.13–14; Материалы по статистике Петрограда... Вып.I. С.19; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 27, 236.

32. Подсчитано по: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг., 1916. С.249; То же, за 1900 год. СПб., 1906. С.231; Статистический временник Российской империи. СПб., 1900. С.190; Хаджнал Д. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века... С.14–70; Коул А. Снижение рождаемости в Европе со времени французской революции до второй мировой войны //Там же. С.71–97; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.18.

33. Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. СПб., 1895. С.9.

34. Зеленин Д.К. Восточно-славянская этнография. М., 1991. С.329; Караханов М.К. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР С.191–213; Коран. М., 1990. С.510–511.

35. Настольный энциклопедический словарь / Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°. 5-е изд. доп. М., 1901. С.1042-а–1043-а.

36. Вишневский А.Г. Указ. соч. С.133.

37. Подсчитано по: Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян … С.96.

38. Согласно последней редакции «Уложения о наказаниях» (1913 г.), беременная женщина, умышленно произведшая изгнание своего плода, подвергалась лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, заключению в тюрьму на срок от 4 до 5 лет.

39. Шадурская З. Сомнения и думы // Женское дело. 1910. №37–38. С.6.

40. Гран И.В. Аборт – преступление или операция: Доклад, сделанный на Двенадцатом Пироговском съезде. М., 1914. С.77.

41. Генс А.Б. Проблема абортов в СССР. М., 1929. С.90; Зейдлер П. Разбор показаний к искусственному выкидышу // Архив субедной медицины и общественной гигиены, издаваемый медицинским департаментом. 1899. №2 (июль). С.2–8; Коул А. Указ. соч. С.71–97; Мартынов В. Выкидыш при фосфорных отравлениях// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1890. Апрель. С.673–676; Новосельский С.А. Указ. соч. Ч.2. С.91; Соколов П. Аборт как общественное бедствие // Саратовский вестник здравоохранения. 1929. №5–6. С.25–31, Хуснадзе Е.С. Случай попыток к изгнанию плода (экспертиза по делу акушерки Лысой)// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1909. Февраль. С.230–234.

42. Подсчитано по: Хаджнал Д. Указ. соч. С.14–70; Коул. А. Указ. соч. С.71–97.

43. Лубцы-Герцык Л.И. Земельный вопрос в связи с проблемой населенности. М., 1917. С.41.

44. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.65–66.

45. Подсчитано по: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения СССР// Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970. С.290.

46. Подсчитано по: Куркин П.И. Указ. соч. С.8–11.

47. См.: Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России … С.207; Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926–1927 гг.: Таблицы смертности. М.; Л., 1929. С.92.

48. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики … С.517–518; Россия, 1913 год... С.376–380; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 236.

49. Там же.

50. Подсчитано по: Современное хозяйство города Москвы … С.14; Пригороды и поселки Московской губернии...Вып.IV. С.59; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии … Вып.II. С.9; Михайловский В.Г. Указ. соч. Вып.II. С.55-57; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.27, 32, 42, 46, 154.

51. Там же.

52. См., например: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистики России … Ч.2. С.91; Он же. О различиях в смертности городского и сельского населения в Европейской России// Общественный врач. 1911. №4. С.33; Птуха М.В. Очерки по статистике населения … С.459 и др.

53. Статистический материал по вопросу о высокой смертности в России. Пг., 1914. С.16.

54. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С.287; Дробижев В.З. Из истории изучения воспроизводства населения в СССР // Прошлое и настоящее демографии. М., 1980. С.58–68; Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915. С.15.

55. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С.273.

56. Георгиевский П. Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России. СПб., 1914. С.IV.

57. Подсчитано по: Куркин П.И. Указ. соч. С.84.

58. Новосельский С.А. Указ. соч. Ч.2. С.91.

59. Зыбелин С.Г. Избранные произведения. М., 1954. С.217; Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью // Советская демография за 70 лет. М., 1987. С.18–28, 24–25; Шестакова. Детская смертность в России. СПб., С.342; Зеленин Д.К. Указ. соч. С.551; Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1904. Май. С.666; Одиннадцатый Пироговский съезд. Петербург, 21–28 апреля 1910 г. Пг., 1910. Вып.2. С.173–174; Птуха М.В. Указ. соч. С.459; Гофштейн А.С. Рационализация материнства// Врачебное дело. 1927. №9. С.1402–1406; Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973. С.311.

60. Георгиевский П. Указ. соч. С.IV; Куркин П.И. Смертность грудных детей: Статистический очерк. М., 1925. С.27, 28–29; Соколов Д.А., Гребен-

щиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

61. Пресса Р. Народонаселение и его изучение. М., 1966. С.444.

62. Подсчитано по: Обзор С.-Петербургской губернии за 1900–1912 год. СПб., 1901–1913; Обзор Московской губернии за 1900–1914 год. М., 1901–1915; Статистический обзор Саратовской губернии за 1900–1903, 1905–1906, 1911, 1913 год. Саратов, 1901–1914; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 27, 32, 236; Население России в XX веке … Т.1. С.7–83; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.608; Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С.11–12; Система знаний о народонаселении. М., 1991. С.79.

63. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР … С.80–81.

64. Подсчитано по: ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.5, 9, 12, 14, 43, 64, 65, 73 74, 211, 212, 213, 214; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России … С.36–37.

65. Там же.

66. Там же.

67. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1900-1910 год … Вып.63–93; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.18.

68. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.479.

69. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1900–1910 год … Вып.63–93; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.18.

70 Подсчитано по: Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР … С.19.

71 Там же.

72. Щербаков А.В. Естественное движение населения Гиблицкой волостиза 100 лет, 1825–1925 гг. Рязань, 1930. С.27.

73. Подсчитано по: Переписи населения Санкт-Петербурга 1890, 1900, 1910 годы. СПб., 1892–1912; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20,32, 42, 46, 67, 152, 194, 233, 236.

74. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.480.

75. Закон о раздельном жительстве супругов // Женское дело. 1914. №8. С.2.

76. См., например: Кауфман А.А. Переселения и колонизация. СПб., 1905; Любавский М.К. Историческая география России с колонизацией. И., 1909; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России … С.158–202; Он же. Русские в мире … С.177–216 и др.

77. Подсчитано по: РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д.60, 88, 108, 682; Оп.11. Д.10; Ф.395. Оп.2. Д.3451-в, 3577-г; ОРФ ИРИ РАН. Ф. 26. Оп.1. Д.41, 96, 189, 190.

78. Подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов ... С.19–29; Статистический ежегодник России 1914 г. ... С.15–51; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1–27.

79. См.: Введенский Р.М. Методика анализа паспортной статистики России первой половины девятнадцатого века // Источниковедение Отечественной истории. 1981. М., 1982. С.167–177.

80. Полный свод законов Российской империи ... Т.XXIV. Ст.24701.

81. Подсчитано по: Население России за 100 лет ... С.18–97; Россия, 1913 год ... С.24.

82. Подсчитано по: Меншиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области: Новоселы, наделенные по душевой норме. Владивосток, 1914. Т.IV. С.37, 38, 43; Сычевский Е.П. К вопросу о формировании рабочего класса в Приамурье // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С.224.

83. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.1–2, 13–14; Статистический ежегодник города Москвы. Год II. 1907–1910. М., 1910. Вып.I; То же, год V. 1911–1913. М., 1916. Вып.IV; Отчет о состоянии народного здравия за 1896–1914 гг. СПб.; Пг., 1905–1916. Табл.I; РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.163–164.

84. Подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г. С.13; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии ... С.3; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года ... С.13; Материалы по статистике Петрограда... Вып.IV. С.9–10.

85. Переселенческое движение на окраины в прямом и обратном направлениях в 1896–1916 гг.// Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. Вып.I. С.94–103; Яцунский В.К. Изменение в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг.// История СССР. 1957. №1. С.212–213; Турчанинов Н.В. Указ. соч. С.3-85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Указ. соч. С.3–81; Ставровский Я.Ф., Алексеев В.П. Переселения в Сибирь. СПб., 1906. С.85-90; РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.1–387; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.20, 32, 42, 46.

86. См.: Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период Первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни // Социально-экономические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. С.226.

87. Подсчитано по: Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С.11?.

88. Там же.

89. Подсчитано по: Анфимов А.М. Методика изучения социальной структуры деревни// Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С.227; Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России// Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып.2. С.175–181; Кабузан В.М. Русские в мире … С.183–188; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России … С.168–173.

90. Там же.

91. Там же.

92. Подсчитано по: Весь Петербург на 1897–1905 год …; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1915. С.19; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.517–518.

93. Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии … С.181.

94. Подсчитано по: Новосельский С.А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России … С.15–16 и др.

95. Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ.соч. С.30.

96. Подсчитано по: Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии ... С.252–254; Общий свод по империи … Т.1–2; Материалы высочайше учрежденной 16 января 1901 г. Комиссии … Ч.3. С.126–127.

97. Подсчитано по: Общий свод по империи … Т.1. С.160–161; Россия 1913 год… С.16–17; Новосельский С.А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. №4. С.44; Он же. Смертность и продолжительность жизни в России … С.144–145; Население России в XX веке… Т.1. С.7–73.

98. Подсчитано по: Движение населения в России за 1908, 1909 и 1910 гг. ... С.19-91; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Указ. соч. С.271–274.

99. См., например: Новосельский С.А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России … С.15–16 и др.

100. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России… С.169-170; ГРАЭ. Ф.1562. Оп.1. Д.15. Л.25; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.12. Л.15–17.

101. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии … 1987. С.252–254; Куркин П.И. Указ. соч. С.83; Он же. Статистика движения населения в Московской губернии ... С.183.

102. Птуха М.В. Очерки по статистике населения … С.371–381.

103. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1897–1905 год … Вып.50–66; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России … С.16–91; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

104. Подсчитано по: Там же; Отчет о народном здравии за 1892 г. СПб., 1894. С.2–3, 23–25.

105. Рашин А.Г. Население России за 100 лет ... С.164.

106. Семенов П.П. Указ. соч.; Семенов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч.

107. Подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.260–261; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. Т.XII. С.88–98; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии ... Ч.3. С.126–127; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.52–56; Ф.1291. Оп.1. Д.25. Л.5–15; Воронов И. Народное хозяйство и народное здоровье// Медицинская беседа. 1904. №2. С.34–36.

108. Там же.

109. Там же.

110. Подсчитано по: Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927. С.27–92.

3. Население Центральной России в годы Первой мировой войны

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.I. С.247–249.

2. См.: Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Дробижев В.З. У истоков Советской демографии. М., 1987.

3. См.: Кауфман А.А. По поводу второй всероссийской переписи. СПб., 1913; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России // Календарь для врачей на 1916 г. Пг., 1916. Ч.2.

4. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С.105–106.

5. См.: Россия, 1913 год... С.11–26; Население России в XX веке... Т.1. С.31–82, 143–190; Жиромская В.Б. После революционных бурь... С.6–25.

6. ГАРФ. Ф.4265. Оп.2. Д.28–31; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1–6; РГИА. Ф.440. Оп.1. Д.1252; Ф.442. Оп.2. Д.2737, 2747, 2754, 2761, 2763, 2766, 2767, 2769, 2794; Ф.796. Оп.442. Д.2707. Л.14; Ф.1290. Оп.2. Д.877. Л.55; Оп.4. Д.672, 680, 692, 708, 709, 715, 718, 719, 720; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–75; Ф.1562. Оп.196–197.

7. ГАРФ. Ф.1562. Оп.10. Д.20; Оп.32. Д.1-15; Оп.197. Д.1. Л.143; Оп.201. Д.1. Л.6–12; Оп.249. Д.14; Ф.4265. Оп.1. Д.1–27; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.57. Л.1–47; Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.1. Д.126-129, 131, 132, 138–141, 154-155; Оп.4. Д.455. Л.163; Д.755. Л.1–450; Оп.6. Д.3. Л.1–32; Оп.11. Д.1–2823; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–76; Д.2881. Л.2–4; Д.3840. Л.1–2, 9–35.

8. Подсчитано по: Дробижев В.З. Указ. соч. С.65,67; ГАРФ. Ф.А-482. Оп.10. Д.1–24, 3500–3622; РГАЭ. Ф.478. Оп.106. Д.378; Ф.1562. Оп.5, 6, 15,

17, 18, 19, 20, 21, 27, 28, 31, 324, 332; Оп.19. Д.132; Оп.31. Д.1; Оп.84. Д.94; Оп.116. Д.187; Ф.3429. Оп.30. Д.476; Ф.4382. Оп.6. Д.103; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.2.Л.143.

9. См. например: Гуркин В.В., Гуров О.Г. Цена агрессии // Военно-исторический журнал. 1989. №9. С.197; Фоменко Б.П. Медицинский отчет петроградских родильных приютов на 1917 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1925. №3. Т.36. С.141 и др.

10. Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). М., 1924. С.108; РГВИА. Ф.504. Оп.17. Д.26. Л.4 об., 5–6, 17; Ф.507. Оп.2. Д.72. Л.30, 40, 51, 57 об., 58 об., 60–63, 65.

11. Тренин-Петушков И.Г. Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М., 1970. С.54.

12. Генс А.Б. Проблема аборта в СССР. М., 1929. С.58.

13. См.: Майер А.И. Влияние войны на женщину // Врачебное дело. 1926. №6. С.528–533; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.19; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С.608.

14. Подсчитано по: Волков Е.З. Указ. соч. С.252; Тарасевич Л.А. Эпидемии последних лет в России // Общественный врач. 1922. №1. С.45–46; Сысин А.Н. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом // Социальная гигиена. 1923. №2. С.35–39; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С.82; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т.1. С.398.

15. Подсчитано по: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910–1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып.6. С.163.

16. Подсчитано по: Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Указ. соч. С.608; Три года борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1918–1920. М., 1920. С.84; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923 гг. М., 1924. С.19–24; Итоги борьбы с голодом за 1912–22 гг. // Сборник статей и отчетов. М., 1922. С.460; Труды ЦСУ СССР: Состояние питания городского населения за 1919–24 и 1926 гг. М., 1927. Т.30. Вып.1. С.19–27; То же: Состояние питания сельского населения за 1920–1924 гг. М., 1927. Т.30. Вып.2. С.19–24; Дубенецкий Н. Опыт исчисления населения РСФСР и УССР на 1922 г. // Бюллетень ЦСУ. 1923. №72. С.92; Поляков Ю.А. Указ.соч. С.82–128.

17. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.А-390. Оп.4. Д.42, 262, 264; Оп.7. Д.158, 160; Ф.А-482. Оп.4. Д.29. Л.1–94; Д.43. Л.1-56; Оп.10. Д.23. Л.69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81–163; Д.25. Л.1, 2, 4, 5, 6; Д.292, 355, 679, 739; Д.2167. Л.12, 13, 15, 17, 21, 22, 25, 26, 34, 39, 42-42 об., 44, 45, 47–47 об., 49; Д.2491. Л.1; РГИА. Ф.733. Оп.226. Д.166. Л.5; Д.173. Л.7; Ф.1287. Оп.19. Д.2464. Л.1–2.

18. Подсчитано по: Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Указ. соч. С.42; Прокопович С.Н. Указ. соч. С.398; Горбунов А.В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский Евгенистический журнал. 1920. Т.1. Вып.1. С.43.

19. Там же.

20. Подсчитано по: Новосельский С.А. Естественное движение населения в Петрограде. Пг., 1916. С.103.

21. Подсчитано по: Бинштоk Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России... С.116–127; Кольцов Н.К. Потери в составе населения Европы в годы мировой войны 1914–1917 гг. // Русский Евгенистический журнал. М., 1924. С.233; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы ... С.567; Поляков Указ. соч. С.82–128; Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г. // Труды ЦСУ. М., 1922. Т.1. Вып.3. С.4; ГАРФ. Ф.А–482. Оп.10. Д.1–54, 95–97. Оп.2. Д.8–14, 37, 65, 66–77; РГАЭ. Ф.1562. Оп.116. Д.187.

22. Там же; Россия и СССР в войнах XX века... С.91–109.

23. Россия и СССР в войнах XX века... С.106–109.

24. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82–128; Население России в XX веке... Т.1. С.74–82; Россия и СССР в войнах XX века... С.91–105.

25. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82–128; Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923 гг. М., 1924. С.19–24; Ульрих В. Военные трибуналы //Пять лет Верховного суда РСФСР, 1918–1923. М., 1924. С.6; Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С.87; Россия и СССР в войнах XX века... С.98–105.

26. Россия и СССР в войнах XX века... С.98–105.

27. См.: Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. История населения СССР, 1920–1959 гг. // Экспресс-информация. Серия «История статистики». М., 1990. Вып.3–5. Ч.1. С.199; Россия и СССР в войнах XX века... С.90–105.

28. Подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд.1. С.1–25, 33–57; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. Вып.1. С.3–702; Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып.1–2; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.128–150; Население России в XX веке... Т.1. С.74–133.

29. Там же; Жиромская В.Б. Указ. соч. С.6–46.

30. Подсчитано по: Статистический ежегодник, 1921. М., 1922. С.2, 3. Табл.1; Сборник статистических сведений. М., 1924. С.2–3, 6–7, 8–9, 18, 19, 22–23; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т.1. С.398; Уиппль Д.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики ... С.608; Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М., 1923. С.110; Сборник статистических сведе-

ний по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С.19–24; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Указ. соч. С.42.

31. Подсчитано по: Статистический ежегодник ... С.2, 3. Табл.1; Сборник статистических сведений ... С.6-7, 8–9, 18, 19, 20–21.

32. Подсчитано по: Сборник статистических сведений... С.10–11, 21–23; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82–150.

33. Подсчитано по: Итоги переписи населения 1920. М., 1928. С.5, 10–11.

34. Подсчитано по: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916–1917. Вып.1–3; ГАРФ. Ф.1562. Оп.10. Д.20; Оп.32. Д.1–15; Оп.197. Д.1. Л.143; Оп.201. Д.1. Л.6-12; Оп.249. Д.14; Ф.4265. Оп.1. Д.1–27; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.57. Л.1–47;Д.58. Л.1–4; Ф.1290. Оп.6. Д.3. Л.1–32; Оп.10. Д.126–129, 131, 132, 138–141, 154–155; Ф.1298. Оп.1. Д.3840. Л.1–2, 9–35.

35. Подсчитано по: РГИА. Ф.1290. Оп.11. Д.1–2823; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–76; Д.2881. Л.2–4.

36. Подсчитано по: РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.455. Л.163; Д.755. Л.1–450; Ф.1298. Оп.1. Д.2851. Л.2–4; Д.2858. Л.71–75.

37. Подсчитано по: Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976. С.283; Россия в мировой войне 1914–1918 гг. ... С.20; Бинштok Б.И., Каминский Л.С. Указ. соч. С.118; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82–204; Жиромская В.Б. Указ. соч. С.6–46.

38. Подсчитано по: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Пг., 1923. С.35, 38; РГИА. Ф.391. Оп.4 Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д.60, 88, 108, 682, 978–980; Оп.11 Д.10; Ф. 395. Оп.2. Д.3451-в. Л.1–15; Д.3577–г. Л.1–99; Ф.1290. Оп.2, 4, 5, 6, 11

39. Большаков М.А. Задачи и перспективы колонизации // На новых путях. М., 1923. С.484.

40. Подсчитано по: Квиткин О.А. Население городов в Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 года // Бюллетень ЦСУ. 1923. №77. С.12; Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. №8. С.17; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82–127; Население России в XX веке... Т.1. С.74–165.

41. Подсчитано по: Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. // Сборник статей и отчетов. М., 1922. С.468; Большаков М.А. Указ. соч. С.485.

42. Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР... С.19-24; Социалистическое строительство в СССР. М., 1934. С.496. Прил. С.124; Большаков М.А. Указ. соч. С.485; Котов А. Основные причины деколонизации Западной Сибири в 1922–24 годах // Северная Азия. 1926. №3. С.5–30.

43. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд. М., 198(. С.25–26; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С.35–37; Население России в XX веке... Т.1. С.134–142.

44. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Население Советской России в 1917–1920 гг. (Историография и источники) // Проблемы русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.177; Он же. Советская страна после окончания Гражданской войны... С.82–127; Население России в XX веке... Т.1. С.74–165; Россия и СССР в войнах XX века... С.91–109; Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г. // Труды ЦСУ. М., 1922. Т.1. Вып.3. С.5; Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989. С.185; Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1929. С.3, 145, 282, 286; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.3. Л.280–281; Ф.2620. Оп.2. Д.19. Л.120, 478; Д.68. Л.282, 337–338.

45. Подсчитано по: Лубны-Герцык Л.И. Указ. соч. С.23–24; РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д.60, 88, 108, 682, 978–980; Оп.11. Д.10; Ф.1298. Оп.1. Д.2840; ОР РГБ. Ф.855. К.1. Д.1. Л.6 об.; Д.2. Л.1; Д.31; Д.32. Л.3–3 об., 6 об., 9 об., 14 об., 18, 28 об., 36–36 об., 53; Д.33. Л.17; Д.35. Л.1.

46. Подсчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире... С.228, 229, 339, 340.

47. Подсчитано по: Кабузан В.М. Указ.соч. С.229, 230; Марчайтис А. Литовская Советская социалистическая республика // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С.226; Пуллат Р.Н. История Таллина, 1860–1970. Таллин, 1972. С.41.

48. Подсчитано по: Максудов С. Потери населения СССР... С.203; ГАРФ. Ф.5. Оп.1. Д.2754. Л.1, 8; Ф.130. Оп.1. Д.24. Л.1, 65; Д.36. Л.1–5; Д.45. Л.34–35; Оп.2. Д.9; Д.256. Л.25, 26; Оп.11. Д.5. Л.48;Ф.1943. Оп.1. Д.936. Л.11–11 об.; Ф.3429. Оп.1. Д.6. Л.50; Д.33. Л.18–27; Оп.57. Д.1. Л.124; РГАЭ. Ф.5. Оп.1. Д.2683. Л.19; Д.2684. Л.22–22 об.; Ф.478. Оп.1. Д.62. Л.5; Ф.3429. Оп.1. Д.6; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.2. Л.143.

49. См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны... С.117–119; Максудов С. Указ. соч. С.202; Кабузан В.М. Указ. соч. С.230; Через Константинополь проехало 190 тыс. чел. эмигрантов, в Польшу до 1 июля 1921 г. прибыло 570 тыс. чел., на Дальний Восток в 1922 г. въехало 150 тыс. чел. и т.д.

50. Подсчитано по: Статистический ежегодник 1914 г. Пг., 1915. Ч.II. С.13; Сельское хозяйство в России в XX веке. М., 1925. С.12–19; Большаков М.А. Указ. соч. С.483; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.3. Л.280–281; Ф.2620. Оп.2. Д.19. Л.120, 478; Д.68. Л.282, 337–338.

51. Подсчитано по: Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 годов // Бюллетень ЦСУ. 1925. №77.

С.10; Материалы по статистике Петрограда. М., 1920. Вып.1. С.10; Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С.6, 71.

52. Подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда ... Вып.1. С.10; Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С.6, 71.

53. Подсчитано по: Большаков М.А. Указ. соч. С.483, 485–488; Сельское хозяйство в России... С.12–19, 19–25.

54. Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С.7, 9. Социалистическое строительство в СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С.XXX; Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. М., 1967. С.3; Народное хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1956. С.19; Изменения социальной структуры советского общества октябрь 1917–1920. М., 1976. С.129, 131–132; Изменения социальной структуры советского общества, 1921 – середина 30-х гг. М., 1979. С.21; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 г. //Труды ЦСУ. М., 1921. Т.5. Вып.1. С.42–43; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР... С.27, 28; Писарев И.Ю. Народонаселение СССР... С.68; Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968. С.19.

55. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России ... С.V.

56. Подсчитано по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России ... С.36–37.

57. Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1890–1900 год ... Вып.33–62; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

58. См.: Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии ... С.512.

59. Там же.

60. Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82-204; Население России в XX веке... Т.1. С.74–165.

61. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.393. Оп.26. Д.287. Л.49.

62. Подсчитано по: ГАРФ. Ф.393. Оп.26. Д.290. Л.178.

63. Там же.

64. Подсчитано по: Изменение социальной структуры советского общества, 1921 – середина 30-х гг. ... С.21.

65. Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1949. Кн.2. С.199.

66. Зеленин И.Е. К вопросу о землепользовании Советских хозяйств в период аграрной революции, 1917-1918 гг. // Проблемы аграрной истории Советского общества ... С.24–28; Бутылкин П.А. Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги социалистического земледелия в Ярославской губернии. Ярославль, 1959. С.274; Малявский А.Д. Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства по Владимирской губернии в 1917–1918 гг.: Дисс. ...

канд. ист. наук. М., 1953. С.189; ГАРФ. Ф.393. Оп.26. Д.287. Л.49; Д.290. Л.178.

67. Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. М., 1918. Вып.1. С.962, 966; Исторические записки. Т.19. С.58; Долгополов А.Г. Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства в Орловской губернии: Дисс. ... канд.ист.наук. М., 1951. С.296, 311–312; Труды I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун. М., 1919. Вып.1. С.13; Кочетовская Е. Национализация земли в СССР. М., 1952. С.123, 124; Говорков А.А. К вопросу конфискации помещичьих имений в Курской губернии в 1917–1918 гг. // Ученые записки Томского пединститута. Томск, 1949. Т.VII. С.87–89; Ученые записки Курского госпединститута... Вып.5. С.63, 64; Першин П.Н. Аграрная революция в России... Кн.2. С.449; Лаврентьев В.Н. Строительство совхозов в первые годы Советской власти. М., 1957. С.45; Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С.444.

68. Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М., 1922. С.6; Правда. 21 декабря 1922 г.; Першин П.Н. Указ. соч. С.530; Поляков Ю.А. Социально-экономические итоги преобразований Октябрьской революции (1917–1920 гг.). М., 1961. С.10; История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С.16.

69. См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). М., 1918. №33. Ст.432; СУ РСФСР. 1918. №47. Ст.599; СУ РСФСР. 1920. №93. Ст.512; Изменение социальной структуры советского общества ... С.140; Виноградов В.А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1965. С.65.

70. Гапоненко Л.С. Указ. соч. С.173–249; Россия, 1913 год... С.36–52; ГАРФ. Ф.4100. Оп.1. Д.84. Л.5, 12, 13, 14; РГВИА. Ф.369. Оп.9. Д.14. Л.64–66; Д.70. Л.11–13, 107; Д.75. Л.3 об.; Д.77. Л.31–32; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.313. Л.56–58, 78–79; Д.318. Л.7–32, 38, 54–58; Ф.37. Оп.58. Д.894. Л.1–1 об.; Ф.273. Оп.10. Д.880. Л.1–363; Д.3442–3444. Л.1–504, 1–591, 1–266; Д.3759. Л.1–215; Ф.563. Оп.1. Д.536. Л.4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.13; Ф.1525. Оп.1. Д.681. Л.41–68; Д.684. Л.1–43; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1. Д.113, 125, 151, 154; ГАСамО. Ф.42. Оп.1. Д.28. Л.140; Д.150. Л.42; Ф.210. Оп.1. Д.18. Л.88; ГАСарО. Ф.20. Оп.1. Д.964. Л.48; Д.1000. Л.84; Д.1059. Л.179; Ф.624. Оп.1. Д.1004. Л.1–14;Ф.626. Оп.1. Д.9; Ф.711. Оп.1. Д.4. Л.3–4; Д.33. Л.6; ГАУО. Ф.184. Оп.1. Д.46; Ф.195. Оп.1. Д.6. Л.8, 15; Д.59. Л.1, 8, 13; Д.98.; Д.158. Л.7–8; Д.269. Л.15–17, 28, 35, 44–45, 62–63, 72–73; Д.431. Л.4.

71. Гапоненко Л.С. Указ. соч. С.33-123; РГИА. Ф.20. Оп.12. Д.193, 194; Ф.587. Оп.33. Д.1442. Л.57; Ф.595. Оп.3. Д.976; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26. Оп.1.

Д.103, 162, 163, 239, 240, 242, 245; ГАСарО. Ф.378. Оп.1. Д.49; Ф.711. Оп.1. Д.4. Л.16; Д.137; ГАСамО. Ф.210. Оп.1. Д.8. Л.162-163, 168; Д.18. Л.227; Д.599. Л.448, 462, 463; Ф.370. Оп.1. Д.3; Ф.777. Оп.1. Д.2. Л.1.

72. РГИА. Ф.20. Оп.12. Д.12. Л.14–14 об., 65-65 об.; Д.122, 122-а, 125–126-а, 127, 128, 128-а, 300, 394–395; Д.354. Л.3, 7; Ф.22. Оп.2. Д.2927. Л.1–2 об., 3-4 об., 5-6 об.; Ф.23. Оп.1. Д.191. Л.45–46 об., 52–53; Оп.16. Д.38. Л.14, 226–227; Д.39. Л.17, 54 об.; Д.47. Л.3; Оп.27. Д.47. Л.3–3 об.; Д.59, 67–68; Д.108. Л.91–91 об., 92; Д.109; Д.137. Л.8–15 об.; Д.323, 329, 337–338; Ф.1284. Оп.64. Д.261. Л.94 об.-95; Ф.1290. Оп.2. Д.561. Л.1–70.

73. Россия, 1913 год... С.57–70; РГВИА. Ф.369. Оп.5. Д.44. Л.8–11; Д.223. Л.10-26; Оп.10. Д.11. Л.79 об.-98; Оп.16. Д.32. Л.124, 125–125 об., 145, 146 об., 147 об., 148, 149 об., 150 об., 157 об.; Ф.396. Оп.1. Д.159. Л.9, 17, 26; Ф.504. Оп.2. Д.1259. Л.16; Ф.505. Оп.3. Д.22. Л.83 об.; Ф.514. Оп.1. Д.36, 83; Д.84. Л.40, 43–43 об., 57 об.; РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.318. Л.7–32; Оп.27. Д.471. Л.23, 42–43; Д.476. Л.43–46.

74. РГВИА. Ф.369. Оп.1. Д.156. Л.107–108, 112-113, 122; Оп.5. Д.223. Л.9-26; Ф.504. Оп.2. Д.1259. Л.9 об.-16; Ф.505. Оп.3. Д.22. Л.1,. 11–11 об., 103 об.; Ф.2000. Оп.1. Д.4397. Л.12–18; РГИА. Ф.23. Оп.26. Д.101. Л.1–4; Ф.32. Оп.1. Д.2872; Ф.431. Оп.1. Д.37.

75. См.: Россия, 1913 год... С.57-70; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны... С.188–275; РГВИА. Ф.504. Оп.17. Д.26. Л.4 об., 5–6, 17; Ф.507. Оп.2. Д.72. Л.30, 40, 51, 57 об., 58 об., 60–61, 62–63, 65; РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.943, 1083, 1094, 1208, 1751; Оп.6. Д.60, 88, 108, 682, 978–980; Оп.11. Д.10; Ф.433. Оп.1. Д.56. Л.1–71; Д.58. Л.1–24; Оп.3. Д.104; Ф.1288. Оп.25. Д.1–90.

76. Там же.

77. См. подробнее об изменении социальной структуры деревни после Первой мировой войны: Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство...: Жиромская В.Б. После революционных бурь ...; Чернобаев А.А. Комбеды Советской России ...; Он же. Продотряд...

78. Подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1897 г., тыс.чел.*

Губернии и районы	Численность		
	городское	сельское	всего
1. Петербургская	1423,4	684,3	2107,7
2. Псковская	72,6	1063,9	1136,5
3. Новгородская	87,5	1305,4	1392,9
4. Олонецкая	25,6	341,1	366,7
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	1609,1	3394,7	5003,8
5. Московская	1128,0	1305,4	2433,4
6. Владимирская	187,5	1383,2	1570,7
7. Калужская	97,9	1087,8	1185,7
8. Тверская	153,6	1659,2	1812,8
9. Ярославская	144,5	928,0	1072,5
10. Костромская	94,1	1335,1	1429,2
11. Нижегородская	144,6	1455,7	1600,3
Итого: Центрально-Промышленный район	1950,2	9154,4	11104,6
12. Курская	202,8	2193,8	2396,6
13. Орловская	231,6	1823,2	2054,8
14. Тамбовская	229,4	2486,1	2715,5
15. Воронежская	176,6	2369,7	2546,3
16. Пензенская	139,2	1352,0	1491,2
17. Рязанская	137,9	1689,6	1827,5
18. Тульская	168,0	1264,7	1432,7
Итого: Центрально-Земледельческий район	1285,5	13179,1	14464,6
19. Казанская	187,0	2004,1	2191,1
20. Самарская	159,5	2604,0	2763,5
21. Саратовская	319,9	2100,0	2419,9
22. Симбирская	109,2	1440,3	1549,5
23. Астраханская	134,5	860,3	994,8
Итого: Поволжский район	910,1	9008,7	9918,8
Всего: Центральная Россия	5754,9	34736,9	40491,8
Всего: Европейская Россия	12027,0	82188,4	94215,4

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.6–7, Табл. XXI, XXII; Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998. С.19–98; Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.16–17; Население России в XX веке. М., 2000. Т.1. С.7–30.

Приложение 2

Распределение населения Москвы по месту рождения и продолжительности пребывания в 1902 г.*

Место и продолжительность	Тыс. чел.	%
I. Родившиеся в Москве	301,8	27,5
II. Родившиеся вне Москвы и прожившие в ней, лет:		
0–1	115,3	10,6
1–2	110,1	10,1
3–5	126,2	11,6
6–10	135,6	12,4
11–15	84,3	7,7
16–20	76,8	7,0
21 и более	136,1	12,5
неизвестно сколько	6,2	0,6
Итого:	790,6	72,5
Всего: (I+II)	1092,4	100,0

*Составлено и подсчитано по: Перепись Москвы 1902 г. М., 1904. Вып.II. Ч.I. С.19, 24–27.

Приложение 3

Распределение населения Москвы с пригородами по месту рождения и сословиям в 1902 г.*

Сословия	Численность, тыс.чел.			% родившихся в Москве
	родившиеся в Москве	родившиеся вне Москвы	итого	
Дворяне	22,6	37,0	59,6	37,9
Духовенство	4,6	6,0	10,6	43,4
Почетные граждане	21,6	19,1	40,7	53,1
Купцы	10,1	8,4	18,5	54,6
Мещане и цеховые	121,7	105,9	227,6	53,5
Крестьяне	130,7	658,6	789,3	16,6
Прочие	11,0	17,4	28,4	9,4
Всего:	322,3	852,4	1174,7	27,5

*Составлено и подсчитано по: Перепись Москвы 1902 г. ... Вып.II. Ч.1. С.19, 24–27.

Соотношение мужского и женского населения Центральной России в 1897 г., чел.*

Губернии и районы	На 100 мужчин приходилось женщин
1. Петербургская	88
г. Петербург	88
2. Псковская	108
3. Новгородская	110
4. Олонецкая	112
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	125
5. Московская	99
6. Владимирская	120
7. Калужская	126
8. Тверская	125
9. Ярославская	133
10. Костромская	123
11. Нижегородская	113
В среднем: Центрально-Промышленный район	120
12. Курская	103
13. Орловская	107
14. Тамбовская	106
15. Воронежская	102
16. Пензенская	109
17. Рязанская	114
18. Тульская	113
В среднем: Центрально-Земледельческий район	108
19. Казанская	105
20. Самарская	104
21. Саратовская	105
22. Симбирская	110
23. Астраханская	95
В среднем: Поволжский район	104
В среднем: Центральная Россия	114
В среднем: Европейская Россия	104

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. Табл.XX–XXV. С.12–19; Россия, 1913 год... С.16–17; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Средняя продолжительность предстоящей жизни населения Центральной России в 1892–1901 гг., лет*

Районы и города	Мужчины	Женщины	Оба пола
Северо-Западный (Озерный)	30,4	34,5	32,5
Центрально-Промышленный	27,1	31,4	29,3
Центрально-Земледельческий	27,3	28,7	28,0
Поволжский	26,6	28,0	27,3
Центральная Россия	27,9	30,7	29,3
Петербург	30,6	36,4	33,5
Москва	27,0	31,1	29,1
Столицы	28,8	33,8	31,3
В среднем:	28,4	32,3	30,4

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. Т.XII. С.88–89; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С.179; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С.362; Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.18–19; Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С.84; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Рождаемость у женщин ряда губерний Центральной России в возрасте 15–50 лет в 1896–1897 гг., ‰*

Губернии	Губернские города	Прочие города	Села, деревни
1. Воронежская	13,4	29,0	26,0
2. Пензенская	15,5	22,6	23,1
3. Орловская	13,9	11,9	23,5
4. Рязанская	13,5	15,9	22,6
5. Симбирская	16,7	20,3	22,2
6. Калужская	13,8	16,2	21,6
7.Казанская	13,6	18,1	31,4
8.Владимирская	13,7	17,7	20,7
9.Костромская	13,2	15,5	19,3
10. Псковская	16,2	13,7	19,0
11. Олонецкая	14,8	13,2	18,9
12.Новгородская	10,7	14,6	18,3
13. Ярославская	16,2	14,9	16,1
14. Петербургская	10,7	17,5	15,6
В среднем: Центральная Россия (14 губерний)	14,0	17,2	21,3
В среднем: Европейская Россия (26 губерний)	12,4	15,7	20,6

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Вестник общественной гигиены. 1904. №9. С.1451; Движение населения Европейской России за 1896–1897 год ... Вып.11–24; РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.56. Л.12–19; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Воспроизводство населения ряда губерний Центральной России с наиболее высокой смертностью в 1892 г., ‰*

Губернии	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1. Астраханская	54,2	78,4	–24,2
2. Самарская	47,4	66,2	–18,8
3. Саратовская	46,0	60,1	–14,1
4.Воронежская	43,5	56,8	–13,3
5.Симбирская	42,9	52,3	–9,4
6. Казанская	38,1	46,6	–8,5
7. Тверская	34,6	38,7	–4,1
8. Пензенская	46,5	50,5	–4,0
9. Тамбовская	42,7	42,9	–0,2
В среднем: Центральная Россия (9 губерний)	44,0	54,7	–10,7
В среднем: Европейская Россия (18 губерний)	44,8	54,5	–9,6

*Составлено и подсчитано по: Отчет о народном здравии за 1892 г. СПб., 1894 С.2–11.

Воспроизводство населения ряда городов Центральной России с наиболее высокой смертностью в 1892 г.*

Города	Численность, чел.	Родилось, чел.	Умерло, чел.	Естественный прирост, чел.	Смертность, ‰
1. Сердобск Саратовской губернии	7826	231	2258	–2027	28,8
2. Бугуруслан Самарской губернии	11669	828	1452	–624	12,5
3. Царицын Саратовской губернии	40063	2594	4640	–2056	11,6
4. Астрахань	103299	4241	8977	–4736	8,7
5. Острогожск Воронежской губернии	7094	473	615	–142	8,7
6. Симбирск	39723	1431	3070	–1639	7,7
7. Курск	49325	3078	3779	–701	7,7
8. Пенза	46884	2336	3555	–1219	7,6
9. Самара	96085	3218	6989	–3771	7,3
10.Саратов	118067	4517	8178	–3661	6,9
11. Воронеж	56107	2330	2931	–601	5,2
12. Казань	134359	4170	6794	–2624	5,1
13. Нижний Новгород	70476	3240	3431	–191	4,9
Всего: Центральная Россия (13 городов)	780977	32687	56669	–23982	9,5
Всего: Россия (19 городов)	1073198	42901	75949	–33048	8,7

*Составлено и подсчитано по: Отчет о народном здравии за 1892 г. … С.4–11.

Миграционные процессы Центральной России
в 1891–1896 гг., тыс.чел.*

Губернии и районы	Районы миграций			Всего
	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия	
1. Петербургская	2,3	3,8	1,0	7,1
2. Псковская	0,7	6,4	0,4	7,5
3. Новгородская	0,8	3,4	0,3	4,5
4. Олонецкая	0,6	4,8	0,0	5,4
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	4,4	18,4	1,7	24,5
5. Московская	1,7	3,7	0,6	6,0
6. Владимирская	4,6	8,1	1,7	14,4
7. Калужская	8,1	8,1	0,7	16,9
8. Тверская	0,9	3,2	0,4	4,5
9. Ярославская	1,1	4,2	0,5	5,8
10. Костромская	0,9	4,3	0,5	5,7
11. Нижегородская	4,8	11,2	4,8	20,8
Итого: Центрально-Промышленный район	22,1	42,8	9,2	74,1
12. Курская	38,6	39,8	2,3	80,7
13. Орловская	18,1	19,6	2,6	40,3
14. Тамбовская	12,0	32,2	3,5	47,7
15. Воронежская	55,8	24,3	11,5	91,6
16. Пензенская	11,3	30,1	8,3	49,7
17. Рязанская	10,3	24,4	1,8	36,5
18. Тульская	4,8	11,9	1,3	18,0
Итого: Центрально-Земледельческий район	150,9	182,3	31,3	364,5
19. Казанская	3,9	11,1	6,2	21,2
20. Самарская	7,2	12,5	20,6	40,3
21. Саратовская	16,1	9,3	10,2	35,6
22. Симбирская	6,0	12,4	5,9	24,3
23. Астраханская	16,1	4,5	22,7	43,3
Итого: Поволжский район	49,3	49,8	65,6	164,7
Всего: Центральная Россия	226,7	293,3	107,8	627,8

*Составлено и подсчитано по: Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год … С.3–85; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России … С.101–202; Он же. Русские в мире … С.122-216; Население России в XX веке … Т.1. С.7–30.

Размещение населения и сальдо миграций Центральной России в 1897 г., тыс. чел.*

Губернии и районы	Численность			Сальдо миграций
	всего	уроженцы других губ. в данной губ.	уроженцы данной губ. за ее пределами	
1. Петербургская	2112,0	931,1	121,8	+809,3
2. Псковская	1122,3	52,8	94,1	–41,3
3. Новгородская	1367,0	81,1	129,0	–47,9
4. Олонецкая	364,2	16,0	28,6	–12,6
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	4965,5	1081,0	373,5	+707,5
5. Московская	2430,6	678,9	177,4	+501,5
6. Владимирская	1515,7	88,0	192,0	–104,0
7. Калужская	1132,8	47,1	274,4	–227,3
8. Тверская	1769,1	47,1	289,1	–242,0
9. Ярославская	1071,4	85,6	181,3	–95,7
10. Костромская	1387,0	39,1	130,3	–91,2
11. Нижегородская	1584,8	79,1	133,1	–54,0
Итого: Центрально-Промышленный район	10891,4	1064,9	1377,6	–312,7
12. Курская	2371,0	58,8	408,2	–349,4
13. Орловская	2033,8	88,6	299,6	–211,0
14. Тамбовская	2684,0	71,1	328,6	–257,5
15. Воронежская	2531,3	78,7	421,1	–342,4
16. Пензенская	1470,5	33,8	219,5	–185,7
17. Рязанская	1802,2	53,1	344,9	–291,8
18. Тульская	1419,5	55,3	260,8	–205,5
Итого: Центрально-Земледельческий район	14312,3	439,4	2282,7	–1843,3
19. Казанская	2170,7	64,1	237,7	–173,6
20. Самарская	2751,3	243,7	235,6	+8,1
21. Саратовская	2405,8	142,2	219,8	–77,6
22. Симбирская	1527,8	40,8	171,6	–130,8
23. Астраханская	1003,5	120,2	65,5	–54,7
Итого: Поволжский район	9859,1	611,0	930,2	–319,2
Итого: Центральная Россия	40028,3	3196,3	4964,0	–1767,7
Итого: Европейская Россия	97225,7	8106,6	9589,7	–1483,1

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1. С.6–7. Табл.XXI, XXII; Население России за 100 лет ... С.19–98; Россия, 1913 год ... С.16–17; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год ... С.3–85; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. №1. С.192–224; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России ... С.101–202; Он же. Русские в мире ... С.122–216; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Неместные уроженцы-крестьяне ряда уездов и городов Центральной России в 1897 г.*

Районы, уезды, города	Тыс.чел.		%	
	уезды	города	уезды	города
1	2	3	4	5
Псковский уезд	9,2	8,8	51,1	48,9
Новгородский уезд	20,5	8,0	71,9	28,1
Петербургский уезд	11,8	607,5	1,9	98,1
Петергофский уезд				
Петербургской губернии	9,8	42,4	18,8	81,2
в т.ч.:				
г. Кронштадт	–	34,4	–	65,5
г. Петергоф		5,4		10,3
Царскосельский уезд				
Петербургской губернии	15,6	19,0	45,1	54,9
в т.ч.:				
г. Царское Село	–	11,4	–	32,9
г. Гатчина	–	5,4	–	15,6
Ямбургский уезд				
Петербургской губернии	8,8	9,0	49,4	50,6
в т.ч.:				
г. Нарва	–	7,1	–	39,9
Итого:				
Северо-Западный (Озерный) район	75,7	758,4	39,7	47,8
Московский уезд	42,0	575,6	6,8	93,2
Серпуховской уезд				
Московской губернии	9,5	11,3	45,7	54,3
Коломенский уезд				
Московской губернии	17,8	7,3	70,9	29,1
Богородский уезд Московской губернии	36,0	3,6	90,9	9,1
Владимирский уезд	6,9	11,6	37,3	62,7
Шуйский уезд Владимирской губернии	9,1	34,9	20,7	79,3
в т.ч.:				
г. Шуя	–	3,5	–	8,0
г. Иваново-Вознесенск	–	31,4	–	71,4
Калужский уезд	4,9	15,2	24,4	75,6
Тверской уезд	5,8	23,1	20,1	79,9
Ярославский уезд	30,4	30,5	49,9	50,1
Рыбинский уезд Ярославской губернии	10,4	10,3	50,2	49,8

1	2	3	4	5
Костромской уезд	5,3	14,9	26,2	73,8
в т.ч.:				
г. Кострома	–	14,7	–	72,8
Нижегородский уезд	6,0	37,5	13,8	86,2
Итого:				
Центрально-Промышленный район	14,1	825,4	38,1	59,7
Курский уезд	7,0	14,8	32,1	67,9
Белгородский уезд Курской губернии	5,2	6,3	45,2	54,8
Орловский уезд	5,5	20,2	21,4	78,6
Елецкий уезд Орловской губернии	7,8	11,6	40,2	59,8
Брянский уезд Орловской губернии	17,9	8,1	68,9	31,2
Тамбовский уезд	10,7	14,4	42,6	57,4
Борисоглебский уезд Тамбовской губернии	20,6	7,6	73,1	27,0
Козловский уезд Тамбовской губернии	7,1	10,0	41,5	58,5
Моршанский уезд Тамбовской губернии	7,0	5,9	54,3	45,7
Воронежский уезд	5,5	26,9	17,0	83,0
Пензенский уезд	4,5	18,8	19,3	80,7
Рязанский уезд	6,3	16,3	27,9	72,1
Тульский уезд	10,0	35,4	22,0	78,0
Итого:				
Центрально-Земледельческий район	122,9	207,9	38,9	61,1
Казанский уезд	10,1	54,9	15,5	84,5
в т.ч.:				
г. Казань	–	54,8	–	84,3
Чистопольский уезд Казанской губернии	8,6	7,4	53,8	46,3
Самарский уезд	29,6	33,2	47,1	52,9
Саратовский уезд	15,9	52,1	23,4	76,6
Вольский уезд Саратовской губернии	6,5	6,0	52,0	48,0
Царицынский уезд Саратовской губернии	8,9	20,3	30,5	69,5
Симбирский уезд	9,1	13,5	40,3	59,7
Сызранский уезд Симбирской губернии	10,9	10,6	50,7	49,3
Астраханский уезд	26,5	43,1	38,1	61,9
Итого:				
Поволжский район	126,1	295,9	39,0	63,3
Всего:				
Центральная Россия	508,8	2087,6	38,9	58,0

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Погубернские итоги. СПб., 1899-1905. Вып.2, 3, 9, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 24, 25, 26, 28, 29. 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50. Табл.VI.

Численность и размещение населения Центральной России в 1897–1914 гг.*

Губернии и районы	Численность, тыс.чел.		Прирост с 1897 по 1914 гг.	
	1897 г.	1914 г.	тыс.чел.	%
1. Петербургская	2112,0	3136,5	1024,5	48,5
2. Псковская	1122,3	1425,1	302,8	27,0
3 Новгородская	1367,0	1671,5	304,5	22,2
4.Олонецкая	364,2	465,8	101,6	27,8
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	4965,5	6698,9	1733,4	31,4
5. Московская	2430,6	3591,3	1160,7	47,3
6. Владимирская	1515,7	2027,0	511,3	33,0
7. Калужская	1132,8	1476,6	343,8	30,3
8. Тверская	1769,6	2394,1	624,6	35,3
9. Ярославская	1071,4	1297,2	225,8	21,1
10. Костромская	1387,0	1822,6	435,6	31,4
11. Нижегородская	1584,8	2066,8	482,0	30,5
Итого Центрально-Промышленный район	10891,9	14675,6	3783,7	32,7
12. Курская	2371,0	3256,6	885,6	37,8
13. Орловская	2033,8	2781,7	747,9	35,4
14. Тамбовская	2684,0	3530,0	846,0	31,5
15. Воронежская	2531,3	3630,9	1099,6	43,2
16. Пензенская	1470,5	1911,6	441,1	30,0
17. Рязанская	1802,2	2773,9	971,7	53,8
18. Тульская	1419,5	1886,2	466,7	32,8
Итого: Центрально-Земледельческий район	14312,3	19770,9	5458,6	37,8
19. Казанская	2170,7	2867,0	696,3	32,1
20. Самарская	2751,3	3800,8	1049,5	38,0
21. Саратовская	2405,8	3269,3	863,5	35,9
22. Симбирская	1527,8	2067,8	540,0	35,3
23. Астраханская	1003,5	1315,9	312,4	31,1
Итого: Поволжский район	9859,1	13320,8	3461,7	34,5
Итого: Центральная Россия	40028,8	54466,2	14437,4	34,1
Итого: Европейская Россия	93442,9	127776,5	34333,6	36,7

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи … Т.1. С.6–7, 98. Табл. XXI, XXII; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд.I. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год... С.11–26; Население России в XX веке… Т.1. С.7–30.

Численность населения губернских городов Центральной России в 1897–1914 гг., тыс.чел.*

Города	Численность населения		Прирост населения
	1897 г.	1914 г.	
1. Петербург	1264,9	2118,5	853,6
2. Москва	1038,6	1762,7	724,1
3. Саратов	137,1	235,3	98,2
4. Казань	130,0	194,2	64,2
5. Астрахань	112,9	154,5	41,6
6. Самара	90,0	143,8	53,8
7. Тула	114,7	139,7	25,0
8. Нижний Новгород	90,1	111,6	21,5
9. Ярославль	71,6	111,2	39,6
10. Орел	69,7	96,2	26,5
11. Воронеж	80,6	93,7	13,1
12. Курск	75,7	87,8	12,1
13. Пенза	60,0	78,9	18,9
14. Тамбов	48,0	71,2	23,2
15. Кострома	41,4	68,7	27,3
16. Тверь	53,5	63,9	10,4
17. Калуга	49,5	56,3	6,8
18. Симбирск	41,7	55,2	13,5
19. Рязань	46,1	49,4	3,3
20. Псков	30,5	34,1	3,6
21. Владимир	28,5	32,7	4,2
22. Новгород	25,7	28,2	2,5
23. Петрозаводск	12,5	16,4	3,9
Всего:	3713,3	5804,2	2090,9

*Составлено и подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. Вып.5. С.3–48; Статистический сборник 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год ... С.11–26;. Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Плотность населения Центральной России в 1897–1914 гг., чел.*

Губернии и районы	Плотность на 1 кв. версту	
	1897 г.	1914 г.
1. Петербургская	53,9	80,0
2. Псковская	29,6	37,5
3. Новгородская	13,2	16,0
4. Олонецкая	3,2	4,1
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	25,0	34,4
5. Московская	83,1	122,8
6. Владимирская	35,4	47,3
7. Калужская	41,7	54,3
8. Тверская	31,3	42,1
9. Ярославская	34,3	41,6
10. Костромская	18,8	24,7
11. Нижегородская	35,2	45,9
В среднем: Центрально-Промышленный район	40,0	54,1
12. Курская	58,1	79,8
13. Орловская	49,5	67,3
14. Тамбовская	45,9	60,3
15. Воронежская	43,7	62,7
16. Пензенская	43,1	56,0
17. Рязанская	48,9	75,3
18. Тульская	52,2	69,3
В среднем: Центрально-Земледельческий район	48,8	67,2
19. Казанская	38,8	51,2
20. Самарская	20,1	28,6
21. Саратовская	32,4	44,0
22. Симбирская	35,1	47,5
23. Астраханская	5,3	6,3
В среднем: Поволжский район	26,3	35,5
В среднем: Центральная Россия	35,0	47,8
В среднем: Европейская Россия	36,4	49,8

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи ... Т.1–2; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд.I. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год ... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Возрастно-половая структура населения Петербурга в 1900–1910 гг., %*

Возраст, лет	1900 г.			1910 г.		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
0–9	13,4	16,7	14,9	16,1	18,1	17,1
10–19	20,1	16,4	18,4	19,2	17,5	18,4
20–29	30,0	23,6	27,1	27,4	24,6	26,1
30–39	18,5	17,5	18,0	19,2	16,6	18,0
40–49	10,5	11,6	11,0	10,7	10,6	10,7
50–59	4,8	7,2	5,9	4,9	6,4	5,7
60–69	2,0	4,5	3,1	1,8	3,9	2,8
70–79	0,6	2,0	1,2	0,5	1,7	1,1
80 и старше	0,1	0,5	0,3	0,1	0,4	0,2
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Весь Петербург на 1900–1910 год. СПб., 1900–1910; Статистический ежегодник России 1900–1910 гг. СПб., 1901–1911; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3.

Рождаемость населения Центральной России в 1896–1913 гг., ‰*

Губернии и районы	1896–1900 гг.	1901–1905 гг.	1906–1910 гг.	1911–1913 гг.	В среднем: 1896–1913 гг.
1. Петербургская	32,8	33,4	31,3	29,3	31,7
2. Псковская	45,2	42,5	41,5	39,1	42,1
3. Новгородская	41,6	40,4	41,1	42,0	41,3
4. Олонецкая	45,3	44,5	45,9	45,8	45,4
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	41,2	40,2	40,0	39,1	40,1
5. Московская	39,7	39,2	40,7	39,6	39,8
6. Владимирская	47,1	45,9	43,1	40,2	44,1
7. Калужская	52,6	53,8	46,9	46,5	50,0
8. Тверская	45,0	45,0	42,1	40,1	43,1
9. Ярославская	37,6	39,6	38,0	36,4	37,9
10. Костромская	47,6	46,8	45,5	45,1	46,3
11. Нижегородская	52,8	51,2	49,8	46,0	50,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	46,1	45,9	43,7	42,0	44,4
12. Курская	51,4	50,9	44,3	46,4	48,3
13. Орловская	52,7	52,1	47,5	44,8	49,3
14. Тамбовская	50,1	49,7	49,2	47,2	49,1
15. Воронежская	56,6	54,3	50,8	48,8	52,6
16. Пензенская	54,7	52,5	52,5	48,7	52,1
17. Рязанская	50,2	47,3	44,5	40,6	45,7
18. Тульская	56,9	51,4	47,9	44,0	50,1
В среднем: Центрально-Земледельческий район	53,2	51,2	48,1	45,8	49,6
19. Казанская	48,3	47,5	45,2	42,8	46,0
20. Самарская	57,6	58,3	55,4	55,0	56,6
21. Саратовская	55,9	53,1	49,0	47,2	51,3
22. Симбирская	52,4	53,8	53,8	49,5	52,4
23. Астраханская	–	52,8	55,7	54,1	54,2
В среднем: Поволжский район	53,6	53,1	51,8	49,7	52,1
В среднем: Центральная Россия	48,5	47,6	45,9	44,2	46,6
В среднем: Европейская Россия	49,5	47,7	45,8	43,9	46,7

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2; Движение населения в Европейской России за 1896–1910 год. СПб.; Пг., 1891–1915. Вып.11–93; Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Россия, 1913 год... С.21–26; Население России за 100 лет... С.19–98; Население России в XX веке... Т.1. С.7–30.

Количество рождений на каждый заключенный брак Центральной России в 1910 г., чел.*

Губернии и районы	Количество рождений
1. Петербургская	5,1
2. Псковская	5,2
3. Новгородская	5,6
4. Олонецкая	5,1
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	5,3
5. Московская	6,1
6. Владимирская	6,0
7. Калужская	5,1
8. Тверская	5,9
9. Ярославская	4,9
10. Костромская	5,2
11. Нижегородская	6,6
В среднем: Центрально-Промышленный район	5,7
12. Курская	5,8
13. Орловская	5,5
14. Тамбовская	6,7
15. Воронежская	6,3
16. Пензенская	6,7
17. Рязанская	6,1
18. Тульская	6,8
В среднем: Центрально-Земледельческий район	6,3
19. Казанская	5,4
20. Самарская	6,1
21. Саратовская	5,8
22. Симбирская	6,1
23. Астраханская	5,5
В среднем: Поволжский район	5,8
В среднем: Центральная Россия	5,8
В среднем: Европейская Россия	5,3

*Составлено и подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1910 год ... Вып.88-93; Россия, 1913 год ... С.16–17; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Соотношение рождаемости городского и сельского населения Центральной России в 1911–1913 гг.*

Губернии и районы	Города, ‰	Села, ‰	Рождаемость в селах к рождаемости в городах, %
1. Петербургская	28,5	31,5	110,6
2. Псковская	36,4	39,3	108,0
3. Новгородская	40,1	42,1	105,0
4. Олонецкая	37,8	46,4	123,0
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	35,7	39,8	111,7
5. Московская	35,4	44,0	124,3
6. Владимирская	38,1	37,7	99,0
7. Калужская	36,4	47,1	129,4
8. Тверская	33,2	40,5	122,0
9. Ярославская	38,8	35,9	92,6
10. Костромская	51,9	44,7	86,2
11. Нижегородская	37,3	45,0	120,7
В среднем: Центрально-Промышленный район	38,7	42,1	110,6
12. Курская	37,5	47,1	125,6
13. Орловская	34,6	46,5	134,4
14. Тамбовская	38,6	47,7	123,6
15. Воронежская	32,2	49,6	154,1
16. Пензенская	45,0	48,9	108,7
17. Рязанская	39,0	40,6	104,3
18. Тульская	38,2	44,6	117,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	37,9	46,4	124,0
19. Казанская	34,8	43,5	125,0
20. Самарская	69,7	54,1	77,7
21. Саратовская	36,8	49,1	133,5
22. Симбирская	46,5	49,6	106,7
23. Астраханская	39,0	35,8	92,0
В среднем: Поволжский район	45,4	46,4	107,0
В среднем: Центральная Россия	39,4	43,7	113,3
В среднем: Европейская Россия	33,1	43,9	132,6

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911–1913 гг. СПб., 1912–1914; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Смертность населения Центральной России в 1896–1913 гг., ‰*

Губернии и районы	1896–1900 гг.	1901–1905 гг.	1906–1910 гг.	1911–1913 гг.	В среднем: 1896–1913 гг.
1. Петербургская	26,6	26,6	26,2	22,3	25,4
2. Псковская	30,5	30,3	26,2	24,4	27,9
3. Новгородская	28,9	29,9	28,6	28,0	28,9
4. Олонецкая	33,1	34,8	33,7	33,9	33,9
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	29,8	30,4	28,7	27,2	29,0
5. Московская	31,9	30,3	30,4	28,0	30,2
6. Владимирская	34,3	31,3	29,7	26,3	30,4
7. Калужская	39,2	40,3	34,1	29,3	35,7
8. Тверская	31,7	33,0	30,1	26,6	30,4
9. Ярославская	28,3	30,2	28,4	25,1	28,0
10. Костромская	33,2	33,3	31,5	29,5	31,9
11. Нижегородская	38,3	35,5	33,8	30,7	34,6
В среднем: Центрально-Промышленный район	33,8	33,4	31,1	27,9	31,6
12. Курская	34,5	30,9	28,1	28,4	30,5
13. Орловская	37,0	34,5	32,2	27,6	32,8
14. Тамбовская	32,2	31,6	30,4	28,5	30,7
15. Воронежская	36,0	33,3	33,7	28,7	32,9
16. Пензенская	37,8	35,3	33,6	30,8	34,4
17. Рязанская	32,1	31,1	28,1	23,5	28,7
18. Тульская	41,2	35,9	33,1	29,1	34,8
В среднем: Центрально-Земледельческий район	35,8	33,2	31,3	28,1	32,1
19. Казанская	33,2	31,4	30,7	29,9	31,3
20. Самарская	38,5	38,6	38,0	34,7	37,5
21. Саратовская	38,3	34,7	32,4	30,6	34,0
22. Симбирская	36,3	35,5	34,1	32,1	34,5
23. Астраханская	–	35,3	38,4	33,2	35,6
В среднем: Поволжский район	36,6	35,1	34,7	32,1	34,6
В среднем: Центральная Россия	34,0	33,0	31,5	28,8	31,8
В среднем: Европейская Россия	32,1	31,0	29,5	27,1	29,9

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2. Движение населения в Европейской России за 1896–1910 год. Вып.11–93; Статистический ежегодник России 1904–1913 г. СПб., 1905–1914; Россия, 1913 год... С.21–26; Население России за 100 лет... С.19–98; Население России в XX веке.. Т.1. С.7–30.

Соотношение смертности городского и сельского населения Центральной России в 1911–1913 гг.*

Губернии и районы	Города, ‰	Села, ‰	Смертность в селах к смертности в городах, %
1. Петербургская	22,3	22,6	101,4
2. Псковская	28,1	24,1	86,0
3. Новгородская	32,6	27,7	85,0
4. Олонецкая	31,5	34,1	108,3
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	28,6	27,1	95,2
5. Московская	26,4	29,7	112,6
6. Владимирская	26,7	26,2	98,2
7. Калужская	29,7	29,2	98,5
8. Тверская	25,6	26,6	104,0
9. Ярославская	29,6	24,2	82,0
10. Костромская	36,6	30,0	82,0
11. Нижегородская	28,1	30,9	110,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	29,0	28,1	98,2
12. Курская	26,5	28,5	107,6
13. Орловская	23,1	28,1	122,0
14. Тамбовская	28,3	28,5	101,0
15. Воронежская	23,8	28,9	121,5
16. Пензенская	33,4	30,5	91,5
17. Рязанская	28,0	23,1	82,5
18. Тульская	29,2	29,1	99,7
В среднем: Центрально-Земледельческий район	27,5	28,1	103,7
19. Казанская	29,0	30,0	104,0
20. Самарская	57,0	33,6	59,0
21. Саратовская	27,4	31,1	113,6
22. Симбирская	36,8	31,6	86,0
23. Астраханская	31,4	20,8	66,4
В среднем: Поволжский район	36,3	29,4	91,7
В среднем: Центральная Россия	30,4	28,2	97,2
В среднем: Европейская Россия	23,9	26,5	110,8

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911–1913 гг. СПб., 1912–1914.; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Инфекционные заболевания населения Москвы в 1902–1907 гг.*

Полицейские части	Среднегодовая численность населения, чел.	Среднегодовая численность больных, чел.	Коэффициент больных, ‰
Тверская	64967	858	13,2
Городская	18319	297	16,2
Арбатская	44256	729	16,5
Пречистенская	44945	752	16,7
Лефортовская	86622	1419	16,4
Сретенская	52469	987	18,8
Басманная	46835	947	20,2
Якиманская	35110	771	22,0
Хамовническая	73079	1634	22,4
Рогожская	99073	2348	23,7
Пятницкая	72320	1729	23,9
Якиманская	56770	1392	24,5
Пресненская	86786	2193	25,3
Мещанская	130604	3394	25,9
Серпуховская	44754	1202	26,9
Сущевская	118921	3199	26,9
Мясницкая	55242	1913	34,6
Всего:	1131272	25764	22,8

*Составлено и подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г. М., 1903. Вып.III. С.19–93; Обзор по г.Москве за 1905 год. М., 1907. С.3–118; Современное хозяйство г.Москвы. М., 1913. С.3–654; Статистический атлас города Москвы. М., 1911. С.3–66.

Младенческая и детская смертность Центральной России в 1896–1910 гг., ‰*

Губернии и районы	1896–1897 гг.		1908–1910 гг.	
	Возраст, лет			
	0–1	1–5	0–1	1–5
1. Петербургская	34,1	41,0	26,7	40,3
2. Псковская	29,8	41,8	26,6	39,3
3. Новгородская	31,2	43,1	29,9	40,3
4. Олонецкая	32,1	43,6	32,1	44,4
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	31,8	42,4	28,8	41,1
5. Московская	36,6	51,6	29,9	43,6
6. Владимирская	36,3	50,3	30,5	43,5
7. Калужская	34,8	50,3	30,4	47,1
8. Тверская	32,8	45,2	30,7	46,8
9. Ярославская	30,6	42,6	28,0	40,0
10. Костромская	34,1	45,9	31,4	42,4
11. Нижегородская	41,0	53,8	34,0	44,6
В среднем: Центрально-Промышленный район	35,2	48,5	30,7	44,0
12. Курская	28,5	41,4	28,6	41,1
13. Орловская	31,9	47,5	29,4	43,5
14. Тамбовская	31,4	48,4	27,7	41,2
15. Воронежская	30,9	50,3	27,6	45,5
16. Пензенская	36,6	51,8	30,5	42,4
17. Рязанская	29,2	45,4	26,2	39,8
18. Тульская	32,0	52,4	27,5	44,4
В среднем: Центрально-Земледельческий район	31,1	48,2	28,2	42,6
19. Казанская	28,1	44,3	23,6	38,2
20. Самарская	31,5	50,3	29,7	48,2
21. Саратовская	37,7	51,6	28,7	46,5
22. Симбирская	34,0	49,4	30,8	46,3
23. Астраханская	29,8	50,7	25,3	42,3
В среднем: Поволжский район	32,2	49,3	27,6	44,3
В среднем: Центральная Россия	32,6	47,1	28,8	43,0
В среднем: Европейская Россия	27,4	43,2	25,3	38,9

*Составлено и подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1896–1910 гг. ... Вып.50–93; Россия, 1913 год... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–89; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С.19; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Структура младенческой и детской смертности по возрасту, конфессиям и типам населенных пунктов Центральной России в 1900–1904 гг., ‰*

Вероисповедания и типы населенных пунктов	Возраст, лет				
	0–1	1–2	2–3	3–4	4–5
Православные	26,3	9,4	5,4	3,2	2,2
Протестанты	16,1	6,0	3,3	2,3	1,7
Католики	15,1	6,7	3,8	2,5	1,7
Мусульмане	15,8	8,8	6,5	5,0	3,7
Иудеи	11,6	6,0	2,8	1,7	1,3
Губернские города	26,7	9,1	4,1	2,4	1,8
Прочие города	22,2	8,0	4,2	2,6	2,0
Села, деревни	24,9	9,1	5,0	3,2	2,3

*Составлено и подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1900–1904 г. ... Вып.63-74; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–89; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней ...; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Естественный прирост населения Центральной России в 1896–1913 гг., ‰*

Губернии и районы	1896–1900 гг.	1901–1905 гг.	1906–1910 гг.	1911–1913 гг.	В среднем: 1896–1913 гг.
1. Петербургская	5,2	6,8	5,1	7,0	6,0
2. Псковская	14,7	12,2	15,3	14,7	14,2
3. Новгородская	12,7	10,5	12,5	14,0	12,4
4. Олонецкая	2,2	9,7	12,2	11,9	11,5
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	11,2	9,8	11,3	11,9	11,0
5. Московская	7,1	8,9	10,3	11,6	9,7
6. Владимирская	12,3	12,8	13,4	13,9	13,2
7. Калужская	13,4	13,5	12,8	17,2	14,2
8. Тверская	13,3	12,0	12,0	13,5	12,7
9. Ярославская	9,3	9,4	9,6	11,3	9,9
10. Костромская	14,4	13,5	14,0	15,6	14,4
11. Нижегородская	14,5	15,7	16,0	15,3	15,4
В среднем: Центрально-Промышленный район	12,2	12,3	12,6	14,1	12,8
12. Курская	16,9	20,0	16,2	18,0	17,8
13. Орловская	15,7	17,6	15,3	17,2	16,5
14. Тамбовская	17,9	18,1	18,8	18,7	18,4
15. Воронежская	20,6	21,0	17,1	20,1	19,7
16. Пензенская	16,9	17,2	18,9	17,9	17,7
17. Рязанская	18,1	16,2	16,4	17,1	17,0
18. Тульская	15,7	15,5	14,8	14,9	15,2
В среднем: Центрально-Земледельческий район	17,4	17,9	16,8	17,7	17,5
19. Казанская	15,1	16,1	14,5	12,9	14,7
20. Самарская	19,1	19,7	17,4	20,3	19,1
21. Саратовская	17,6	18,4	16,6	16,6	17,3
22. Симбирская	16,1	18,3	19,7	17,4	17,9
23. Астраханская	–	17,5	17,3	20,9	18,6
В среднем: Поволжский район	17,0	18,0	17,1	17,6	17,4
В среднем: Центральная Россия	14,5	14,5	14,5	15,3	14,7
В среднем: Европейская Россия	17,4	16,7	16,3	16,8	16,8

*Составлено и подсчитано по: Общий свод по империи... Т.1–2; Движение населения в Европейской России за 1896–1910 год... Вып.11-93; Статистический ежегодник России 1904–1913 гг. СПб., 1905–1914; Россия, 1913 год ... С. 21–26; Население России за 100 лет ... С19-98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Естественный прирост городского и сельского населения Центральной России в 1911–1913 гг.*

Губернии и районы	Города, ‰	Села, ‰	Естественный прирост в селах к естественному приросту в городах, %
1. Петербургская	6,2	8,9	144,0
2. Псковская	8,3	15,2	184,0
3. Новгородская	7,4	14,4	195,0
4. Олонецкая	6,3	12,3	196,0
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	7,1	12,7	179,8
5. Московская	9,0	14,3	159,0
6. Владимирская	11,4	11,5	101,0
7. Калужская	6,7	17,9	267,0
8. Тверская	7,6	13,9	183,0
9. Ярославская	9,2	11,7	128,0
10. Костромская	15,3	14,7	96,2
11. Нижегородская	9,2	14,1	154,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	9,8	14,0	155,5
12. Курская	11,0	18,6	169,1
13. Орловская	11,5	18,4	160,0
14. Тамбовская	10,3	19,2	186,0
15. Воронежская	8,4	20,7	247,0
16. Пензенская	11,6	18,4	159,0
17. Рязанская	11,0	17,5	159,1
18. Тульская	9,0	15,5	173,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	10,4	18,3	179,0
19. Казанская	5,8	13,5	232,7
20. Самарская	12,7	20,5	162,0
21. Саратовская	9,3	18,0	194,0
22. Симбирская	9,7	18,0	166,0
23. Астраханская	7,6	15,0	198,0
В среднем: Поволжский район	9,0	17,0	194,5
В среднем: Центральная Россия	9,1	15,5	177,2
В среднем: Европейская Россия	9,2	17,4	189,1

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911–1913 гг. СПб., 1912–1914; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–58; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Приложение 26

Возрастно-половая структура населения Центральной России, вступившего в брак в 1898–1910 гг., %*

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	1898 г.	1910 г.	1898 г.	1910 г.
20 и моложе	30,8	30,8	54,7	54,5
21–25	35,6	36,2	31,7	31,0
26–30	19,1	18,8	7,1	7,3
31–40	9,1	8,9	4,5	4,7
41–50	3,5	3,5	1,6	1,9
50 и старше	1,8	1,8	0,4	0,4
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1898– 1910 гг. ... Вып.56–93; Статистический ежегодник России 1904–1910 гг. СПб., 1905–1911; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–73.

Приложение 27

Брачность по возрасту, полу и конфессиям населения Центральной России в 1901–1904 гг., %*

Вероисповедания	Возраст, лет			
	21 и моложе	21–26	26–31	31 и старше
Мужчины				
Православные	36,9	33,9	17,2	12,0
Протестанты	7,9	32,1	31,1	28,9
Католики	4,2	24,4	37,2	34,2
Мусульмане	9,5	41,2	24,2	25,1
Иудеи	5,2	41,0	35,6	18,2
Женщины				
Православные	60,3	28,3	5,9	5,9
Протестанты	28,4	39,5	16,6	5,5
Католики	36,9	38,7	14,6	9,8
Мусульмане	56,6	25,2	7,8	10,4
Иудеи	24,1	51,7	15,4	8,8

*Составлено и подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1901–1904 год... Вып.63–74; Статистический ежегодник России 1904 г. СПб., 1905. С.19–90; Россия, 1913 год ... С.21–26; Население России за 100 лет ... С.19–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30.

Миграционные процессы Центральной России в 1900–1910 гг., ‰*

Губернии и районы	Миграции в 1900–1909 гг.	Отходничество в Европейской России		
		1900 г.	1902 г.	1906–1910 гг.
1. Петербургская	1,6	28,9	27,6	23,0
2. Псковская	18,5	6,2	8,7	10,4
3. Новгородская	2,4	13,1	13,4	14,2
4. Олонецкая	2,6	12,4	13,4	13,2
В среднем: Северо-Западный (Озерный) район	6,3	15,2	15,8	15,2
5. Московская	4,1	29,9	33,9	34,2
6. Владимирская	1,0	19,1	26,1	24,2
7. Калужская	23,8	20,5	25,8	25,4
8. Тверская	2,0	16,7	22,6	23,0
9. Ярославская	1,0	18,9	24,1	23,1
10. Костромская	13,0	13,1	27,6	20,0
11. Нижегородская	8,4	11,0	13,1	12,0
В среднем: Центрально-Промышленный район	7,6	18,5	24,7	23,1
12. Курская	90,6	3,2	11,9	10,0
13. Орловская	69,0	9,2	11,6	12,2
14. Тамбовская	52,8	5,9	8,8	8,2
15. Воронежская	70,4	7,4	8,5	8,0
16. Пензенская	44,4	7,6	10,6	10,0
17. Рязанская	23,0	17,5	22,7	20,5
18. Тульская	23,4	14,3	20,1	20,0
В среднем: Центрально-Земледельческий район	53,4	9,3	13,5	12,7
19. Казанская	10,2	4,7	9,2	9,2
20. Самарская	47,4	1,9	4,6	3,4
21. Саратовская	32,4	6,1	7,7	6,0
22. Симбирская	25,5	8,6	10,8	10,0
23. Астраханская	–	17,6	8,3	9,0
В среднем: Поволжский район	28,9	7,8	8,1	7,5
В среднем: Центральная Россия	24,1	12,7	15,5	14,6
В среднем: Европейская Россия	–	8,3	9,5	9,4

*Составлено и подсчитано по: Россия, 1913 год... С.24; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год (включительно). СПб., 1910. С.3–85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С.3–81; Россия, 1913 год... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30, 47–73; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.,1998. С.101–202; Он же. Русские в мире. СПб., 1996. С.122–216.

Переселенческое движение Центральной России в 1895–1914 гг., тыс.чел.*

Губернии и районы	Годы				Всего
	1895–1899	1900–1904	1905–1909	1910–1914	
1. Петербургская	0,2	0,1	2,5	1,0	3,8
2. Псковская	2,4	4,5	12,4	9,1	28,4
3. Новгородская	0,9	0,1	1,6	2,9	5,5
4. Олонецкая	–	0,1	–	–	0,1
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	3,5	4,8	16,5	13,0	37,8
5. Московская	0,1	0,1	0,3	0,2	0,7
6. Владимирская	0,2	0,1	0,5	–	0,8
7. Калужская	4,1	0,7	16,9	8,5	30,2
8. Тверская	0,5	0,4	2,2	–	3,1
9. Ярославская	0,1	–	–	–	0,1
10. Костромская	0,6	0,4	6,4	17,2	24,6
11. Нижегородская	2,2	1,1	3,8	2,5	9,6
Итого: Центрально-Промышленный район	7,8	2,8	30,1	28,4	69,1
12. Курская	48,5	24,9	127,0	44,9	245,3
13. Орловская	43,4	9,0	73,5	52,9	178,8
14. Тамбовская	41,9	11,3	61,8	60,0	175,0
15. Воронежская	29,3	17,7	114,4	72,5	233,9
16. Пензенская	37,8	7,7	30,0	15,3	90,8
17. Рязанская	15,4	2,2	20,3	14,4	52,3
18. Тульская	17,6	2,0	10,7	9,6	39,9
Итого: Центрально-Земледельческий район	233,9	74,8	437,7	269,6	1016,0
19. Казанская	5,1	1,6	10,4	6,1	23,2
20. Самарская	42,7	8,4	65,7	48,6	165,4
21. Саратовская	16,6	6,5	41,3	26,5	90,9
22. Симбирская	11,1	3,0	10,0	8,1	32,2
23. Астраханская	0,5	0,1	1,0	0,6	2,2
Итого: Поволжский район	76,0	19,6	128,4	89,9	313,9
Всего: Центральная Россия	321,2	101,0	612,7	400,9	1436,8
Всего: Европейская Россия	658,0	445,3	1827,4	1045,7	3976,4

*Составлено и подсчитано по: Россия, 1913 год... С.24; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год ... С.3-85; Турчанинов Н.В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. ... С.3–81; Россия, 1913 год ... С.11–26; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–30. 47–73; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России... С.101–202; Он же. Русские в мире ... С.122–216.

Распределение населения Петербурга по месту рождения, продолжительности пребывания и полу в 1910 г.*

Место и продолжительность	Тыс.чел.			%		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
I. Родившиеся в Петербурге	280,1	330,1	610,2	28,1	36,3	32,0
II. Родившиеся вне Петербурга и поселившиеся в нем, годы:						
1910 и временно приезжие	117,6	78,6	196,2	11,8	8,7	10,3
1909–1906	178,2	123,6	301,8	17,9	13,6	15,8
1905–1901	107,2	91,6	198,8	10,8	10,1	10,4
1900–1896	79,8	63,8	143,6	8,0	7,0	7,6
1895–1891	53,5	40,7	94,2	5,4	4,5	4,9
1890–1886	37,0	29,5	66,5	3,7	3,3	3,5
1885–1881	24,4	20,2	44,6	2,4	2,2	2,4
1880–1876	20,4	18,4	38,8	2,0	2,0	2,0
1875–1871	10,8	10,2	21,0	1,1	1,1	1,1
1870 и ранее	16,2	22,3	38,5	1,6	2,5	2,0
неизвестно когда	72,1	79,3	151,4	7,2	8,7	8,0
Итого:	717,1	578,3	1295,4	71,9	63,7	68,0
Всего: (I+II)	997,2	908,4	1905,6	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Весь Петербург на 1910 год. СПб., 1910. С.10–19; Материалы по статистике Петрограда ... Вып. IV. С.19–21; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. ... С.19–22.

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1914 г., тыс.чел.*

Губернии и районы	Категории населения	Численность, тыс.чел.		
		мужчины	женщины	оба пола
1	2	3	4	5
1. Петербургская	городское	1197,3	1131,6	2328,9
	сельское	387,7	419,9	807,6
	всего	1585,0	1551,5	3136,5
2. Псковская	городское	45,6	46,5	92,1
	сельское	645,6	687,4	1333,0
	всего	691,2	733,9	1425,1
3. Новгородская	городское	55,3	54,8	110,1
	сельское	749,0	812,4	1561,4
	всего	804,3	867,3	1671,5
4. Олонецкая	городское	17,6	18,5	36,1
	сельское	205,8	223,7	429,5
	всего	223,4	242,2	465,6
Итого:				
Северо-Западный	городское	1315,8	1251,4	2567,2
(Озерный) район	сельское	1988,1	2143,4	4131,5
	всего	3303,9	3394,8	6698,7
5. Московская	городское	1013,1	887,1	1900,2
	сельское	783,5	907,6	1691,1
	всего	1796,6	1794,7	3591,3
6. Владимирская	городское	140,8	135,8	276,6
	сельское	823,1	927,3	1750,4
	всего	963,9	1063,1	2027,0
7. Калужская	городское	66,9	65,9	132,8
	сельское	612,5	731,3	1343,8
	всего	679,4	797,2	1476,6
8. Тверская	городское	89,2	90,0	179,2
	сельское	1034,9	1180, 0	2214,9
	всего	1124,1	1270,0	2394,1
9. Ярославская	городское	105,1	102,5	207,6
	сельское	480,5	609,6	1090,1
	всего	585,6	712,1	1297,7
10. Костромская	городское	68,1	70,9	139,0
	сельское	778,2	905,4	1683,6
	всего	846,3	976,3	1822,6

1	2	3	4	5
11. Нижегородская	городское	91,6	88,3	179,9
	сельское	902,9	984,0	1886,9
	всего	994,5	1072,3	2066,8
Итого: Центрально-промышленный район	городское	1574,8	1440,5	3015,3
	сельское	5415,6	6245,2	11660,8
	всего	6990,4	7685,7	14676,1
12. Курская	городское	143,9	146,6	290,5
	сельское	1477,5	1488,6	2966,1
	всего	1621,4	1635,2	3256,6
13. Орловская	городское	163,2	156,8	320,0
	сельское	1196,1	1245,6	2441,7
	всего	1359,3	1402,4	2761,7
14. Тамбовская	городское	158,1	146,3	304,4
	сельское	1583,8	1641,8	3225,6
	всего	1741,9	1788,1	3530,0
15. Воронежская	городское	102,6	104,8	207,4
	сельское	1709,4	1714,1	3423,5
	всего	1812,0	1818,9	3630,9
16. Пензенская	городское	91,0	96,1	187,1
	сельское	832,7	891,8	1724,5
	всего	923,7	987,9	1911,6
17. Рязанская	городское	101,5	98,5	200,0
	сельское	1251,3	1322,6	2573,9
	всего	1352,8	1421,1	2773,9
18. Тульская	городское	118,1	107,0	225,1
	сельское	783,0	878,1	1661,1
	всего	901,1	985,1	1886,2
Итого: Центрально-Земледельческий район	городское	878,4	855,6	1734,0
	сельское	8833,8	9182,6	18016,4
	всего	9712,2	10038,7	19750,9
19. Казанская	городское	140,4	139,7	280,1
	сельское	1284,0	1302,9	2586,9
	всего	1424,4	1442,6	2867,0
20. Самарская	городское	117,6	124,6	242,2
	сельское	1765,5	1793,1	3558,6
	всего	1883,1	1917,7	3800,8

1	2	3	4	5
21. Саратовская	городское	248,8	269,2	518,0
	сельское	1358,6	1392,7	2751,3
	всего	1607,4	1661,9	3269,3
22. Симбирская	городское	74,8	76,7	151,5
	сельское	932,4	983,9	1916,3
	всего	1007,2	1060,6	2067,8
23. Астраханская	городское	94,3	93,6	187,9
	сельское	577,5	550,5	1128,0
	всего	671,8	644,1	1315,9
Итого: Поволжский район	городское	675,9	703,8	1379,7
	сельское	5918,0	6023,1	11941,1
	всего	6593,9	6726,9	13320,8
Всего: Центральная Россия	городское	4444,9	4251,3	8696,2
	сельское	22155,5	23594,3	45749,8
	всего	26600,4	27846,1	54446,5
Всего: Европейская Россия	городское	9481,2	9115,6	18596,8
	сельское	54275,3	55992,2	110267,5
	всего	63756,5	65107,8	128864,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд.1. С.1–25, 33–57; Россия, 1913 год … С.11–23; Население России за 100 лет … С.19-98; Население России в XX веке … Т.1. С.7–82.

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1916 г., тыс.чел.*

Губернии и районы	Всего	В том числе		
		городское	сельское	
			всего	в том числе не описано
1. Петроградская	3637,5	2554,3	1083,2	412,8
2. Псковская	1137,9	79,2	1058,7	1,2
3. Новгородская	1456,5	107,6	1348,9	21,5
4. Олонецкая	411,8	34,9	376,9	15,2
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	6643,7	2776,0	3867,7	450,7
5. Московская	3638,3	2144,1	1494,2	27,4
6. Владимирская	1877,5	307,0	1570,5	129,1
7. Калужская	1251,2	102,5	1148,7	46,3
8. Тверская	1979,8	195,8	1784,0	71,9
9. Ярославская	1271,2	271,7	999,5	40,3
10. Костромская	1647,7	110,0	1537,7	62,0
11. Нижегородская	1871,5	174,6	1696,9	109,0
Итого: Центрально-Промышленный район	13537,2	3305,7	10231,5	486,0
12. Курская	2608,0	158,5	2449,5	6,7
13. Орловская	2385,1	363,0	2022,1	67,7
14. Тамбовская	3343,4	314,3	3029,1	10,0
15. Воронежская	3266,4	162,0	3104,4	125,1
16. Пензенская	1789,9	193,2	1596,7	7,0
17. Рязанская	2176,5	154,1	2022,4	81,5
18. Тульская	1706,2	236,1	1469,1	59,2
Итого: Центрально-Земледельческий район	17274,5	1581,2	15693,3	357,2
19. Казанская	2636,0	262,6	2373,4	95,7
20. Самарская	3632,0	449,8	3182,2	128,3
21. Саратовская	3184,7	683,0	2501,7	48,6
22. Симбирская	1832,1	195,5	1636,6	17,1
23. Астраханская	1263,3	201,4	1061,9	4,1
Итого: Поволжский район	12548,1	179,3	10755,8	293,8
Всего: Центральная Россия	50003,5	9455,2	40548,3	1587,7
Всего: Европейская Россия	97706,4	16686,5	81019,9	3265,1

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 216, 217, 224, 225; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–91; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1917 г., тыс.чел.*

Губернии и районы	Сельское				
	всего	в том числе			
		наличное	отсутствующее		
			всего	в том числе	
				отхожие промыслы	армия
1. Петроградская	817,0	704,5	112,5	35,8	76,7
2. Псковская	849,9	750,6	99,3	13,4	85,9
3. Новгородская	1543,5	1312,7	230,8	46,9	183,9
4. Олонецкая	410,3	344,9	65,4	13,7	51,7
Итого: Северо-Западный (Озерный) район	3620,7	3112,7	508,0	109,8	398,2
5. Московская	1594,9	1304,0	290,9	124,6	166,3
6. Владимирская	1581,9	1331,2	250,7	82,4	168,3
7. Калужская	1361,7	1108,6	253,1	99,0,	154,1
8. Тверская	2027,4	1644,8	382,6	180,9	201,7
9. Ярославская	1146,4	942,9	203,5	70,5	133,0
10. Костромская	1647,1	1394,5	252,6	62,5	190,1
11. Нижегородская	1759,3	1518,7	240,6	50,6	190,0
Итого: Центрально-Промышленный район	11118,7	9244,7	1874,0	670,5	1203,5
12. Курская	2793,4	2396,3	397,1	51,6	345,5
13. Орловская	2299,4	1964,2	335,2	80,5	254,7
14. Тамбовская	3527,3	3063,0	464,3	77,2	387,1
15. Воронежская	3273,2	2847,6	425,6	45,3	380,3
16. Пензенская	1808,7	1588,1	220,6	31,7	188,9
17. Рязанская	2304,2	1931,1	373,1	117,3	255,8
18. Тульская	1725,5	1434,5	291,0	101,8	189,2
Итого: Центрально-Земледельческий район	17731,7	15224,8	2506,9	505,4	2001,5
19. Казанская	2600,0	2265,2	334,8	57,2	277,6
20. Самарская	3350,8	2954,9	395,9	16,0	379,9
21. Саратовская	2770,6	2431,3	339,3	33,9	305,4
22. Симбирская	1872,2	1630,6	241,6	29,9	211,7
23. Астраханская	604,2	527,8	76,4	11,5	64,9
Итого: Поволжский район	11197,8	9809,8	1388,0	148,5	1239,5
Всего: Центральная Россия	43668,9	37392,0	6276,9	1434,2	4842,7
Всего: Европейская Россия	81398,1	69893,3	11504,8	2310,4	9194,4

*Составлено и подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. ... Т.IV. Вып.1. С.2. 3, 18, 19, 26, 27; Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. ... Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–91; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Приложение 34

Отношение рождаемости населения ряда губерний Центральной России в 1914–1917 гг. к рождаемости в 1911–1913 гг., %*

Губернии	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
1. Владимирская	99	88	66	42
2. Калужская	102	90	62	45
3. Костромская	105	87	–	–
4. Московская	103	87	71	–
5. Нижегородская	101	85	60	36
6. Новгородская	106	87	69	–
7. Псковская	102	85	76	–
8. Саратовская	103	92	60	41
9. Тверская	105	83	78	58
10. Тульская	102	86	87	88
11. Ярославская	104	89	72	59
12. Казанская	101	87	–	–

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. ... Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Россия, 1913 год ... С.11–23; Население России за 100 лет ... С.19–91; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Приложение 35

Рождаемость и смертность населения Центральной России в 1913–1917 гг., ‰*

Годы	Рождаемость	Смертность	Смертность населения старше одного года
1913	47,0	30,2	19,6
1914	46,9	29,0	18,4
1915	39,7	29,9	21,0
1916	29,9	28,7	22,0
1917	23,9	27,6	22,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. //Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Россия, 1913 год ... С.19–89; Население России за 100 лет ... С.21–98; Население России в XX веке ... Т.1. С.7–82.

Естественное движение населения ряда губерний Центральной России в 1913–1917 гг., ‰*

Губернии		Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1. Владимирская	1913 г.	43,3	30,2	+13,1
	1917 г.	32,0	33,6	–1,6
2. Калужская	1913 г.	50,4	31,8	+18,6
	1917 г.	28,1	31,2	–3,6
3. Костромская	1913 г.	45,6	29,9	+15,7
	1917 г.	32,2	36,9	–4,7
4. Московская	1913 г.	49,7	35,1	+14,6
	1917 г.	28,9	35,3	–6,4
5. Нижегородская	1913 г.	46,9	31,2	+15,7
	1917 г.	23,5	28,8	–5,3
6. Новгородская	1913 г.	42,2	28,6	+13,6
	1917 г.	28,9	25,3	+3,6
7. Псковская	1913 г.	43,7	26,4	+17,3
	1917 г.	27,3	28,4	–1,1
8. Тверская	1913 г.	85,1	29,4	+55,7
	1917 г.	29,4	30,8	–1,4
9. Тульская	1913 г.	48,6	32,6	+16,0
	1917 г.	39,9	43,2	–2,3
10. Ярославская	1913 г.	43,6	30,1	+13,5
	1917 г.	20,6	25,2	–4,6
11. Саратовская	1913 г.	17,6	12,6	+5,0
	1917 г.	26,7	34,8	–8,1
12. Казанская	1913 г.	45,7	30,4	+15,3
	1917 г.	39,1	51,1	–12,0

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913–1917 гг. … Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Население России в XX веке … Т.1. С.7–82.

Распределение рабочих Центральной России на предприятиях, выполнявших военные заказы в 1913–1917 гг., %*

Отрасли производства	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Производства, выполнявшие военные заказы	86,0	86,5	87,9	88,6	88,7
В том числе:					
– выпускавшие предметы вооружения	21,0	23,2	26,8	31,2	33,1
– выпускавшие предметы снаряжения	2,6	2,6	3,1	3,2	2,8
– выпускавшие продукты питания	8,2	8,2	8,4	8,0	8,0
– выпускавшие различные ткани	54,2	52,5	49,6	46,2	44,8
Производства, не выполнявшие военные заказы	14,0	13,5	12,1	11,4	11,3
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность в период 1913-1918 гг. М., 1921. С.40; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913–1914 гг. СПб.; Пг., 1914–1915; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.34–158; Она же. Промышленный центр России ... С.194–237.

Распределение по полу рабочих Центральной России на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в 1914–1917 гг., %*

Отрасли производства	1914 г.		1917 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Обработка хлопка	43,4	56,6	39,6	60,4
Обработка шерсти	58,3	41,7	49,0	51,0
Обработка шелка	32,4	67,6	30,6	69,9
Обработка льна, пеньки и джута	45,0	55,0	34,5	65,5
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	41,7	58,3	23,6	76,4
В среднем: Текстильная промышленность	44,2	55,8	35,5	64,5
Производство бумажное и полиграфическое	75,9	24,1	61,7	38,3
Обработка дерева	90,0	10,0	81,1	18,9
Обработка металла	94,9	5,1	82,0	18,0
Обработка минеральных веществ	78,5	21,5	69,3	30,7
Обработка животных продуктов	82,7	17,3	69,9	30,1
Обработка пищевых веществ	78,0	22,0	65,4	34,6
Химическое производство	62,7	37,3	60,1	39,9
Электростанции и прочие производства	95,8	4,2	80,7	19,3
В среднем: Другие отрасли	82,3	17,7	71,3	28,7
В среднем: Все отрасли	63,3	36,7	53,4	46,6

*Составлено и подсчитано по: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. Пг., 1915. С.14–19; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. ... Т.26. Вып.1–2; Россия, 1913 год ... С.36–52, 223; РГИА. Ф.23. Оп.27. Д.476. Л.43–46; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России ... С.34–547, 103–158; Она же. Промышленный центр России ... С.194–237.

Распределение по полу рабочих Центральной России на предприятиях, выполнявших военные заказы в 1917 г., %*

Отрасли производства	Мужчины	Женщины
Обработка хлопка	45,0	55,0
Обработка шерсти	54,5	45,5
Обработка шелка	64,0	36,0
Обработка льна, пеньки и джута	30,8	69,2
Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	50,5	49,5
Производство бумажное и полиграфическое	70,2	29,8
Обработка дерева	84,2	15,8
Обработка металла	86,7	13,3
Обработка минеральных веществ	76,0	24,0
Обработка животных продуктов	82,8	17,2
Обработка пищевых веществ	63,0	37,0
Химическое производство	87,0	13,0
Горное дело	87,8	12,2
Электропромышленность	89,0	11,0
Металлургическая промышленность	87,8	12,2
Прочие производства	68,0	32,0
В среднем:		
Все отрасли	70,5	29,5

*Составлено и подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С.75; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. ... Т.26. Вып. 1–2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 11

1.1. Размещение населения 11
1.2. Состав населения по возрасту и полу 22
1.3. Миграции 39
1.4. Занятия населения 53

2. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В 1900–1913 ГГ. 75

2.1. Изменение численности и возрастно-полового состава населения 75
2.2. Естественное движение населения 86
2.3. Миграционные процессы 107
2.4. Занятость населения по отраслям экономики 113

3. НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 136

3.1. Демографический кризис 136
3.2. Деформация возрастно-половой структуры 143
3.3. Особенности миграционных процессов 146
3.4. Изменения в социально-профессиональном составе городского и сельского населения 153

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 165

ПРИМЕЧАНИЯ 168

ПРИЛОЖЕНИЯ 200

Научное издание

Морозов Сергей Дмитриевич

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897–1917 ГГ.:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
Монография

ISBN 978-5-9282-0699-4

В авторской редакции
Верстка Т.А. Лильп

Подписано в печать 14.08.11. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 13,95. Уч.-изд.л. 15,0. Тираж 1000 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ №94.

Издательство ПГУАС.
Отпечатано в полиграфическом центре ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28.